

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1978

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ДВА ЭТЮДА ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1. О возможных истоках образования настоящего-будущего времени с показателем *-r* в тюркских языках

Настояще-будущее время в турецком языке образуется с помощью аффиксов:

1) *-r* — при гласных основах: *oku-mak* 'читать' — *okur* 'читает'; *işlemek* 'работать' — *işle-r* 'работает';

2) *-ar/-er* — при односложных согласных основах: *yaz-mak* 'писать' — *yaz-ar* 'пишет'; *gez-mek* 'гулять' — *gez-er* 'гуляет';

3) *-ır/-ir/-ur/-ür* — при многосложных согласных основах: *çalış-mak* 'работать', 'трудиться' — *çalış-ır* 'работает'; *gönder-mek* 'посылать' — *gönder-ir* 'посылает'¹.

О происхождении показателей настоящего-будущего времени, в особенности так называемого широкого и узкого вариантов, высказывались многие тюркологи².

Попробуем предложить еще одно соображение.

Известно, что в азербайджанском языке показатель с узким гласным, то есть *-ыр/-ир/-ур/-үр* имеет значение только настоящего времени, например: *яз-ыр-ам* 'я пишу', *кэл-ир* 'он идет' и т. д.³

Показатель с широким гласным, то есть *-ар/-әр* оформляет в азербайджанском языке категорическое будущее время, например: *яз-ар-ам* 'я буду писать', *ал-ар* 'он возьмет' и т. д.⁴.

Нам представляется, что приведенные варианты аффиксов имеют разное происхождение, и это нашло отражение в азербайджанском языке.

Источником будущего времени в тюркских языках могли быть глаголы с суффиксом *-ar(-er)*, означающим процесс становления определенного качества, ср. азерб. *агармаг* 'белеть', тат. *агар-*, каз. *агар-*. С тем же значением суффикса туркм. *агрармак* (из *агыр-ар-мак*) 'тяжелеть', 'становиться тяжелым', тур. *bayırtmak* 'богатеть' от *bay* 'богатый', *sararmak* 'желтеть' от *sarı* 'желтый', каз. *ескір-* 'стареть' от *ескі* 'старый' кирг. *жашар-* 'молодеть' от *жаш* 'молодой', хак. *көгөр-* 'синеть' от *көк* 'синий'⁵, тат. *кызар-* 'краснеть' от *кыз(ыл)* 'красный', *агар-* 'белеть' от *ак* 'белый'.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 225.

² Эти предположения изложены в указанной книге А. Н. Кононова (см.: стр. 225—226).

³ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 249—250.

куер - 'сгущаться' от *куе* 'густой', *кугар* - 'синеть' от *күк* 'синий', *кыскар* - 'укорачиваться' от *кыска* 'короткий', *нечкар* - 'утончаться' от *нечка* 'тонкий'⁶.

Возможность переосмысления значения становления определенного качества в значение будущего времени подтверждается тем, что в некоторых языках для образования будущего времени был использован глагол, означающий «становиться». Классический пример в этом отношении дает немецкий язык, в котором для образования будущего времени используется глагол *werden* 'становиться', например: *ich werde schreiben* 'я буду писать'. Ср. также русск. *стану сказывать я сказки*.

В латинском и древнеирландском языках для образования будущего времени был использован индоевропейский глагол *bhi* 'быть', более древним значением которого было значение «расти», «становиться», ср. лат. *lauda-bo* 'я буду хвалить', др.-ирл. *leic-fea* 'я оставляю' и т. д.

Что касается показателя с узким гласным типа *-ir/-ür* и т. д., то этот узкий гласный совпадает с показателями основ глаголов в тюркских языках, обозначающими процесс действия; ср. узб. *ноли-моқ* 'стонать', тур. *tepsi-mek* 'отстранять', азерб. *зары-маг* 'стонать', 'охать', кирг. *жаркы* - 'блистать' и т. д.⁷

Таким образом, широкий и узкий гласный показателей настоящей-будущего времени генетически восходят к показателям древних глагольных основ на *-i*, *-u* и *-a*, означавших длительное действие. Общий элемент *r* в этих показателях, по-видимому, представляет древний аффикс многократного действия.

II. Еще раз о влиянии марийского языкового субстрата на чувашский язык

Проблема влияния марийского языкового субстрата на чувашский затрагивалась нами в ряде работ⁸. Еще ранее на отдельные черты сходства между марийским и чувашским языками указывал в своих работах Э. Беке⁹. Об этом писали также и некоторые чувашские и марийские языковеды.

В данном этюде нам хотелось бы объяснить влиянием марийского языкового субстрата такое характерное для чувашского языка явление, как превращение исконного тюркского *a* в первом слове в *ы*.

Проблема эта довольно сложна, и не всегда можно удовлетворительно объяснить причину перехода *a* в *ы*. Однако в чувашском языке имеется достаточное количество примеров такого превращения начального *a* в *ы*, позволяющих, с нашей точки зрения, дать обоснованное объяснение этого явления.

Превращение исконного *a* в *ы* нередко наблюдается в чувашском языке в односложных словах или в формах слов, состоящих из одного слога. Как правило, такой слог бывает всегда закрытым и строится по модели СГС, то есть **согласный+гласный+согласный**. Примеры: чув. *пыл* 'мед' < *bał*, чув. *сыр* 'крутой берег', 'яр' < *jağ*, чув. *сых* 'охранять' < *saq*-, чув. *сыр-* 'писать' < *jaz*-, чув. *пыр-* 'идти' < *bağ*-, чув. *хыс-* 'чесать' < *qaš*- и т. д.

⁶ «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 290.

⁷ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 230—234.

⁸ Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, стр. 259—265; *его же*. Изоглоссные явления чувашского и марийского языков. — В сб.: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 231—242.

⁹ Ödön Beke. Türkische Einflüsse in der Syntax der finnischugrischen Sprachen. — «Keleti Szemle», 1914—1915, XV.

Исконное *a* в чувашском языке превращалось в *ы* и в двусложных словах. Типичная модель слов этого типа СГСГ. Последний гласный обычно бывает редуцированным, и по этой причине он не несет на себе ударения. Примеры: чув. *йывăç* 'дерево' < ауас, чув. *пылчăк* 'грязь' < бал-çуç, чув. *йывăр* 'тяжелый' < аууг < ауг, *хытă* 'жесткий' < qatı, *ылтăн* 'золото' < al-tup, *выçă* 'голодный' < ас, *хырăм* 'желудок' < qagup, *хырă* 'сосна' < qadu, *тырă* 'хлеб в зерне' < tagu < tagu и т. д.

Без особого труда можно обнаружить, что во всех приведенных выше случаях *y* развилось не непосредственно из *a*, а из *u*, то есть переход *a* в *ы* имел определенные промежуточные ступени, которые можно представить таким образом: *a* > *o* > *u* > *y*. Все эти промежуточные ступени получили отражение в чувашских диалектах.

Ступень *o* отражена в верховом диалекте чувашского языка, ср. верх. *поç* 'голова', *вола* 'читать', *потек* 'ягненок' и т. д. В литературном чувашском языке, базирующемся на низовом диалекте, соответствующие слова будут звучать как: *пуç* 'голова', *вула* 'читать', *путек* 'ягненок' и т. д.

Можно предполагать, что ступени *o* предшествовала ступень огубленного *a*, которая хорошо представлена в современном татарском языке. Ступень *u* представлена в современном низовом диалекте, составившем основу чувашского литературного языка, главным образом в тех словах, где переход *a* в *ы* не совершился.

То, что ступени *ы* непосредственно предшествовала ступень *u*, подтверждается данными чувашских диалектов, в которых она сохранилась. В говоре сундырцев и моргаушцев вместо *ы* нередко произносят гласный *y*: *пурап* 'приду', *вурма* 'жать', *путанать* 'прячется', *вурăс* 'русский' (литер. *пыратăп*, *вырма*, *пытанать*, *вырăс*)¹⁰.

О том, что на месте *ы* когда-то было *y*, свидетельствуют также наблюдаемые в диалектах результаты стяжения звуков. А. С. Канюкова отмечает, что один из отличительных признаков северо-западного говора — это появление долгого или полудолгого гласного *y* вместо звукосочетаний *ыва*, *ыв* в литературном языке, например: *сумар* = литер. *сымар* 'нездоровый', *суур* = литер. *сывар* 'спи', *йууç* = литер. *йывăç* 'дерево', *йуур* = литер. *йывăр* 'тяжело'¹¹. Стяжение в долгое или полудолгое *y*, например, *сымар* > *сумар*, обуславливалось тем, что здесь некогда было *сувмар*, а не *сымар*. Процесс сокращения мог идти следующим образом: *савмар* > *сувмар* > *суумар* > *сумар*.

Это подтверждается также и косвенно. Так, например, в слове *выçă* 'голодный', соответствующем слову *ас* других тюркских языков, протеза *в* не могла бы возникнуть в позиции перед *ы*, так как протеза *в* обычно возникает перед губными гласными. Следовательно, эта протеза могла возникнуть в чувашском слове *выçа* только в тот период, когда оно звучало как *уçă*. В ряде чувашских слов *ы* образовалось не из *a*, а из *o*, ср. чув. *вырăн* 'место', тат. *урын*, тур. *orun* 'место' из *oryn*, чув. *выр* 'жать', тур. *orak* 'серп', *oraklamak* 'жать'. Поскольку *a* в чувашском языке, как и в татарском, подвергалось сужению, то и в этих случаях *ы* также возникло из *u*.

Проанализируем внутренний механизм превращения *a* в *ы* в чувашском языке в указанных выше условиях.

В односложных словах, находящихся на ступени *u*, например, *bal* 'мед' > *pał* > *pol* > *pul*, корневое *u*, по-видимому, подвергалось некоторому удлинению, то есть *pul* звучало как *pûl*. Л. П. Грузов отмечает, что в

¹⁰ А. С. Канюкова. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965, стр. 82.

¹¹ Там же.

односложных марийских словах гласные имеют в два раза большую длительность, чем в словах многосложных¹².

По-видимому, чувашское ударное и удлинённое *и* в односложном слове создавало участок напряжения, который позднее устранялся путем сужения *й* в *у* (*ы*).

Очевидно, в какой-то мере аналогичное положение наблюдалось и в двусложных словах, у которых последний слог имел редуцированный гласный, например, *вусă* 'голодный' (совр. *высă*). Несколько удлинённое *и* и в этом случае сужалось в *ы*.

Превращение *у* в *ы* относится к категории процессов, именуемых делабиализацией гласных. Чувашский язык вообще склонен к делабиализации. Достаточно хотя бы указать, что в ряде диалектов чувашского языка *ö* делабиализуется, ср. чув. *тёс* 'цвет' и тат. *төс*, чув. *тётём* 'дым' и тур. *tütün* 'дым', чув. *сёр* 'сто' и тур. *uyz* 'сто', чув. *вёс* 'конец' и тат. *өч*, тур. *ış* и т. д.

Вместе с тем эти процессы нельзя рассматривать изолированно от аналогичных процессов, происходивших в восточных финно-угорских языках и прежде всего в марийском.

Так же, как и в чувашском языке, прамарийские *и* и *й* в горно-марийском наречии подвергались в односложных словах делабиализации: ср. луг.-мар. *тул* 'огонь', горно-мар. *тыл* 'огонь', луг.-мар. *нур* 'поле', горно-мар. *ныр* 'поле', луг.-мар. *пун* 'шерсть', горно-мар. *пын* 'шерсть', луг.-мар. *пуч* 'ствол, стебель', горно-мар. *пыч* 'ствол, стебель', луг.-мар. *уш* 'сознание, память', горно-мар. *ыш* и т. д.; луг.-мар. *вур* 'кровь' (*й* из *й* редуцированного), горно-мар. *выр*, луг.-мар. *тун* 'основание', горно-мар. *тынг* 'основание', луг.-мар. *шум* 'чувство', горно-мар. *шым* и т. д.

В двусложных словах горно-марийского наречия делабиализация прамарийских редуцированных *и* и *й*, как и в чувашском языке, происходила в тех случаях, когда последний слог содержал редуцированный гласный: ср. луг.-мар. *кудо* 'который', горно-мар. *кыды* 'который', луг.-мар. *кутко* 'муравей', горно-мар. *кыткы* 'муравей', луг.-мар. *кушто* 'где', горно-мар. *кышты* 'где' и т. д.; луг.-мар. *шешпык* 'соловей', горно-мар. *шыж-вык* 'соловей', луг.-мар. *кыдыр* 'тетерев', горно-мар. *кыдыр* 'тетерев', луг.-мар. *чычү* 'дядя', 'младший брат матери', горно-мар. *чычы* 'дядя', 'младший брат матери', луг.-мар. *чычмө* 'пряжа, оставшаяся от основы', горно-мар. *чычмы* и т. д.¹³.

Причину перехода *и* редуцированного в *ы* и *й* редуцированного в *ы* в горно-марийском Л. П. Грузов объясняет ослаблением огубленности редуцированных, слабонапряжённых гласных, чему могло способствовать и изменение характера древнемарийского ударения¹⁴. Действительно, ударение в горно-марийском наречии падает на предпоследний слог слова. В этом наречии, как и в чувашском языке, делабиализации подвергались ударные гласные типа *и*.

Любопытно также отметить, что делабиализация общепермского *й*, то есть *и* закрытого, осуществлялась в коми-зырянских, коми-пермяцких, а также в большинстве удмуртских диалектов¹⁵. Примеры: коми-зыр.

¹² Л. П. Грузов. Длительность марийских гласных. — «Труды МарНИИ», вып. XII, 1958, стр. 152—155.

¹³ Там же, стр. 82 (таблица).

¹⁴ Там же, стр. 74.

¹⁵ В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964, стр. 186.

кыдзи 'как', удм. *кызьы*, коми-зыр. *кызь* 'двадцать', удм. *кызь*, манс. *kus*, венг. *husz*, коми-зыр. *лы* 'кость', удм. *лы*, финск. *luu* 'кость', коми-зыр. *лым*, удм. *лымы* 'снег', финск. *lumi*, коми-зыр. *пыж* 'лодка', мар. *пуш*, коми-зыр. *тыв* 'огонь', удм. *тыл* 'огонь', финск. *tuli* 'огонь' и т. д.

Есть определенные признаки, свидетельствующие о том, что в пермских языках в *ы* превращалось также прапермское *ÿ*; ср. коми-зыр. *гыж* 'ноготь', 'коготь', удм. *гыжы*, финск. *kynsi*, коми-зыр. *гырдза* 'локоть', удм. *гырпум*, финск. *kuupär* 'локоть', удм. *кый* 'змея', морд. *куй*, финск. *kuu* и т. д.¹⁶

Поразительно сходство этих процессов с процессами, происходившими в горно-марийском диалекте марийского языка.

Необходимо, однако, заметить, что переход *а* в *ы* в чувашском языке нельзя назвать фронтальным процессом. Этот процесс либо продолжается, либо он по каким-то неизвестным причинам прервался. Об этом свидетельствует довольно значительное число исключений. В некоторых односложных словах чувашского языка сохраняется ступень *y*; ср. *çур* 'весна' < *jaž*, *пур* 'есть, имеется' < *bağ*, *хур* 'гусь' < *qaz* и т. д. Не переходит *а* в *ы* часто также в двусложных словах, содержащих в последнем слоге безударный редуцированный гласный: ср. *пулă* 'рыба' < *balyq*, *сулхăн* 'прохлада' < *salqyn*, *сулă* 'плот' < *sal*, *пучă* 'поле', ср. тат. *basu*, *çумăр* 'дождь', ср. тат. *jaŋğur* и т. д. Причины этих аномалий пока не известны.

¹⁶ В. И. Лыткин. Указ. раб., стр. 189—199.

Г. Ф. БЛАГОВА

ОБ АРЕАЛЬНЫХ СИСТЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ГРАММАТИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (ПАДЕЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ)

1. Ареальная лингвистика — одна из самых молодых отраслей тюркского языкознания. Говоря о намечающемся сдвиге в этой области, Э. В. Севортян писал, что «пока не ясно, какие именно вопросы необходимо разрешать в ареальных темах»¹. Всего лишь три года назад вышла в свет книга Н. З. Гаджиевой — первый в истории тюркологии опыт детального исследования многочисленных фонетических и морфологических явлений тюркских языков и диалектов Средней Азии². Н. З. Гаджиева, справедливо считая преждевременным фронтальное описание тюркских языков такого большого региона, как Средняя Азия, сосредоточивает свое внимание на отдельных, наиболее важных проблемах³ и в числе их — на «характерных чертах среднеазиатского ареала», интерпретации изоглоссных явлений, проблемах классификации тюркских языков в связи с ареальной лингвистикой⁴. Исследование Н. З. Гаджиевой отличают стремление изучить избранные языковые явления как элементы системы языка (диалекта), широкий взгляд на пространственное распределение каждого из этих явлений, интересные выводы о значении ареальной лингвистики для истории языка.

В свою очередь, проведенное нами лингвогеографическое сопоставительное изучение ряда грамматических категорий, представленных в среднеазиатско-тюркских языках и диалектах (падежное склонение, имена действия, показатель *-đ-* в значении множественности в глагольных формах), позволяет выделить ареалы на основе морфологических признаков. Фронтальные сопоставления в области грамматики этих диалектов — а такие сопоставления, естественно, осуществимы только общими усилиями диалектологов тюркоязычных республик Средней Азии — позволяют расширить число таких морфологических ареалов, в соответствии с требованиями современного ареаловедения⁵. Подобные грамматические сопоставления, по нашему мнению, должны быть систем-

¹ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 16.

² Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975

³ Там же, стр. 3; *ее же*. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1, стр. 14 и сл.

⁴ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 28 и сл., 98 и сл., 125 и сл.

⁵ См.: М. А. Бородин. Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1975, № 2; Т. В. Назарова. К проблеме типологии диалектных ареалов. — В сб.: «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974.

но-тематическими, то есть иметь своим объектом поочередно морфологические категории, прежде всего, в их формантном выражении.

2. В последующем анализе парадигматики падежного склонения мы исходим из существования трех классификационных типов его в тюркских языках Средней Азии. В соответствии со спецификой склонения различных грамматических классов — имен и местоимений, а также с перекрещиванием двух грамматических категорий — категории падежа и категории принадлежности — выделяются три падежных парадигмы: именная, посессивно-именная и местоименная. Каждый из трех классификационных типов склонения — уйгурско-узбекский, огузский и кыпчакский — представляет собой взаимообусловленную систему, причем любая такая система определяет в каждом случае по-своему пропорциональные отношения между ее парадигмами и парадигматическими членами.

Соотношения структурных разновидностей склонения — именной, посессивно-именной, местоименной парадигм — в ряде тюркских языков основываются на корреляции консонантного начала формантов, главным образом, трех падежей — родительного (1), винительного (2) и дательно-направительного (3), а также на учете наличия или отсутствия (нулевой признак) интерфикса *-n-* в части посессивно-именной парадигмы (после аффикса 3-го лица) (4). Консонантный коррелятивный ряд — это совокупность падежных формантов с обязательным наличием консонантного начала в них — родительный *-niŋ/-nin* (1), винительный *-ni* (2), дательно-направительный *-ŋa* (3). Соответственно вокалический коррелятивный ряд — это совокупность падежных формантов с вокалическим началом (то есть отсутствием инициального согласного) — родительный *-iŋ/-in* (1), винительный *-i* (2), дательно-направительный *-a* (3).

Падежные форманты обоих рядов — как консонантного, так и вокалического — присущи огузскому и кыпчакскому типам. Однако распределяются эти форманты неодинаково: оппозиция консонантных и вокалических формантов в огузском типе имеет чисто фонетический характер. Напротив, в кыпчакском типе налицо морфологическая значимость такой оппозиции, поскольку здесь консонантные форманты закреплены за именной парадигмой, а вокалические — за частью посессивно-именной и местоименной парадигм⁶.

Стандартизованный уйгурско-узбекский тип склонения характеризуется принадлежностью падежных формантов как именной, так и посессивно-именной (в значительной мере также местоименной) парадигм только к консонантному коррелятивному ряду; посессивно-именная парадигма полностью выводится из именной парадигмы.

3. Предпринятая попытка ареального изучения падежного склонения в тюркских языках и диалектах Средней Азии носит предварительный характер. Прежде всего это относится к картам, где многочисленные белые пятна указывают либо на неизученность соответствующих языковых территорий в названном аспекте, либо на невозможность использования крайне фрагментарных сведений.

Дело тормозится и тем, что пока еще нет материальной основы для систематического сопоставления всех трех парадигм падежного склонения по диалектам и говорам. Диалектологические атласы отдельных тюркских языков и диалектов Средней Азии, как и большой атлас тюркских языков Советского Союза, находятся в различных стадиях состав-

⁶ См.: Г. Ф. Благова. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1.

ления. В идеале мы должны были бы располагать целостными воспроизведениями падежных парадигм для множества уже описанных тюркских диалектов и говоров Средней Азии. Однако диалектографические монографии, все еще несущие в тюркологии на себе печать атомарности, ибо диалект часто описывается на основе его отличий от литературного языка, как правило, не дают сколько-нибудь целостного представления о структурных разновидностях падежного склонения, существующих в изучаемом диалекте (говоре). В применении к склонению это особенно заметно в весьма богатой материалами узбекской диалектографии, поскольку диалектологи Узбекистана, исходя из единообразности всех трех структурных разновидностей уйгурско-узбекского типа склонения в его литературно-орфографическом выражении, чаще всего почти не обращают внимания даже на вполне заметные дистинктивные черты именной, посессивно-именной и местоименной парадигм в тех или иных узбекских говорах, в лучшем случае описывая их как «фонетические особенности». В интересной монографии лингвогеографа А. Шерматова, картографировавшего наряду с фонетическими и лексическими также морфологические явления нижнекашкардарьинских говоров, на карту оказались нанесенными, причем нерасчлененно, приметы дательно-направительного падежа именной и посессивно-именной парадигмы, хотя, как видно из материалов исследователя, в этих говорах названные парадигмы различаются как раз по признаку дательно-направительного падежа⁷. Х. Д. Данияров, говоря в сущности об одной из примет посессивно-именной парадигмы (дательно-направительного падеже) — о «характерном... для кыпчакских говоров употреблении афф. -а вместо лит. -га в таких словах, как *отама* 'к моему отцу'...», совершенно справедливо связывает такое употребление в этих говорах «не с фонетическими закономерностями языка, а с морфологическими»⁸; при этом, однако, им не затрагивается вопрос о вычленении посессивно-именной парадигмы как по названному, так и по другим признакам. Вместе с тем достаточно сказать, что образцом систематизированной подачи диалектного склонения остается небольшая по объему статья Е. Д. Поливанова «Говоры кишлака Кыят-Конграт Шаватского района», где полностью приведена и прокомментирована посессивно-именная парадигма изучаемого говора, а опубликованный текст дает исчерпывающее представление о характере именной парадигмы⁹. В этих условиях мы были вынуждены в ряде случаев привлекать к изучению и отдельные падежные словоформы, зафиксированные в литературе.

4. При предпринятом нами картографировании основное внимание было обращено на отклонения от соответствующих типов склонения в четырех диалектных массивах — узбекском (уйгурско-узбекский тип склонения), туркменском (огузский тип), казахском и киргизском (кыпчакский тип)¹⁰; отклонения эти касаются преимущественно трех названных падежей и наличия/отсутствия интерфикса -н-. Мы стремились, таким образом, установить по возможности для каждого диалекта (говора)

⁷ А. Шерматов. *Қўйи Қашқадарё ўзбек шеваляри*. Тошкент, 1972, стр. 120 и карта № 39.

⁸ Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975, стр. 73.

⁹ См.: «Сборник научных трудов [Узбекистанского научно-исследовательского института культурного строительства]», вып. 2, 1934.

¹⁰ Киргизский язык, не принадлежащий к группе кыпчакских языков, тем не менее располагает рядом признаков, характерных для этих последних; опосываясь на таких признаках, киргизское склонение можно отнести к кыпчакскому типу. В этот же тип включается склонение в каракалпакском, однако привлечение его к изучению в ареальном аспекте оказалось затруднительным из-за недостаточности публикаций по каракалпакскому диалектному склонению.

следующее: 1) какими показателями, отличающимися от присущих классификационному типу склонения (к которому относится язык в целом), представлен родительный падеж; 2) какими показателями, отличающимися от присущих данному типу, представлен винительный падеж¹¹; 3) соответственно — дательно-направительный падеж; 4) наличие или отсутствие (нулевой признак) интерфикса *-n-* в посессивно-именной парадигме после аффикса 3-го лица. Оправданность сделанного выбора признаков подтверждается еще и тем, что именно эти признаки составляют, как правило, взаимообусловленную подсистему в тюркском падежном склонении.

Сущность проведенной нами в указанном направлении работы выражена в прилагаемых картах №№ 1—4. При нанесении на карту избранных признаков оказалось, что почти каждый из них реализуется в различных говорах одного языка не вполне адекватно своему классификационному типу, а имеет различные отклонения. Иногда тот же признак в говорах одного языка реализуется несколькими падежными вариантами (имеющими к тому же неодинаковую дистрибуцию в трех парадигмах) — вплоть до десяти, как, например, дательно-направительный падеж в узбекских говорах. В тех же говорах признак «показатель винительного падежа» при литературно-орфографической норме *-ni* представлен, по крайней мере, семью функционально и дистрибутивно различающимися употреблениями вариантов, часть которых, как и следует, принадлежит консонантному коррелятивному ряду, а другая часть — вокалическому ряду (то есть вопреки стандартизованному уйгурско-узбекскому типу склонения): 1) винительный падеж *-i* после согласных для всех трех парадигм; 2) винительный падеж *-i* (родительного-винительный падеж *-i*) в посессивно-именной парадигме; 3) винительный падеж *-i* в посессивно-именной парадигме только после аффиксов 1-го лица единственного и множественного числа; 4) винительный падеж *-i* в посессивно-именной и местоименной парадигмах, причем в местоименной — наряду с консонантным *-di*; 5) винительный падеж *-i/-ni* (без указания на сферы применения)¹²; 6) винительный падеж *-n* в посессивно-именной парадигме после аффикса 3-го лица; 7) параллельное употребление винительного падежа *-n/-ni* после аффикса 3-го лица. Для краткости назовем коррелятивами подобные варианты показателя одного падежа, отличающиеся как один от другого, так и от соответствующей литературно-орфографической нормы, прежде всего, с точки зрения формальной (принадлежность к консонантному или вокалическому коррелятивному ряду) или дистрибутивной (охват меньшей или большей части посессивно-именной парадигмы, именной, а также местоименной парадигм), или же той и другой одновременно.

При наличии подобной пестрой картины падежного склонения в среднеазиатско-тюркских диалектных массивах именно ареально-лингвистические исследования помогут выявить активные, сложные и разнонаправленные процессы грамматикализации фонетических вариантов или, напротив, фонетизации морфологических вариантов из разных коррелятивных рядов, а также наложение морфологического варианта на фонетический и наоборот. Так, в узбекских говорах (причем не только в

¹¹ По необходимости мы отвлекаемся здесь от «нерелевантных акустических различий» (Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 131) — собственно фонетических явлений, вызванных действием сингармонизма, ассимиляции, диссимиляции, а также других чисто фонетических факторов, и рассматриваем варианты типа, например, *-ni/-di/-ti*, в качестве членов консонантного коррелятивного ряда.

¹² См.: Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс. (далее — АДД). Ташкент, 1961, стр. 14. (Автореф. канд. дисс., далее также дается сокращенно: АКД).

южнохорезмских, непосредственно соприкасающихся с районами бытования огузского типа склонения) наблюдается тенденция к фонетизации форманта дательно-направительного падежа из вокалического ряда $-(j)a$, $-ā$ и к распространению его как чисто фонетического варианта на посессивно-именную и именную парадигмы. Если принять, что в узбекских говорах восточной части Узбекистана этот вариант появился под влиянием соседних казахского и киргизского языков (кыпчакский тип склонения), то можно представить направленность тенденции подобного распространения как раз от посессивно-именной парадигмы (точнее: от склонения имен с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа) к именной парадигме. В узбекских говорах эта тенденция охватывает, прежде всего, имена с исходом на сонорный (причем не только на $-m$, $-n$, $-ŋ$, но и на $-r$) или на гласный ($bāzār-a$ 'на базар' и $dālā-īā$ в карнабском; $dālā$ 'в поле', $hāwā-īā$ 'домой' в кокандском; $bolā-gā/bolā-īā$ 'ребенку' в ниязбашинском; $asakā-īā$ 'в Асаку' и $osmān-a$ 'в небо' в андижанском; $alma-īā$ 'яблоку' в каршинском), или на согласные $-q$, $-k$ ($ysсыq-a$ 'жаре', $pillāmāyāk-a$ 'кокону' в найманском; $boq-a$ 'в сад' в андижанском городском говоре; $īzlāk-a$ 'в сито' в джекающем говоре Шерабадского района; нерегулярно в бахмалском: $aryq-a$ 'арыку', $ochaq-a$ 'в очаг', $ēshīāk-ā$ 'ишаку', но $baq-ŋa$ 'в сад', $tāk-kā$ 'в вино, градник')¹³. Как можно видеть, изоглосса этого явления имеет достаточно протяженность на узбекской языковой территории, охватывая восточные, западные и центральные районы.

Посредством предлагаемой методики можно вести учет: 1) разных материальных реализаций изучаемых признаков (так, для винительного падежа на карте № 1 — это материально различающиеся форманты $-ni$, $-i$, $-n$); 2) разных степеней проникновения диалектных формантов (например, в узбекских говорах — формантов винительного падежа $-i$ и $-n$) в ту или иную парадигму (например: $-i$ может быть распространен на всю посессивно-именную парадигму или же на одну ее часть — после аффиксов 1-го лица единственного и множественного числа); 3) различных вариаций параллельного употребления стандартизованного и диалектного падежных формантов (например, диалектной вариантности винительного падежа $-i/-ni$, $-n/-ni$), что может свидетельствовать о действии разнонаправленных тенденций в пределах одного говора или диалекта, находящегося в зоне вибрации.

Предлагаемая методика позволяет отразить на карте живое многообразие градаций изучаемых признаков в различных диалектах и гово-

¹³ Сведения по узбекскому диалектному склонению заимствовались также из следующих работ: «Узбек диалектологиясида материаллар». Тошкент, I — 1957, II — 1961; В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области. АДД. Ташкент, 1952; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1962; М. Ш. Шаиноятова. Падежи в узбекских говорах. АКД. Ташкент, 1971; М. Ш. Шоиноятова. Диалектологик кузатишлардан. — «Научные труды Ташкентского государственного университета», вып. 327 — «Узбек филологияси масалалари». Ташкент, 1970; Н. С. Гафурова. Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960; А. Ахмедов. Джушский говор узбекского языка. АКД. Ашхабад, 1962; Н. Раджабов. Карнабский говор узбекского языка. АКД. Самарканд, 1958; его же. О некоторых морфологических особенностях карнабского говора. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, № 91 — филологический факультет, кафедра узбекского языкознания, 1959; Б. Джураев. Шахриябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964; Б. Джураев. Юкори Қашқадарё ўзбек шеваляри. Тошкент, 1969; Х. Данияров. Указ. раб., стр. 141—145; его же. Бахмалский говор узбекского языка. АКД. М., 1955; М. Валиев. Найман шевасининг келишик категориялари. — «Труды Самаркандского государственного университета». Новая серия, вып. 115, 1961; его же. Найманский говор узбекского языка. АКД. Самарканд, 1963; Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. Ташкент, 1967.

рах, а также совмещение нескольких коррелятивов одного признака в пределах одного говора (иногда — переходного), то есть наметить зоны вибрации.

Так, стало возможно вести учет формантной вибрации, особенно заметной для посессивно-именной парадигмы. Например, в некоторых узбекских говорах именно для этой парадигмы характерны случаи, когда с большей или меньшей последовательностью нарушается принцип выводимости этой парадигмы из именной, лежащий в основе уйгурско-узбекского типа склонения. Подобную вибрацию можно продемонстрировать следующими фактами. В найманском говоре (Самаркандская область) в местном падеже для имен с аффиксами принадлежности 3-го лица наряду с формами, оснащенными интерфиксом *-n-* — одной из характернейших примет посессивно-именной парадигмы огузского и кыпчакского типов, имеются также и формы без *-n-* (*ич-и-дэ*); при этом выделение посессивно-именной парадигмы по линии интерфикса при показателе 3-го лица не проводится также в дательном-направительном падеже (*ий-и-га* 'к нему домой'). В карнабском говоре (Самаркандская область) для посессивно-именной парадигмы характерно использование форманта дательного-направительного падежа *-а* после аффиксов принадлежности 1-го лица единственного числа (*айшнā-м-ā* 'к моему знакомому', *огл-ъ-м-а* 'моему сыну' — так же в бахмалском говоре) наряду с формантом консонантного ряда *-ya*, без интерфикса *-n-*, в том же падеже после аффикса принадлежности 3-го лица (*балл-съ-га* 'его ребенку'). Ср. параллельное использование в этом же говоре форм родительного-винительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа с формантами как из консонантного, так и вокалического рядов: *бъз-ъ(-къ)/бъз-дъ(-къ)* 'наш', *съз-ъ(-къ)/съз-дъ(-къ)* 'ваш'.

В кураминских говорах Ташкентской области в посессивно-именной парадигме вокалическим показателем характеризуется дательный-направительный падеж для имен с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа (*-а/-ā*), в то время как для имен с аффиксом 3-го лица возможны колебания — вокалический показатель с интерфиксом (*ат-ы-н-а* 'его лошади') и консонантный без интерфикса (*қол-ы-ға* 'в его руку'). Между тем формы местного и исходного падежей в посессивно-именной и именной парадигмах отличий от литературно-орфографической нормы не имеют — интерфикс *-n-* в формах первой парадигмы отсутствует, хотя спорадически *-n-* возникает, например, при присоединении уподобительно-сравнительного аффикса *-daj* к притяжательной словоформе 3-го лица. Напротив, в галляаральских говорах (Самаркандская область) интерфикс *-n-* наличествует в местном падеже посессивно-именной парадигмы, а в ее дательном-направительном падеже употребляется факультативно (*экә-си-га/экә-си-н-а*), видимо, подлаживаясь под общий «вибрирующий» характер посессивно-именной парадигмы; ср. параллельное использование формантов дательного-направительного падежа из консонантного и вокалического рядов после аффикса принадлежности 1-го лица единственного числа *экә-м-га/экә-м-а*. Ср. в этом же говоре параллельное употребление форм винительного падежа — *экә-си-ни/экә-си-н*¹⁴.

¹⁴ Факты заимствованы, помимо названных, еще и из работ: В. Эгамов. Галляаральский говор Самаркандской области. АКД. Самарканд, 1954, стр. 16; его же. Фонетические особенности «джекающих» говоров Галля-Аральского района. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, № 77 — филологический факультет, кафедра узбекского языкознания, 1958, стр. 56—57; его же. Галлаорол шевасининг баъзи бир морфологик категориялари ҳақида. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, № 91 — филологический факультет, кафедра узбекского языкознания, 1959, стр. 87—88, 92.

Наличие зоны вибрации в Самаркандской области, с исторической точки зрения, вполне естественно и объясняется прежде всего поздним заселением ряда территорий этой области казахскими и каракалпакскими племенами и родами (XVIII—XIX века), подтверждаемым также топонимическими данными¹⁵. Подобным же образом может быть объяснена зона вибрации в районах расселения носителей кураминских говоров в Ташкентской области.

Известные колебания в употреблении падежных формантов из консонантного и вокалического коррелятивных рядов наблюдаются в андижанском говоре, прежде всего в местоименной и посессивно-именной парадигмах. В родительно-винительном падеже личных местоимений представлены параллельные формы типа *бъз-ъ ~ бъз-нъ/бъз-дъ* 'нас', *съз-ъ ~ съз-нъ/съз-дъ* 'вас', а в соответствующих формах имен, снабженных аффиксами принадлежности (по крайней мере 1-го лица единственного и множественного числа), отмечен только показатель из вокалического ряда: *ука-м-ъ къзъ* 'дочь моего младшего брата', *ака-м-ъ кордъм* 'я увидел моего старшего брата' (в том, что это признак грамматически дистинктивный, а не чисто фонетический, убеждает сопоставление форм *ака-м-ъ-къ* 'принадлежащий моему старшему брату' и *каръм-дъ-къ* 'принадлежащий Кариму': в первом случае, связанном с посессивно-именной парадигмой, использован формант из вокалического ряда, во втором — формант консонантного ряда). В дательном направлении падеже имен с аффиксами 3-го лица здесь используется вариант *-jă* (*орн-ъ-йă отърдъ* 'сел на свое место'); в качестве сугубо фонетического вариант *-a/-ă, -jă* проник здесь и в именную парадигму¹⁶.

Таким образом, на разных участках территории Узбекистана представлена вибрация различных степеней. Более глубинная вибрация прежде всего затрагивает посессивно-именную парадигму в целом (например, в галляаральском говоре). В результате менее глубинной вибрации появляются инородные вкрапления отдельных форм (например, в карнабском формант дательно-направительного падежа *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единственного числа).

5. Карты №№ 1—4 раскрывают четыре совершенно различные картины сосуществования и соотношения структурных разновидностей падежного склонения. Прежде всего, как это явствует из приложенных к картам перечней условных знаков, неодинаковым оказалось количество коррелятивов для любого из картографируемых признаков применительно к каждому диалектному массиву. Наиболее разветвленную сеть коррелятивов можно видеть на диалектной карте Узбекистана (№ 1). Здесь представлен максимум градаций не только для винительного (шесть коррелятивов), но и для дательно-направительного (десять коррелятивов) и родительного падежей (четыре). Общая сумма коррелятивов — 27.

На узбекской диалектной карте (№ 1) дано наиболее компактное соположение как совокупности картографируемых признаков, так и их коррелятивов, что может свидетельствовать об известной систематичности отступлений от нормализованного уйгурско-узбекского типа падежного склонения. Отклонения в посессивно-именной парадигме (отчасти — в местоименной) от именной парадигмы, а следовательно, от самого принципа единообразности узбекского склонения в большом коли-

¹⁵ См.: Т. Рахматов. Топонимия г. Самарканда и его окрестностей. Канд. дисс. М., 1973, стр. 96—97, 98, а также 167.

¹⁶ См. материалы: С. Иброҳимов. Узбек тилининг Андижан шеваси. Тошкент, 1967, стр. 145, 146, 149, 158; Н. Ахмедов. Диалектизмы в речи учащихся и методы их устранения. АКД. Ташкент, 1966, стр. 13—14; А. Маматов. Андижанский городской говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1967, стр. 19.

честве отмечаются прежде всего во всех узбекских говорах кыпчакского наречия. Многие из кыпчакских говоров, как, например, галляаральский, характеризуются совмещением двух и более коррелятивов, а также широкой картиной вибрации. В галляаральском параллельно употребляются винительный падеж *-ni/-n*, дательно-направительный падеж *-ga/-a*, варианты формы дательно-направительного падежа личных местоимений единственного числа *маған* и *сэған* наряду с *сенга*, а также дательно-направительный падеж как с интерфиксом *-n* после аффикса 3-го лица, так и без него (*-i-ga/-i-n-a*) и местный падеж с интерфиксом *-n* в тех же условиях. Черты собственно кыпчакского типа склонения представлены в узбекском локайском говоре Южного Таджикистана: именная парадигма характеризуется дательно-направительным падежом на *-ga* (член консонантного ряда), а посессивно-именная — вокалическим формантом *-a* после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа (*ата-м-а*, *ата-ң-а* 'моему, твоему отцу'), как и после аффикса 3-го лица, к которому присоединяется через посредство интерфикса *-n*¹⁷.

В свою очередь, в хазараспско-янгиарыкских говорах огузского наречия узбекского языка, которые благодаря своему территориальному размещению наиболее близко контактируют с туркменским языком и его говорами, «отклонения» от уйгурско-узбекского типа склонения носят настолько систематический, последовательный характер, что естественно причислить эти говоры к огузскому типу склонения и трактовать при этом дательно-направительный падеж на *-ga* в именной парадигме как отклонение от названного типа склонения.

Подобный характер склонения в хазараспско-янгиарыкских говорах заставляет предполагать в них огузскую субстратную основу. Влияние туркменского языка, как и огузского субстрата, отчетливо видно в посессивно-именной парадигме описанного Е. Д. Поливановым говора кишлака Кыят-Конграт Шаватского района, относимого им в целом к «среднехорезмской группе (кыпчакским наречиям)». Это, прежде всего, показатели родительного и винительного падежей из вокалического ряда — *-bη/-iη*, *-b/-i* — у имен с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица не только единственного, но и множественного числа (*at-bm-bη* 'моей лошади', *at-bm-b* 'мою лошадей'; *at-bη-bη* 'твоей лошади', *at-bη-b* 'твою лошадей'; *at-bm-bz-bη* 'нашей лошади', *at-bη-bz-b* 'вашу лошадей').

Совокупность параметров, свойственных как огузскому, так и кыпчакскому типам склонения, характеризует и другой островной говор узбекского языка — туркестанский, распространенный на территории Казахской ССР. Ср. здесь оформление имен с консонантным ауслаутом, в том числе — с аффиксом 1-го лица, в родительном падеже посредством показателя *-iη*, принадлежащего вокалическому ряду (как в огузском типе склонения); показатель винительного падежа *-n* для имен с аффиксами принадлежности 3-го лица. Дательно-направительный падеж после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа имеет показатель *-a* (*айағ-ым-а* 'к моей ноге', *ата-ң-а* 'к твоему отцу'), а после посессивного аффикса 3-го лица — еще и с интерфиксом *-n* (*бэт-ъ-н-а* 'к его лицу'), хотя в местном падеже в последнем случае интерфикс *-n* отсутствует.

В несколько меньшем количестве отклонения от узбекского типа падежного склонения представлены в переходных узбекских говорах. Среди йокающих узбекских говоров («чигиле-карлукских» — по Решетову, «чагатайских» — по Поливанову) наиболее классический случай

¹⁷ Т. Юлдашев. Узбекские говоры Южного Таджикистана. АКД. Ташкент, 1968, стр. 18.

единообразности именной и посессивно-именной парадигмы в духе стандартизованного уйгурско-узбекского типа склонения представлен в ташкентском говоре¹⁸. В ниязбашинском говоре (Ташкентская область) отступление от этого типа заключается в том, что в дательном-направительном падеже посессивно-именной парадигмы после аффикса 3-го лица используется формант вокалического ряда, правда, без интерфикса *-n-*, а именно *-jā* (*укэ-си-йэ* 'его младшему брату'); впрочем, принцип единообразности этих двух парадигм здесь сохранен благодаря распространению *-jā* как сугубо фонетического варианта и на именную парадигму. Здесь, таким образом, произошла полная фонетизация дистинктивного признака посессивно-именной парадигмы. В узбекских говорах Бостандыкского района Ташкентской области (районный центр — г. Газалкент) при сохранении единообразности именной и посессивно-именной парадигм (в соответствии с уйгурско-узбекским типом склонения) в качестве кыпчакской черты отмечаются формы дательного-направительного падежа *маған* для 1-го лица единственного числа и *бъз-э-йэ* для 1-го лица множественного числа¹⁹.

В западноферганских говорах узбекского языка не отмечено никаких различий между тремя падежными парадигмами²⁰. В андижанском городском говоре зарегистрировано серьезное, хотя и локализованное, отклонение от единообразности уйгурско-узбекского типа склонения: в родительном-винительном падеже именной парадигмы представлен формант из консонантного ряда (*Салъм-дъ көрдъм* 'я увидел Салима'), а в местоименной и посессивно-именной парадигме, одинаково после притяжательных аффиксов/местоимений и единственного, и множественного числа, используется формант из вокалического ряда (*экэ-м-ъ көрдъм* 'я увидел своего старшего брата', *съз-ъ чэжърдъ* 'он Вас звал').

Таким образом, на узбекской языковой территории оказались представленными все три типа тюркского склонения как в их почти чистом виде, так и с различными отклонениями и отступлениями от того или иного типа, начиная от минимальных (затрагивающих, скажем, всего лишь один из картографируемых признаков) и кончая сложившимися многочисленными и разнообразными зонами вибрации. Из карты № 1 видно, что изоглоссы разных степеней таких отклонений могут быть проведены буквально по всей территории Узбекистана. Осуществленное картографирование дает достаточно наглядное представление о характере распространения изучаемых признаков в плане собственно географическом.

Предпринятое тематическое картографирование подтверждает в плане исторической интерпретации сложнейшие переплетения факторов, характерных для узбекского диалектного массива: 1) гетерогенность узбекских диалектов и говоров²¹; во всяком случае, например, четко выраженный огузский тип склонения в хазараспском говоре или, напротив, кыпчакский тип в локайском говоре Южного Таджикистана заставляют предполагать в первом огузскую, а во втором кыпчакскую субстратные основы; 2) нормализующее воздействие стандартизованного узбекского языка и городской речи с их максимальным единообразием трех падежных парадигм; 3) контактирование с соседними языками — представи-

¹⁸ См.: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора, ч. I. Морфология. Ташкент, 1968, стр. 46—67, 98.

¹⁹ Е. Ф. Гулямов, К. Н. Назаров. Бўстонлик район ўзбек шевалари ҳақида. — «Научные труды Ташкентского государственного университета». Новая серия, вып. 260 — филологические науки, кн. 25 — языкознание, Ташкент, 1964, стр. 174, 177—178.

²⁰ См.: Т. Тургунов. Западноферганские говоры узбекского языка. АКД. Ташкент, 1968, стр. 13—14, 16.

²¹ Подробный обзор литературы и материалов по этому вопросу см.: В. В. Решетов. Узбекский язык. Ч. I. — Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, стр. 28—49.

телями иных типов падежного склонения — огузского и кыпчакского, где отчетливо различаются три падежных парадигмы; в частности, казахскому влиянию обязаны: местоименная парадигма в кураминских и галляларальских джекающих говорах, а в найманском говоре (Самаркандская область), в джекающем говоре Шерабадского района, в кыркском говоре — возникновение специфичнейшей черты: дательно-направительного падежа личных местоимений типа *маған* 'мне', *саған* 'тебе'²².

Самый факт существования огузского или кыпчакского типов склонения в отдельных окраинных и островных узбекских говорах, а также достаточно наглядно показанные почти на всей карте Узбекистана отклонения от уйгурско-узбекского типа склонения в направлении кыпчакского и огузского его типов (иначе говоря, элементы различения трех падежных парадигм в ряде узбекских говоров с учетом интенсивности и компактности размещения этих черт на карте) не позволяют далее трактовать названные отклонения по укоренившейся традиции как чисто фонетические. Впредь узбекские диалектологи вынуждены будут при описании диалектного склонения иметь в виду три падежные парадигмы и учитывать их при объяснении регистрируемых диалектных «особенностей склонения», тем более, что последние носят грамматически обусловленный характер.

6. Карты №№ 2 и 3 — туркменская и казахская — рисуют совсем иные картины, сильно отличающиеся от узбекской. Обе эти карты показывают минимум коррелятивов для картографируемых признаков.

На туркменской карте родительный падеж имеет всего один коррелятив, а винительный и дательно-направительный падежи — по три²³. Таким образом, здесь представлено семь коррелятивов вместо 27 узбекских. На туркменской языковой территории (от Кара-Кала на западе через Анау, Мары и Мургаб до Байрам-Али и Туркмен-Кала на востоке) особенно широко распространена особенность, которая для современных тюркских языков наиболее отчетливо связывается с кыпчакским типом склонения (между тем в диахронии Е. И. Убрятова, как она сообщила автору в личном письме, склонна считать ее огузской чертой), а именно — винительный падеж *-n* в посессивно-именной парадигме, после аффикса принадлежности 3-го лица. Зона вибрации формантов винительного падежа *-n ~ -ni* в этой части посессивно-именной парадигмы приходится на районы, граничащие с узбекской языковой территорией (район Ходжамбас — Чаршанга, оламский диалект) или же входящие в состав Каракалпакской АССР (Турткульский район).

В маргинальных говорах Турткульского района Каракалпакской АССР вибрация носит глубоинный характер — ею охвачены и остальные

²² В результате исследования в области преимущественно фонетики среднеазиатско-тюркских языков и диалектов к сходным выводам пришла Н. З. Гаджиева (см.: Н. З. Гаджиева. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1).

²³ Материал заимствован из следующих изданий: С. Аразкулиев. Гарагалпагыстан АССР-ниң Дөртгүл районьндакы түркмен геплешиклери. Ашгабат, 1961; Х. Мухиев. Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959; К. Шамуратов. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960; Х. Багиев. Оламский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965; О. Чорлиев. Марыйский говор туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1964; Н. Атамедов. Манышский говор анауского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965; Х. А. Маштаков. Човдурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1949; Г. Меңлиева. Туркмен дилиниң сакар диалектинде исимлер. — «Ученые записки Туркменского государственного университета», вып. XXIX, 1964; Г. Кульманов. Морфологическая характеристика именных основ в геокленском диалекте туркменского языка. — «Труды Института языка и литературы [АН Туркменской ССР]», II, 1957.

картографируемые признаки, составляя в совокупности взаимообусловленную систему, подвижную в своих колеблющихся параллелизмах: винительный падеж $-n \sim -ni$ в части посессивно-именной парадигмы и $-i \sim -ni$, как и родительный падеж $-i\eta \sim -ni\eta$ в именной парадигме (для имен с консонантным ауслаутом); дательно-направительный $-a \sim -ga$ в именной парадигме, несколько реже в посессивно-именной — $-si-n-a \sim -si-ga$ (то есть к тому же с интерфиксом $-n-$ и без него для имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица). Подобная вибрация формантов дательно-направительного падежа $-a \sim -ga$ отмечена также в западных говорах ёмудского диалекта (Казанджикский и Кызылатрекский районы Туркменской ССР).

На казахской карте (№ 3) как родительный, так и дательно-направительный падежи имеют по три коррелятива. Таким образом, здесь в совокупности имеется лишь шесть коррелятивов против 27 узбекских. Если судить по тому единодушию, с каким казахские диалектологи обходят молчанием «особенности» именной и посессивно-именной парадигм склонения²⁴, можно думать, что отклонения в казахских говорах, по-видимому, касаются преимущественно местоименной парадигмы и только в отдельных случаях — посессивно-именной. Судя по опубликованным данным, отступления эти локализуются в основном в западном диалекте казахского языка и объясняются воздействием, главным образом, туркменского и каракалпакского, а отчасти и узбекского языков. С. Аманжолов считал одной из отличительных черт западного диалекта казахского языка формы родительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа с показателем из вокалического ряда — *biz-i\eta*, *siz-i\eta*²⁵. Коррелятив типа *biz-i\eta*, *siz-i\eta* отмечен в говорах казахов Тамдинского района Бухарской области Узбекской ССР, Аральской и Мангышлакской областей Казахской ССР, а также — в островном говоре кошагачских казахов (Горно-Алтайская автономная область). В казахских говорах Гурьевской, Актюбинской и Кызыл-Ординской областей этот коррелятив отмечен наряду с формой родительного падежа *men-im* для местоимения 1-го лица единственного числа. Для родительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа зона вибрации формантов из консонантного и вокалического рядов $-i\eta \sim -di\eta$ приходится на окраинный казахский говор Буртинского и Адамовского районов Оренбургской области.

²⁴ Диалектологи проявляют мало интереса к склонению и в казахских говорах. В этом отношении показательно обзорное вузовское пособие: *Г. Қалиев. Қазақ диалектологиясының мәселелері*. Алматы, 1960. Ни одна из парадигм склонения не приводится в специальной статье: *Т. Айдаров*. О грамматических показателях падежей в языке тамдинских казахов Узбекской ССР. — «Известия АН Казахской ССР. Серия общественная», 1, 1967. Отсутствуют подобные сведения и в других описаниях островных говоров (см., например: *Ю. Абдувалиев*. Фонетико-морфологические особенности ташкентского говора казахского языка. АКД. Алма-Ата, 1967).

²⁵ *С. Аманжолов*. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. I. Алма-Ата, 1959, стр. 311. Факты казахских диалектов и говоров почерпнуты из следующих изданий: *С. Аманжолов*. О диалектной основе современного казахского языка. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 3—4, 1955; *С. Омарбеков*. Мангышлакский говор казахского языка. АКД. Алма-Ата, 1960; *Ж. Болатов*. Қошағаш қазақтарының тіліндегі жергілікті ерекшеліктер. — «Вопросы истории и диалектологии казахского языка» (далее — ВИДКЯ), вып. 4. Алма-Ата, 1962; *О. Нақысбеков*. Орынбор облысының Адамов, Бөрте аудандарында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер. — Там же; *О. Нақысбеков*. Языковые особенности казахов Чуйской долины. АКД. Алма-Ата, 1963; *Ш. Бектуров*. Кызыл-ординский говор казахского языка. АКД. Алма-Ата, 1968; *Н. Джунусов*. Казахский переходный говор на территории Каракалпакской АССР. АКД. Алма-Ата, 1965; *А. Борибаев*. Языковые особенности урдинских казахов. АКД. Алма-Ата, 1966.

В казахском переходном говоре Мойнакского, Тахтакупырского, Чимбайского, Кегейлинского, Караузякского районов Каракалпакской АССР представлены родительный падеж *-iŋ* (вокалический ряд) в местоименной парадигме (для 1-го и 2-го лица множественного числа) и дательно-направительный падеж *-ga* (консонантный ряд) без интерфикса *-n-* в посессивно-именной парадигме (для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица). Эти две черты, не являющиеся членами взаимообусловленной системы, возникли, по-видимому, под влиянием разных языков — туркменского, относящегося к огузскому типу склонения, и узбекского, представляющего уйгурско-узбекский тип. Ср. также наречия типа *жыл-ы-га* 'ежегодно', *күн-і-ге* 'ежедневно' (формант дательно-направительного падежа консонантного ряда без интерфикса *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица) в говоре казахов Чуйской долины. В говоре казахов Карабутацкого района Актюбинской области наряду с вибрацией формантов из консонантного и вокалического рядов для дательно-направительного падежа этой части посессивно-именной парадигмы — *-ga* (без интерфикса *-n-*) и *-a* (с *-n-*) — отмечается также замена специфической для казахских личных местоимений единственного числа формы дательно-направительного падежа *оған* 'ему' формой типа киргизской — *ога*.

В кураминском говоре казахского языка (Джамбульская область, колхоз им. Октября), видимо, под влиянием узбекского языка в дательно-направительном падеже местоимений 1-го и 2-го лица наряду с обычными *маған, саған* наблюдаются формы узбекского типа *мэнгә, сэнгә*; узбекская форма дательно-направительного падежа (*орн-ы-га*, без интерфикса *-n-*, с консонантным формантом падежа *-ga*) в посессивно-именной парадигме может использоваться наряду с казахской (*орн-ы-н-а*), с интерфиксом *-n-* и вокалическим формантом падежа *-а*²⁶. По этим двум признакам здесь можно установить зону вибрации.

На картах № 2 и № 3 показано в целом рассеянное распределение картографируемых признаков на туркменской и казахской диалектных территориях. Из карт видно, что отклонения соответственно от огузского и кыпчакского типов склонения носят здесь явно выраженный несистематический характер: довольно часто это единичные, разрозненные вкрапления (скорее всего — инновации), пока еще не включенные во взаимообусловленную систему падежного склонения соответствующего говора.

На картах № 2 и № 3 имеется лишь по одной зоне, где картографируемые признаки сошлись в заметный пучок, причем происхождение каждого из таких пучков здесь — явно контактное. Примечательно также, что обе эти зоны находятся вне соответствующих туркменской и казахской языковых территорий, составляя каждая маргинальный или островной ареал. Имеются в виду, во-первых, туркменские говоры Турткульского района на территории Каракалпакской АССР, где отличия (три коррелятивных признака) от огузского типа склонения и присущие этому типу соответствующие признаки, употребляясь параллельно, находятся в стадии вибрации, и, таким образом, система склонения этих говоров представляется подвижной в динамике своего нынешнего состояния. Во-вторых, имеются в виду казахские говоры Чимбайского и Мойнакского районов Каракалпакской АССР, где отклонения представлены по двум коррелятивным признакам.

²⁶ Ж. Досқараев. Қазақ тілінің құрама говору туралы. — В сб.: «Қазақ тілінің тарихы туралы зерттеулер». Алматы, 1965, стр. 136—137, 141.

В целом довольно рассеянное, некомпактное распространение картографируемых отклонений соответственно от огузского и кыпчакского типов в Туркмении и Казахстане подтверждает высказывавшиеся в литературе положения о казахском и туркменской диалектной гомогенности. По всей видимости, диалектная гомогенность не предрасполагает к проницаемости любой из трех падежных парадигм.

7. Киргизская карта (№ 4) существенно разнится от казахской (№ 3) как числом картографируемых признаков, так и количеством коррелятивов почти по каждому признаку²⁷. Здесь лишь родительный падеж представлен одним коррелятивом; для винительного падежа отмечено два, для дательно-направительного падежа — четыре коррелятива. Отсутствие интерфикса *-н-* в локативных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица и параллельное использование форм этих падежей с интерфиксом *-н-* составляют еще два коррелятива. Три коррелятива представлен дополнительно вводимый признак исходного падежа. Всего здесь оказывается двенадцать коррелятивов против двадцати семи узбекских, шести казахских и семи туркменских.

Для киргизской карты показателен прежде всего сам географический характер размещения отклонений от кыпчакского типа склонения: все эти отклонения сосредоточены преимущественно на юге и юго-западе киргизской диалектной территории. Высокая интенсивность и компактность распространения всех (или: почти всех) картографируемых признаков связана здесь с соблюдением чуждого кыпчакскому типу склонения принципа выводимости посессивно-именной парадигмы из именной. Подобную выводимость по всем (или: почти по всем) картографируемым признакам, как и в уйгурско-узбекском типе склонения, можно наблюдать в западном ошском говоре (шире — в говорах ичкиликов Ошской области), в киргизских говорах Сузакского и Октябрьского районов Джалалабадской области, в джиргатайском говоре (Гармская область Таджикской ССР), в говоре мургабских ичкиликов (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР с узбекским населением в центре Мургабского района), а также в говорах ичкиликов, проживающих на востоке Узбекистана — в Ферганской (Ахунбабаевский район), Андижанской (Кургантепинский район) областях, и в чаткальском говоре, территория распространения которого граничит с Ташкентской областью Узбекской ССР. На карте № 4 выводимость посессивно-именной парадигмы из именной — это коренное отличие указанных говоров от киргизского литературного языка с его кыпчакским типом склонения — показана пучками из двух или трех картографируемых признаков на юге и юго-западе киргизской диалектной территории.

Сосредоточение картографируемых отклонений от литературно-орфографических норм именно на юге и юго-западе киргизской диалектной территории может свидетельствовать, с одной стороны, о контактном характере их происхождения, а с другой — подтверждает положение об

²⁷ Использован материал следующих работ: Г. Бакинова. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953; *ее же*. Октябрь районунун говорунун кээ бир морфологиялык өзгөчөлүктөрү. — «Труды Института языка и литературы и Института истории АН Киргизской ССР», вып. V. Фрунзе, 1956; К. Мукамбаев. Жерге-Талдык кыргыздардын говору боюнча материалдар. — Там же; *его же*. Джергетальский говор киргизского языка. АКД. Фрунзе, 1955; Н. Бейшекеев. Киргизские говоры за пределами Киргизии. АКД. Фрунзе, 1965; Э. Абдулдаев. Кыргыз тилинин Чаткал говору. Фрунзе, 1956; *его же*. Кыргыз диалектилери жана говорлору жөнүндөгү маселеге карата. — «Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук», т. II, вып. 1 (лингвистика), 1960; Н. Бейшекеев. Мургабдык кыргыздардын тилиндеги фонетикалык жана грамматикалык өзгөчөлүктөр. — Там же; Т. К. Ахматов. Кыргыз тилинин Талас говору. Фрунзе, 1959.

известной гетерогенности киргизского диалектного массива²⁸ (прежде всего в его южных и юго-западных частях).

Возможно, именно диалектной гомогенностью и соответственно — гетерогенностью объясняется то, что, например, в восточном ошском говоре киргизского языка обе парадигмы — посессивно-именная и именная — сохраняют свои различия в полном объеме (как и в киргизском литературном языке), а в западном ошском говоре посессивно-именная парадигма выводима из именной по образцу уйгурско-узбекского типа склонения²⁹. В этом отношении тулейкенский говор (Ошская область) представляет собой переходный тип. Параллельное употребление в этом говоре падежных форм посессивно-именной парадигмы с показателями как из вокалического, так и из консонантного ряда (родительный падеж *ата-м-ын* и *ата-м-дын* 'моего отца', винительный падеж *улум-у* и *улум-ду* 'моего сына') и форм локативных падежей для имен, снабженных суффиксами принадлежности 3-го лица, с интерфиксом *-н-* и без него (местный падеж *таг-и-н-да* 'в низу его' и *баш-ы-да* 'в его голове')³⁰, позволяет говорить о зоне вибрации на территории Тулейкенского района Ошской области.

Известные колебания в использовании форм местного падежа имен, снабженных аффиксом 3-го лица, с интерфиксом *-н-* и без него на фоне общего выравнивания посессивно-именной парадигмы по образцу именной можно наблюдать в текстах, записанных от киргизов Ферганской области (Ферганский район, с. Найман: *бет-и-н-де* 'на его лице', но *ахыр-ы-сы-да* 'в его конце') и Наманганской области (с. Джелгом: *олор-дун үй-ү-н-дө* 'в их доме')³¹, то есть зона вибрации охватывает территорию островного киргизского говора. В киргизском говоре нчкиликов Октябрьского района имена с аффиксом принадлежности 3-го лица в исходном падеже могут употребляться без интерфикса *-н-*, но могут и иметь его (*ата-сы-дан/ата-сы-н-нан* 'от его отца')³², хотя в формантном отношении различия между посессивно-именной и именной парадигмами здесь в общем не проводятся. Итак, для киргизских говоров можно наметить еще две зоны вибрации по одному признаку — наличия/отсутствия интерфикса *-н-* в локативных падежах (или: только в исходном падеже) у имен с аффиксами принадлежности 3-го лица (Ферганская долина и Октябрьский район Киргизской ССР). В островных говорах киргизов, проживающих в Казахстане (например, в Джамбульской области), наблюдается вибрация по тому же признаку (ср. *жан-ы-н-а* 'в его сторону', *арка-сы-н-да* 'позади него', *арка-сы-нан* 'из-за него, из-за его спины' и *алакчын уруш-у-дан экенбиз* 'мы, оказывается, из рода алак-

²⁸ См.: И. А. Батманов. Северные диалекты киргизского языка. Вып. I. Фрунзе, 1938, стр. 13; *его же*. К генезису диалектов киргизского языка. — «Труды Института языка, литературы и истории [Киргизского филиала АН СССР]» (1944). Фрунзе, 1945, стр. 56—57; *его же*. К вопросу формирования киргизского литературного языка. — «Труды Института языка, литературы и истории [Киргизского филиала АН СССР]», III, 1952, стр. 13; Б. М. Юнусалиев. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956, стр. 43.

²⁹ Г. Бакинова. Кыргыз тилинин Ош говорлору. Фрунзе, 1956, стр. 60 и сл.

³⁰ М. Тураджанова. Тулейкенский говор киргизского языка. АКД. Фрунзе, 1954, стр. 13, 15.

³¹ Э. Абдулдаев, Г. Бакинова, Н. Бейшекеев. Ўзбекстандагы кыргыздардын тилиндеги жергиликтүү өзгөчөлүктөр. Фрунзе, 1962, стр. 199, 95.

³² Г. Бакинова. Кыргыз тилинин Октябрь районунун говору боюнча материалдар. — «Труды Института языка, литературы и истории [Киргизского филиала АН СССР]», вып. III. Фрунзе, 1952, стр. 59.

чин³³), но уже на фоне четкого различия посессивно-именной и именной парадигм, как и в казахском языке.

Очерченные зоны вибрации, намеченные на основе отклонений, касающихся посессивно-именной парадигмы, поддерживаются в этих западных и юго-западных киргизских говорах также колебательностью форм дательно-направительного падежа в местоименной парадигме, а именно *мага* (иногда *маа*) / *маңа, сага* / *саңа*, а для киргизских говоров Южно-Казахстанской и Джамбульской областей — *ого* / *огон* / *оңго*.

8. Предпринятое тематическое (по грамматической категории) картографирование является первой попыткой наглядно показать системы тюркского падежного склонения в разных степенях его неединообразности по среднеазиатско-тюркским диалектам и говорам. Эта попытка подразумевает необходимость последующего этапа, который может быть осуществлен общими усилиями диалектологов Средней Азии, а именно — всеохватывающего системно-тематического картографирования с учетом не только отклонений от того или иного типа склонения, но и всех совпадений с ним. Подобное картографирование по необходимости будет тесно связано с предстоящей разработкой сравнительной диалектной грамматики тюркских языков Средней Азии.

На начальном этапе тематического картографирования удалось вычленить многочисленные зоны вибрации на каждой из четырех прилагаемых карт (эти зоны выделяются соположением знаков одинаковой конфигурации, обладающих теми или иными дополнительными приметами).

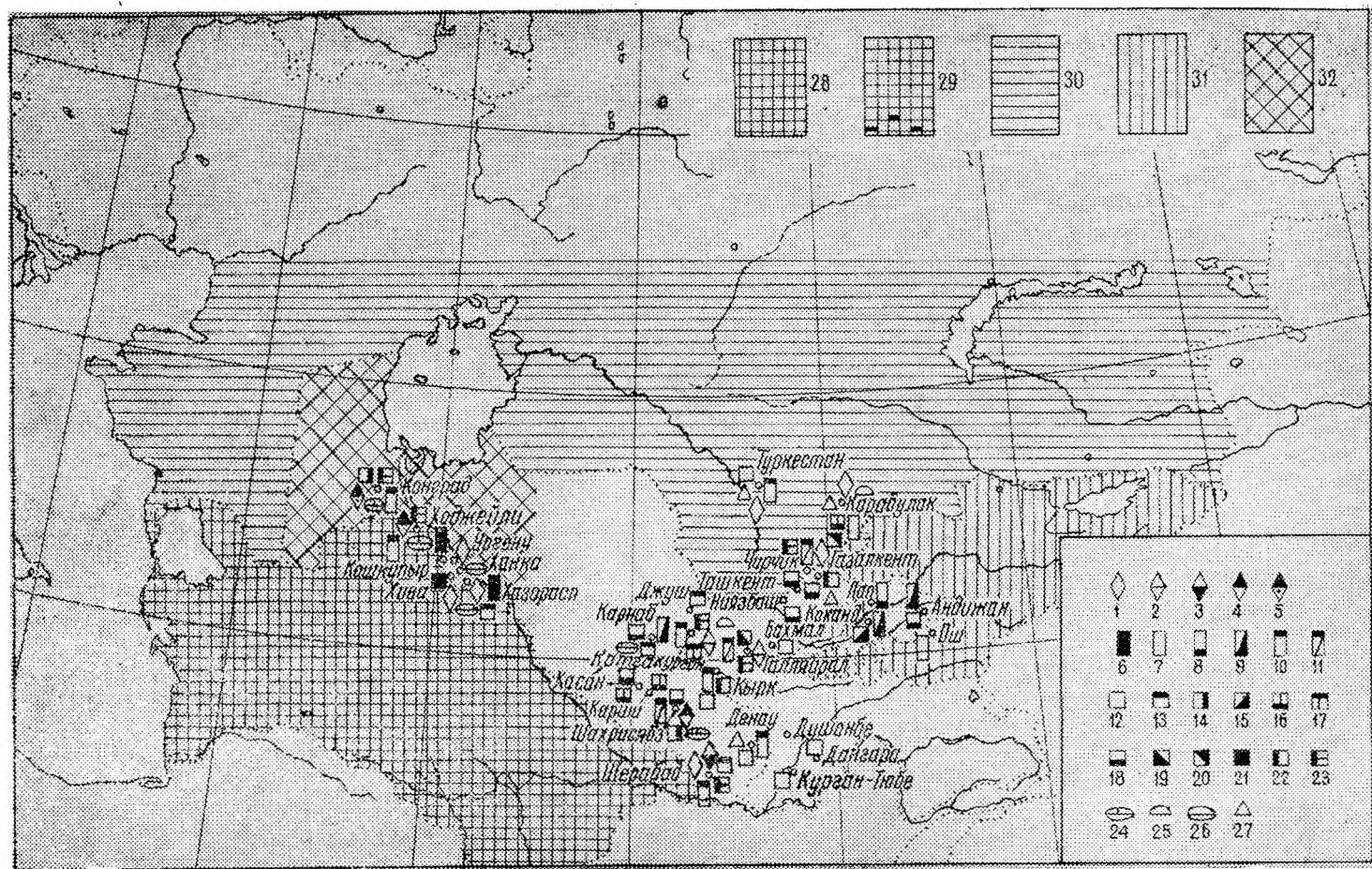
Дальнейшие системно-тематические исследования, объектом которых должны поочередно становиться различные грамматические категории, позволят с большей определенностью и конкретностью обрисовать возможные стыки контактирующих диалектов в части грамматической, а также, вероятно, позволят установить, в какой мере диалектная гетерогенность способствует проницаемости грамматической системы и, напротив, насколько диалектная гомогенность не предрасполагает к такой проницаемости.

Уже сейчас становится ясным практическое значение подобных системно-тематических ареальных исследований: при всей их смелости и предварительности они могут явиться своего рода катализаторами работ по тюркской лингвогеографии. При системно-тематическом ареальном подходе благодаря попыткам специализированного систематического сопоставления изучаемой грамматической категории (как она представлена по диалектам) выявляется важность фиксации тех или других структурных разновидностей изучаемого грамматического явления для картографирования. Более того, могут быть выдвинуты новые аспекты грамматических проблем, а внимание диалектологов может быть нацелено на большую специализацию сбора и отбора материала.

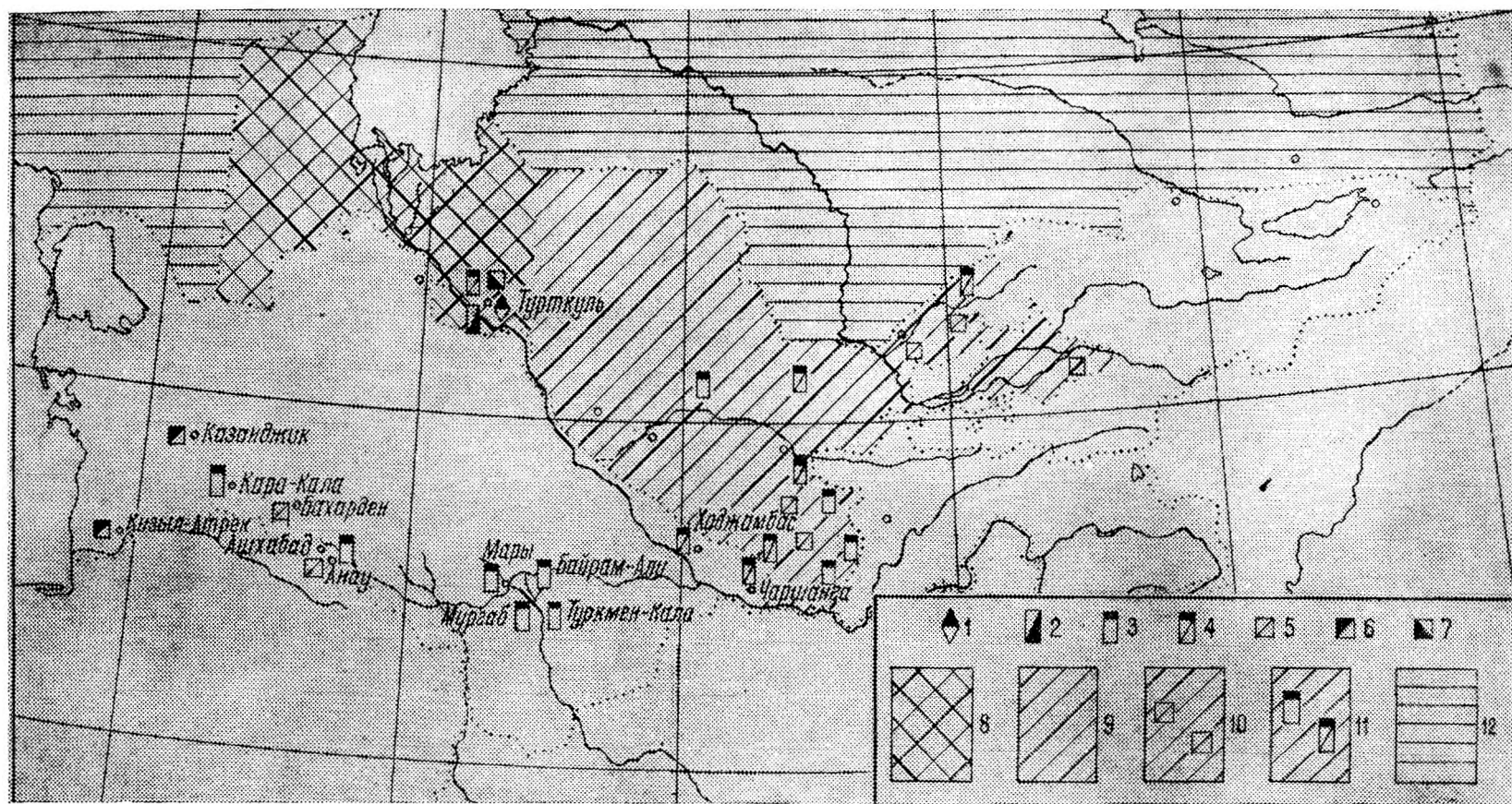
Условные обозначения к карте № 1: «Отступления от уйгурско-узбекского типа падежного склонения на территории распространения узбекских диалектов и говоров»

1. Родительный падеж *-in* (η) в ПП и ИП в зависимости от фонетических условий (консонантный ауслаут). Нами приняты здесь следующие сокращения: ИП — именная парадигма падежного склонения, ПП — посессивно-именная парадигма, МП — местоименная парадигма.
2. Родительный падеж *-iη* в МП.
3. Родительный падеж *-in* в МП, *-im* для местоимения 1-го лица единственного числа.
4. Вариатность показателей родительного падежа *-niη ~ -iη* в МП (родительный падеж местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа).

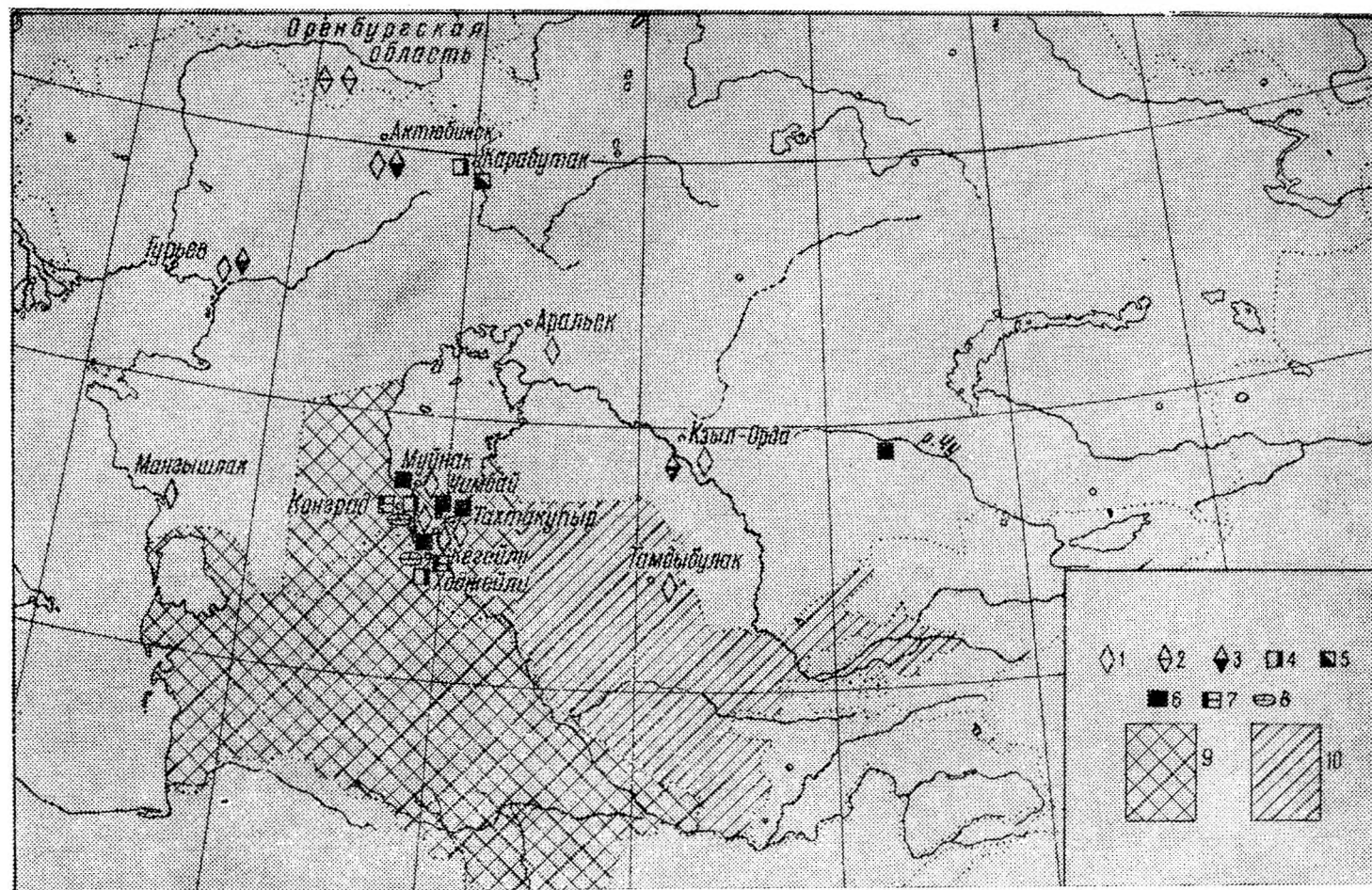
³³ Н. Бейшекеев. Қазақстандағы қырғыздардың тилдік өзгешеліктері. Фрунзе, 1964, стр. 38, ср. 78, 79, 81, 82, 45.

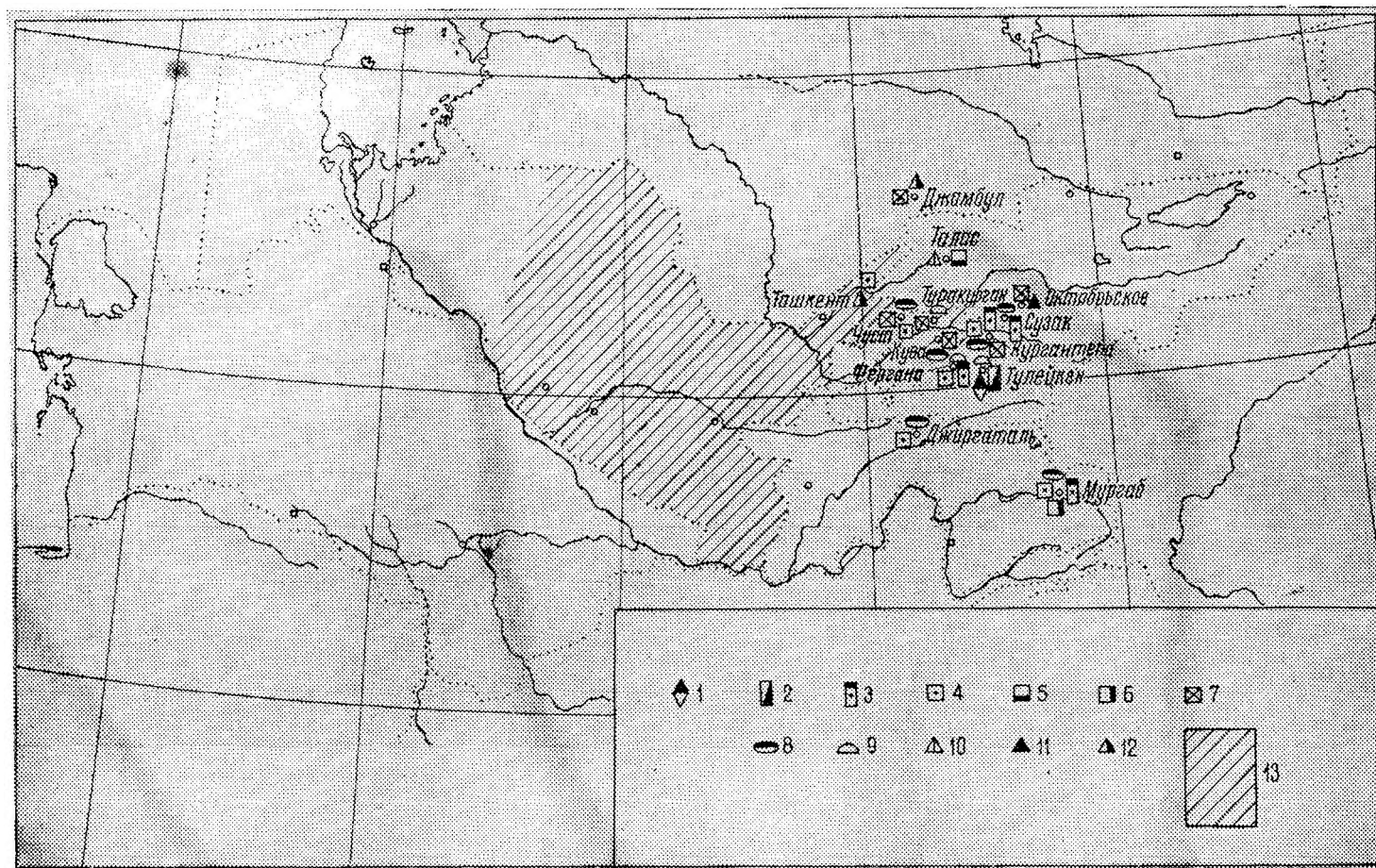
Карта № 1. Отступления от уйгурско-узбекского типа падежного склонения на территории распространения узбекских диалектов и говоров.

Карта № 2. Отклонения от огузского типа надежного склонения на территории распространения туркменских диалектов.

Карта № 3. Отступления от кыпчакского типа падежного склонения на территории распространения казахских диалектов и говоров.

Карта № 4. Выравнивание посессивно-именной парадигмы по уйгурско-узбекскому типу в южных и юго-западных киргизских диалектах.

5. Родительный падеж *-iň* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа.
6. Винительный падеж *-i* после основ с консонантным ауслаутом в МП, ПП, ИП.
7. Винительный падеж (родительно-винительный падеж) *-i* в ПП.
8. Винительный падеж *-i* в ПП после посессивного аффикса 1-го лица единственного и множественного числа.
9. Винительный падеж *-i* в ПП и МП, причем в МП наряду с *-di*.
10. Винительный падеж *-n* в ПП после посессивного аффикса 3-го лица.
11. Вариантность показателей винительного падежа *-n ~ -ni* в ПП после посессивного аффикса 3-го лица.
12. Дательный падеж *-a* в ПП после аффиксов 1-го и 2-го лица единственного числа; *-n-a* — после аффиксов 3-го лица.
13. Дательный падеж *-a* в ПП, распространяется на ИП в фонетически подходящих случаях (имена с консонантным ауслаутом).
14. Параллельное использование дательного падежа *-a* и *-ga* в ПП и МП.
15. Дательный падеж *-a* в ПП и МП, а также в фонетически подходящих случаях ИП, наряду с параллельно употребляющимся *-ga* в ИП и ПП (после аффикса 1-го лица единственного числа).
16. Дательный падеж *-a* после аффиксов 1-го и 2-го лица единственного числа в ПП, *-ga* в ИП.
17. Дательный падеж *-a* в ПП для 1-го и 2-го лица единственного числа, распространяется на ИП, но *-ga* для имен с показателем 3-го лица в ПП.
18. Дательный падеж *-ja* в ПП после аффикса 3-го лица и в ИП для имен с вокалическим ауслаутом.
19. Вариантность аффиксов дательного падежа *-a ~ -ga* в ПП после аффиксов 1-го и 2-го лица единственного числа; *-ga* после аффикса 3-го лица при наличии интерфикса *-n-* только в местном падеже.
20. Вариантность аффиксов дательного падежа *-a ~ -ga* в ПП после аффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа; наличие интерфикса *-n-* только в дательном падеже (*-n-a*) после аффикса 3-го лица при параллельном использовании *-ga*.
21. Дательный падеж *-a* в ПП, распространяется на ИП в соответствующих фонетических условиях, варьируясь тем не менее с *-ga*.
22. Форма дательного падежа личных местоимений единственного числа типа *маған* в МП.
23. Вариантность форм дательного падежа личных местоимений единственного числа типа: *мэған*, но *сенага*, *уңга/уған* или: *мэна/маған*, *сэна/саған*.
24. Местный падеж с интерфиксом *-n-da* в ПП.
25. Параллельное использование аффиксов местного падежа *-da* и *-n-da* в ПП (для имен, снабженных показателем 3-го лица)
26. Интерфикс *-n-* в дательном падеже *-n-a*, местном падеже *-n-da*, исходном падеже *-n-dan/- (n)-nan* в ПП (после аффикса 3-го лица).
27. Исходный падеж *-din* в зависимости от фонетических условий.
28. Нормативность: 1) родительный падеж *-iň* в ПП и ИП в зависимости от фонетических условий; 2) винительный падеж *-i* после основ с конечным согласным в МП, ПП, ИП; 3) дательный падеж *-a* в ИП в фонетически подходящих случаях и в ПП; 4) интерфикс *-n-* в дательном падеже *-n-a*, местном падеже *-n-da*, исходном падеже *-n-dan* в ПП (после аффикса 3-го лица) — в туркменском языке.
29. Дательный падеж *-ja* в ИП для имен с вокалическим ауслаутом в отдельных туркменских диалектах.
30. Нормативность: 1) винительный падеж *-n* в ПП после аффикса 3-го лица; 2) формы дательного падежа личных местоимений единственного числа *маған*, *саған*, *оған* (МП); 3) дательный падеж *-a* в ПП, то же после аффикса 3-го лица; 4) интерфикс *-n-* в дательном падеже *-n-a*, местном падеже *-n-da*, исходном падеже *-(n)-nan* в ПП после аффикса 3-го лица в казахском языке.
31. Нормативность: 1) винительный падеж *-n* в ПП после аффикса 3-го лица; 2) дательный падеж *-a* в ПП после личных аффиксов единственного числа; 3) интерфикс *-n-* в дательном падеже *-n-a*, местном падеже *-n-da*, исходном падеже *-(n)-nan* в ПП после аффикса 3-го лица — в киргизском языке.
32. Нормативность: 1) винительный падеж *-n* после аффикса 3-го лица в ПП; 2) дательный падеж *-a* в ПП после личных аффиксов единственного числа; 3) интерфикс *-n-* в дательном падеже *-n-a*, местном падеже *-n-da*, исходном падеже *-n-nan* после аффикса 3-го лица в ПП — в каракалпакском языке.

Условные обозначения к карте № 2: «Отклонения от огузского типа падежного склонения на территории распространения туркменских диалектов»

1. Вариантность показателей родительного падежа *-iň ~ -niň* в ИП, независимо от фонетических условий.
2. Вариантность показателей винительного падежа *-i ~ -ni* в ИП, независимо от фонетических условий.

3. Винительный падеж *-n* в ПП после аффикса 3-го лица.
4. Вариантность показателей винительного падежа *-n ~ -ni* в ПП после аффикса 3-го лица.
5. Дательный падеж *-ja* в ИП для имен с вокалическим ауслаутом.
6. Дательный падеж *-ga* в ИП.
7. Вариантность аффиксов дательного падежа *-a ~ -ga* в ИП и иногда в ПП, в результате чего после аффиксов 3-го лица может отсутствовать интерфикс *-n-*.
8. Нормативность: 1) родительный падеж *-niŋ* в ПП и ИП (независимо от фонетических условий); 2) винительный падеж *-n* в ПП после аффикса 3-го лица; 3) дательный падеж *-ga* в ИП — в каракалпакском языке.
9. Нормативность: 1) родительный падеж *-niŋ* в ПП и ИП (независимо от фонетических условий); 2) винительный падеж *-ni* в ИП и ПП; 3) дательный падеж *-ga* в ИП и ПП — в узбекском языке.
10. Дательный падеж *-ja* в ПП после аффикса 3-го лица и в ИП у имен с вокалическим ауслаутом в отдельных узбекских диалектах.
11. Винительный падеж *-n* (или: вариантность *-n ~ -ni*) в ПП после аффикса 3-го лица — в узбекских говорах.
12. Нормативность: 1) родительный падеж *-niŋ* в ИП и ПП; 2) винительный падеж *-ni/-di* в ИП и ПП; *-n* в ПП после аффикса 3-го лица; 3) дательный падеж *-ga* в ИП (независимо от фонетических условий) — в казахском языке.

Условные обозначения к карте № 3: «Отступления от кыпчакского типа падежного склонения на территории распространения казахских диалектов и говоров»

1. Родительный падеж *-iŋ* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа (МП).
2. Вариантность показателя родительного падежа *-iŋ ~ -diŋ* в МП для местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа.
3. Родительный падеж *-im* в местоимении 1-го лица единственного числа (МП).
4. Дательный падеж личных местоимений единственного числа типа *оға* (МП).
5. Вариантность аффиксов дательного падежа *-a ~ -ga* в ПП после аффиксов 3-го лица.
6. Дательный падеж *-a* в ПП, распространяется на ИП в соответствующих фонетических условиях, варьируясь тем не менее с *-ga*.
7. Вариантность форм дательного падежа личных местоимений единственного числа типа: *мэган*, но *сенга*. *унга/уған* или: *мэна/маған*, *сэна/саған*.
8. Местный падеж с интерфиксом *-n-da* в ПП.
9. Нормативность родительного падежа *-iŋ* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа в каракалпакском и туркменском языках.
10. Нормативность дательного падежа *-ga* в ПП, в том числе и после аффиксов 3-го лица — в узбекском языке.

Условные обозначения к карте № 4: «Выравнивание посессивно-именной парадигмы по уйгурско-узбекскому типу в южных и юго-западных киргизских диалектах»

1. Вариантность показателей родительного падежа *-in ~ -din* в ПП для имен с аффиксами 1-го и 2-го лица единственного числа.
2. Вариантность показателей винительного падежа *-i ~ -di* в ПП для имен с аффиксами 1-го и 2-го лица единственного числа.
3. Винительный падеж *-ni* в ПП после аффикса 3-го лица.
4. Дательный падеж *-ga* в ПП (после аффикса 3-го лица).
5. Дательный падеж *(-i)-n-a* (по образцу ПП, как после аффикса 3-го лица) в ИП для имен с дифтонгом в ауслауте.
6. Форма дательного падежа местоимений трех лиц единственного числа типа *маңа, саңа* в МП.
7. Вариантность форм дательного падежа личных местоимений единственного числа типа *маа ~ мага/маңа*.
8. Отсутствие интерфикса *-n-* в дательном падеже *-ga*, местном падеже *-da*, исходном падеже *-dan* в ПП (для имен с аффиксом 3-го лица).
9. Параллельное использование показателей местного падежа с интерфиксом и без него — *da* и *-n-da* — в ПП (для имен с аффиксом 3-го лица).
10. Исходный падеж *(-i)-nan* (по образцу ПП, как после аффикса 3-го лица) в ИП для имен с дифтонгом в ауслауте.
11. Вариантность исходного падежа *-n-nan ~ -dan* в ПП после аффикса 3-го лица.
12. Исходный падеж *-dan* без интерфикса *-n-* в ПП (после аффикса 3-го лица).
13. Территория преобладающего распространения узбекского языка с нормативным использованием в ИП и ПП родительного падежа *-niŋ*, винительного падежа *-ni*, дательного падежа *-ga* (форма дательного падежа местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа *менга, сенга*), при отсутствии интерфикса *-n-* в дательном, местном и исходном падежах ПП.

Н. АБДУЛЛАЕВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В последнее время внимание языковедов все чаще привлекают параллельные синтаксические конструкции, их потенциальные возможности в выражении грамматических значений¹. Понятие синтаксических параллелей охватывает синтаксические синонимы, синтаксические варианты и синтаксические тождества (альтернанты, дублиеты).

В настоящей статье рассматриваются семантико-структурные соотношения синтаксических синонимов и синтаксических вариантов в азербайджанском языке. Данное исследование, как нам думается, поможет также выявлению имманентных свойств каждой из этих языковых реалий. Как известно, одно и то же содержание может выражаться в языке различными формами. Художественные достоинства речи определяются не только правильным выбором определенных слов и выражений, но и закономерным употреблением языковых единиц, наилучшим образом соответствующих смысловым и стилистическим целям высказывания. Использование тех или иных языковых единиц зависит от тематики данного отрезка речи, характера и мировоззрения говорящего, от его умения ориентироваться в многообразных потенциальных возможностях языковых средств и т. п. При этом именно существование языковых параллелей

¹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960; Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960; О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский. К вопросу о «правильности» речи. — «Вопросы языкознания», 1960, № 2; Ю. М. Скребнев. К вопросу об «ортологии». — «Вопросы языкознания», 1961, № 1; Е. П. Шендельс. Синтаксические варианты. — «Филологические науки», 1962, № 1; Н. Н. Семенюк. Некоторые вопросы изучения вариантности. — «Вопросы языкознания», 1965, № 1; И. Маммедов. Азәрбајҹан дилинде грамматик синонимлик (фел формалары эсасында). Канд. дисс. Баку, 1970; Б. Джумагельдыева. Фразеология романа Б. Кербабаева «Решающий шаг». Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1970; Г. А. Золотова. Аспекты изучения категории глагольного времени. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 34, 1975, № 3; Л. И. Баранникова. Сопоставление по общеславянскому лингвистическому атласу в Воронеже. — Там же; О. И. Москальская. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6; А. П. Сергиевский. Изучения слов вариантными формами. — «Русский язык в школе», 1975, № 3; К. С. Горбачевич. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1; *его же*. Вариативность формы управления в некоторых именных и глагольно-именных словосочетаниях. — «Русский язык в школе», 1974, № 1; *его же*. Вариантность ударения в формах инфинитива. — Там же, 1975, № 5; *его же*. О варьировании адъективных словосочетаний («близкий к кому, чему» или «близкий кому, чему»). — Там же, 1976, № 3; *его же*. Вариантность глаголов с суффиксами вторичной имперфективации «-ыва- (-ива)» и «А- (Я)». — Там же; *его же*. О распространении конструкций с винительным падежом в современном русском языке. — Там же, 1976, № 6.

позволяет охарактеризовать то или иное определенное явление с разных сторон.

В связи с необходимостью разграничения синтаксической синонимии и синтаксической вариативности эти две категории рассматриваются ниже в сравнении.

1. Синтаксическая синонимия существует как между тождественными, так и между различными синтаксическими категориями. Синтаксическая вариантность же охватывает одни и те же синтаксические категории. Ср.:

1. *Елэ мүнхит дэрјасына чуммаг истэјирэм ки, о дэрјанын нэр гэфэси бир сэнэт инчиси олсун* (Б. Ваһабзаде) 'Хочу окунуться в такую среду, где каждая клетка была бы шедевром искусства'. — 1а. *Нэр гэфэси бир сэнэт инчиси олан мүнхит дэрјасына чуммаг истэјирэм* 'Хочу окунуться в среду, каждая клетка которой была бы шедевром искусства'.

2. *Мүстэнтис Мурадов бир дашы о бири дашын үстүндән гојмајандыр* (С. Рәһимов) 'Следователь Мурадов, не оставляющий камня на камне'. — 2а. *Бир дашы о бири дашын үстүндән гојмајан мүстэнтис Мурадовдур*. 'Тот, кто не оставляет камня на камне, — следователь Мурадов'.

Первый пример и его трансформация являются синонимами, второй пример и его трансформация вариантами.

Первый пример представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным определением, его трансформация — предложение с причастным оборотом.

Второй пример и его трансформация представляют собой простые предложения, выражающие одно и то же содержание. В этих вариантах только главные члены меняются своими местами. Однако это не следует рассматривать как простое изменение позиций членов предложения. Известно, что причастный, инфинитивный, глагольно-именной обороты являются сложными членами предложения. Когда эти единицы выступают в роли сложного сказуемого, глагольный компонент становится ведущим в составе оборота и принимает категорию сказуемости. Когда глагольный компонент оборота превращается в сказуемое, он как бы отделяется от слов, составляющих вместе с ним оборот. Эти слова вступают в синтаксическую связь со сказуемым, выраженным неличной формой глагола, и становятся самостоятельными членами предложения. Ср.:

1. *Өвладын һалына һәмишә јанан анадыр* 'О ребенке всегда печется мать'. — 1а. *Ана өвладын һалына һәмишә јанандыр* 'Мать всегда печется о ребенке'.

2. *Семестр имтаһанлары башлајанда тәләбәнин ән мәс'улијјәтли вахтыдыр* 'Начало семестровых экзаменов — самая ответственная пора у студента'. — 2а. *Тәләбәнин ән мәс'улијјәтли вахты семестр имтаһанлары башлајандадыр* 'Самая ответственная пора у студента — это когда начинаются семестровые экзамены'.

3. *Мүһарибәдә һәлак олмуш Мехдијә охшамаг оғлумун ән вачиб арзуларындан биридир* 'Быть похожим на погибшего на войне Мехти — самая заветная мечта моего сына'. — 3а. *Оғлумун ән вачиб арзуларындан бири мүһарибәдә һәлак олмуш Мехдијә охшамагдыр* 'Самая заветная мечта моего сына — быть похожим на погибшего на войне Мехти'.

Эти параллели, представляющие собой синтаксические варианты, отличаются лишь позицией членов предложения. Подобная трансформация, как уже говорилось, не является простым изменением порядка слов. Она предполагает также изменение синтаксической функции члена предложения. Если в вариантах член предложения, выражающийся глагольным оборотом, меняет свою синтаксическую функцию, то коли-

чество составляющих (членов) предложения также меняется. Если же члены предложения меняют свои места без изменения их функционального назначения, то их количество остается неизменным. Ср.:

1. *Күнәш шүаларыны бир дэгигэ дэ олса артыг көрмәк мәним дэ арзумдур* (Г. Хәлилов) 'Видеть солнечные лучи хотя бы на одну минуту дольше и моя мечта'. — 1а. *Мәним дэ арзум күнәш шүаларыны бир дэгигэ дэ олса артыг көрмәкдир* 'И моя мечта — видеть солнечные лучи хотя бы на одну минуту дольше'.

2. *Бу әһвалатдан сонра дәфтәрин сорағы бүтүн палаталара јајылмышды* 'После этого случая слух о тетради распространился по всем палатам'. — 2а. *Дәфтәрин сорағы бүтүн палаталара бу әһвалатдан сонра јајылмышды* 'Слух о тетради по всем палатам распространился после этого случая'. — 2б. *Бу әһвалатдан сонра бүтүн палаталара дәфтәрин сорағы јајылмышды* 'После этого случая по всем палатам распространился слух о тетради'. — 2в. *Бүтүн палаталара дәфтәрин сорағы бу әһвалатдан сонра јајылмышды* 'По всем палатам слух о тетради распространился после этого случая'.

Пример (1) включает подлежащее (*күнәш шүаларыны бир дэгигэ дэ олса артыг көрмәк*) и сказуемое (*мәним дэ арзумдур*). Вариант же (1а) содержит подлежащее (*мәним дэ арзум*), сказуемое (*көрмәкдир*), дополнение (*күнәш шүаларыны*), обстоятельство времени (*бир дэгигэ дэ олса*) и обстоятельство количества (*артыг*). Оба варианта представляют собой простые предложения, в которых, однако, имеется разное количество членов. В первом из них — два члена предложения, во втором — пять.

Во втором же примере и его вариантах (2а, 2б, 2в) количество членов предложения не меняется. Таким образом, когда член предложения, выраженный глагольным оборотом, меняет свое место в предложении, он одновременно меняет и свою синтаксическую функцию, то есть превращается в другой член. В результате в разных вариантах количество членов предложения становится неодинаковым. Значит, если для синтаксических синонимов характерно наличие разных синтаксических конструкций, то для синтаксических вариантов характерным оказывается видоизменение единой, общей модели.

2. Синтаксические синонимы — это разные структуры, выражающие близкие грамматические значения. Синтаксические же варианты передают одно и то же значение и представляют собой видоизменения определенной, общей для этих вариантов структуры. Под языковым вариантом обычно понимаются лексемы словоформы или синтаксические единицы, выступающие в двух или нескольких различных формальных модификациях, не связанных с изменением основного лингвистического значения². Обратимся к примерам:

1. *Бир-бирини куман ки, танымајан ејни нәчиб амала хидмәт едән бу ики көзәл һәкимин адларыны мән она көрә бөјүк һәрфләрлә јазырам ки, мәзмуну илә формасы туш кәлмәјән адамлары танымагда онлар мәнә көмәк етмишләр* (Г. Хәлилов) 'Имена этих двух прекрасных врачей, вероятно, не знающих друг друга, но служащих одной и той же благородной цели, я пишу большими буквами именно потому, что они помогли мне узнать людей, содержание и форма которых не сходны'. — 1а. *Бир-бирини, куман ки, танымајан лакин ејни нәчиб амала хидмәт едән бу ики көзәл һәким, мәзмуну илә формасы туш кәлмәјән адамлары танымагда мәнә көмәк етдикләри үчүн мән онларын адларыны бөјүк һәрф-*

² Н. Н. Семенюк. Некоторые вопросы изучения вариантности. — «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 50; Л. Ельмслев. Указ. раб., стр. 331.

ларла жазырам 'Я пишу имена этих двух прекрасных врачей, вероятно, не знающих друг друга, но служащих одной и той же благородной цели, большими буквами потому, что именно они помогли мне узнать людей, содержание и форма которых не сходны'.

2. *Биз о гэдэр мейрибан идик ки, башга хэстэлэр онун көнлүнэ тохунанда, кэлиб бу барэдэ ширин-ширин шикајэт едирди* (Г. Хэлилов) 'Мы были так дружны, что если кто-нибудь из больных обижал ее, то она приходила и мило жаловалась'. — 2а. *Башга хэстэлэр онун көнлүнэ тохунанда кэлиб бу барэдэ она көрэ ширин-ширин шикајэт едирди ки, биз чох мейрибан идик* 'Когда другие больные обижали ее, она приходила и мило жаловалась, потому что мы были очень дружны'.

Первый пример и его трансформация являются синонимами, выражающими отношение причины. Основное грамматическое значение придаточного предложения (*мэзмуну илэ формасы туш кэлмэјэн адамлары танымагда онлар мэна көмэк етмишлэр*) близко к основному грамматическому значению причастного оборота с послелогом (*мэзмуну илэ формасы туш кэлмэјэн адамлары танымагда мэна көмэк етдиклэри үчүн*).

Придаточное предложение при выражении грамматического значения обладает большими возможностями, нежели глагольный оборот, так как, помимо конкретизации смысла главного предложения (в данном случае в причинном отношении), оно содержит также и добавочную информацию. В отличие от придаточного предложения причастный оборот с послелогом (в 1а), будучи связанным только с определяемым словом, обладает свойством отдельного члена предложения.

Пример (2) и его трансформация (2а) представляют собой другой вид синтаксических параллелей, являясь вариантами. Так, между примером (2) и его трансформом (2а) не существует различий в грамматических значениях; они в известном смысле — адекватные содержательные структуры. В обоих случаях выступают сложноподчиненные предложения, в которых выражены причина и следствие. Различие между ними заключается только в месторасположении тех смысловых отрезков, которые выражают причину и следствие: в (1) следствие предшествует причине, в (1а), напротив, причина предшествует следствию. Но, несмотря на это, они являются абсолютно равноправными в плане употребления.

3. В синонимических параллелях между собой близки либо основные, либо добавочные грамматические значения. Вариантные параллели же выражают одинаковые грамматические значения. Ср.:

1. *Бөјүклэрдэн кимэ кедиб јалвардыса да, неч кэсин она рәһми кэлмэди* (М. Нүсејн) 'Из старших, к кому бы он ни обратился с просьбой, никто его не пожалел'. — 1а. *Бөјүклэрэ јалвармасына бахмајараг неч кэсин она рәһми кэлмэди* 'Несмотря на просьбы, никто из старших его не пожалел'.

2. *Маја Пәршанын азча пөртдүјүнү һисс едиб јени суаллар вермэди* 'Почувствовав волнение Першан, Майя не стала задавать вопросы'. — 2а. *Асиф тикмәнин белә гәшәнк алындығындан тәәччүбләндијини тәзә кәлиндән кизләтмэди* 'Асиф не стал скрывать от невесты свое изумление красотой вышивки'.

3. *Бајагдан мэна атмача атанларын Чәләби оғлу илэ синә-синәјә дајаныб дөр-дөр дөјүшмәјимдән хошлары кәлди* 'Людям, которые издевались надо мной, понравилось то, что я стал ссориться с Челеби оглы'. — 3а. *Чәләби оғлу илэ синә-синәјә дајаныб дөр-дөр дөјүшмәјим бајагдан мэна атмача атанларын хошуна кәлди* 'То, что я стал ссориться с Челеби оглы, понравилось людям, которые издевались надо мной'.

4. *Мәним белә ишләрдән зәһләм кедир* 'Мне не нравились такие вещи'. — 4а. *Мән белә ишләри хошламырам* 'Я такие вещи не люблю'.

5. *Мәнә елә кәлир ки, сабаһ һава җахшы олар* 'Мне кажется, что завтра погода будет хорошая'. — 5а. *Мән елә куман едирәм ки, сабаһ һава җахшы олар* 'Я предполагаю, что завтра погода будет хорошая'.

Основные грамматические значения в первых двух примерах и их синонимических параллелях близки друг к другу. В первом случае это значение противопоставления, во втором — причины. Другую картину мы видим в параллелях в 3-м, 4-м и 5-м примерах. Первые компоненты этих параллельных рядов представляют собой односоставные безличные предложения, вторые компоненты — двусоставные личные.

4. Синтаксические синонимы выражают не близость содержания, а близость грамматического значения. Варианты же одинаковы и в содержательном плане. Ср.:

1. *Нисә гары онун нә үчүнсә һәҗәчанландығыны һисс едиб сәбәбини сорушдугдада, һеч бир җаваб ала билмәди* (М. Һүсејн) 'Ниса гары, почувствовав его волнение по какому-то поводу, спросила его, но не получила никакого ответа'. — 1а. *Нисә гары онун нә үчүнсә һәҗәчанландығыны һисс едиб сәбәбини сорушмасына бахмајараг, һеч бир җаваб ала билмәди* 'Несмотря на то, что Ниса гары, почувствовав его волнение, спросила о причине, она не получила никакого ответа'.

2. *Һәр башына папаг гојаны киши сајмаг олмаз* 'Не каждого в папaxe можно считать мужчиной'. — 2а. *Һәр башына папаг гојан киши сајылмаз* 'Не каждый в папaxe считается мужчиной'.

3. *Мәним кимисинә хәстәханада ишләмәк җарамаз* (Әнвәр Јусиф оглу) 'Не подобает работать в больнице таким, как я'. — 3а. *Мәним кимиси хәстәханада ишләјә билмәз* 'Такой, как я, в больнице работать не может'.

В отличие от синонимичных параллелей в вариантах формальные изменения проявляются только в общей структуре без влияния на семантику. Синтаксические варианты могут образоваться вследствие изменений порядка слов в предложении, а также при замене безличной формы глагольного сказуемого его личной формой. Порядок слов в предложении служит актуализации определенного смыслового отрезка, и поэтому при разных порядках, но одинаковых составляющих не происходит изменения грамматического значения.

В синтаксических параллелях, образующих синонимический ряд, морфологические показатели глагола, которым выражено сказуемое в одном из компонентов, обуславливают синонимичность сказуемого с определенным глагольным оборотом в другом компоненте. В синтаксических параллельных вариантах морфологические категории не обладают вышеназванной особенностью. Ср.:

1. *Үзүндәки ифадәдән мә'лум иди ки, онун үрәји долудур* (Ә. Вәлијев) 'По выражению лица ее было понятно, что ее сердце полно слов'. — 1а. *Онун үрәјинин долу олмасы үзүндәки ифадәдән мә'лум иди* 'То, что ее сердце полно слов, было понятно по выражению ее лица'.

2. *Ким ки, җамаата хор бахыр, елә бил өз әлијлә өз көзләрини бағлајыр, өз шамыны сөндүрүр* (М. Ибраһимов) 'Тот, кто плохо думает о народе, своими руками закрывает себе глаза, гасит свой светильник'. — 2а. *Җамаата хор бахан елә бил өз әлијлә өз көзләрини бағлајыр, өз шамыны сөндүрүр* 'Плохо думающий о народе, как будто своими руками закрывает свои глаза, гасит свой светильник'.

3. *Онун адәти иди ки, һәмишә үрәкдән чаланда, хусусән гүссәли оlanda көзләрини јумуб һаваја ујғун бир шеј фикирләшәр, чох вахт да анасыны хәјалына кәтирәр, үрәјиндә онунла сөһбәт едәрди* (С. Азәри) 'Он

имел обыкновение всегда, играя от души, в особенности когда грустил, закрыв глаза, думать о чем-нибудь, созвучном мелодии, часто вспоминал о матери, в душе беседовал с ней'. — 3а. *Һәмишә үрәкдән чаланда, хусусән гүссәли оlanda көзләрини јумуб һаваја ујғун бир шеј фикирләшмәк, чоһ вахт да анасыны хәјәлына кәтирмәк, үрәјиндә онунла сөһбәт етмәк онун адәти иди* 'Было его обычаем каждый раз, играя от души, в особенности когда бывал грустным, закрыв глаза, думать о чем-нибудь, созвучном мелодии, очень часто вспоминал мать, беседовал с ней в душе'.

В образовании рядов синтаксических синонимов играют роль как лексические средства, так и определенные морфологические категории. Для образования же вариантного ряда синтаксических параллелей лексические средства имеют второстепенное значение. Ср.:

1. *Хаһишимиз будур ки, (бу хаһишимиздир) һәр биримиз үчүн мүәјјән норма вә вахт гојулсун* (Ә. Вәлијев) 'Наша просьба заключается в том (это наша просьба), чтобы для каждого из нас были определены норма и время'. — 1а. *Хаһишимиз һәр биримиз үчүн мүәјјән норма вә вахтын гојулмасыдыр* 'Наша просьба заключается в установлении для нас определенной нормы и времени'.

2. *Мәним дә диләјим будур ки, (бу мәним дә диләјимдир) Рүстәмә гочаг бир оғул версин, гојоғлу да өзү кими зәһмәтсевән вә... өзү кими икид олсун* (А. Ширванзадә) 'А моя мечта (это и моя мечта) заключается в том, чтобы у Рустама родился сын — смельчак, пусть и сын так же, как он сам, будет умным, трудолюбивым и... мужественным'. — 2а. *Мәним дә диләјим Рүстәмә гочаг бир оғул вермәси, оғлунун да өзү кими ағыллы, зәһмәтсевән вә... өзү кими икид олмасыдыр* 'А моя мечта — да родится у Рустама сын — смельчак, пусть и сын так же, как он сам, будет умным, трудолюбивым и... мужественным'.

3. *Арзум будур ки, (бу арзумдур) гәдәмләрин уғурлу олсун вә әмәјин, зәһмәтин кениш фәзаларында бала тәрлан кими ганад чаласан, узаг-узаг үфүгләрә учасан* (И. Мәликзадә) 'Моя мечта заключается в том (это моя мечта), чтобы путь твой был легким, чтобы сам ты парил в широких просторах труда, как молодой сокол, и летал к далеким горизонтам'. — 3а. *Арзум гәдәмләринин уғурлу олмасы вә әмәјин, зәһмәтин кениш фәзаларында бала тәрлан кими ганад чалман вә узаг-узаг үфүгләрә учмандыр* 'Моя мечта — да будет путь твой легким, а сам ты пари в широких просторах труда, как молодой сокол, и лети к далеким горизонтам'.

В основе возникновения как синтаксических синонимов, так и синтаксических вариантов лежат определенные закономерности. Синтаксические варианты можно сгруппировать следующим образом:

1. По категории личности — безличности.
2. По различным видоизменениям единой синтаксической категории и по интонации.
3. По порядку членов предложения.
4. По типу связи.

Если вариантный ряд состоит из простых предложений, то эти варианты образуются или по принципу личности — безличности, или же по принципу порядка членов предложения. Сюда мы можем отнести односоставные предложения, выражающие одинаковое содержание. Образование двусоставным и односоставным предложениями вариантного ряда связано с типом глагола, которым выражены сказуемые в данных предложениях. Так, если сказуемое двусоставного предложения выражается глаголом в форме страдательного залога, то вариантом подобной структуры может стать неопределенно-личное предложение. Ср.:

1. *Күсәнин пайыны јејәрләр* 'Долю обидевшегося съедают'. — 1а. *Күсәнин пайы јејиләр* 'Доля обидевшегося бывает съедена'.

2. *Чүчәни пайызда сајарлар* 'Цыплят по осени считают'. — 2а. *Чүчә пайызда сајылар* 'Цыплят следует считать осенью'.

3. *Сөзүн доғрусуну зарафатда дејәрләр* 'В шутке выражают правду'. — 3а. *Сөзүн доғрусуну зарафатда дејиләр* 'В шутке выражается правда'.

4. *Онун јудугу дасмалдан мәним хошум кәлир* 'Мне нравится платок, который был он'. — 4а. *Онун јудугу дасмал мәним хошума кәлир* 'Платок, который был он, мне нравится'.

Видоизменение единой синтаксической категории происходит двояким образом. Это видно на примере вопросительного предложения, которое может быть изменено как морфологическими, так и синтаксическими средствами. Ср.:

1. *Китабхананы мәдәнијјәт евинә көчүрмәк олмәз?* 'Нельзя перенести библиотеку в дом культуры?'. — 1а. *Китабхананы мәдәнијјәт евинә көчүрмәк олмәзмә?* 'Нельзя ли перенести библиотеку в дом культуры?' — 1б. *Мәкәр китабхананы мәдәнијјәт евинә көчүрмәк олмәз?* 'Разве нельзя перенести библиотеку в дом культуры?'.

Простое предложение в азербайджанском языке имеет весьма широкие возможности образования вариантов. Вариантность простых предложений проявляет себя во всех классификационных типах.

Вариантность сложных предложений определяется различным взаимным расположением составных частей, то есть их постпозицией и препозицией относительно друг к другу, а также типами связей между этими составными частями.

В результате изменения порядка составных частей образуются варианты сложноподчиненных предложений. Ср.:

1. *Мәһкәмә тәрәфиндән она билдирилмишди ки, ишинә јенидән бахылмағ үчүн о, әризә вермәјә һағлыдыр* (Ф. Хошкинаби) 'Суд его оповестил, что он имеет право подать заявление для пересмотра своего дела'.

2. *Бачы тез әлини далында кизләтди, бу Лаләни даһа да шүбһәләндирди* (Л. Вајанов) 'Сестра сразу спрятала руки за спиной, что усилило подозрение Лалы'.

3. *Бу һәмин гапы иди ки, Азәри ону ағыр ачарла ачмышдыр* (М. Ибраһимов) 'Это та дверь, которую Азери открыл тяжелым ключом'.

4. *Зәлзәләдән бир саат әввәл бу евләрин биринин пәнчәрәси габағында орта јашларында бир гадын әјләшмишди. Бу гадын дәрзи Бархударын арвады Күлназ иди* (А. Ширванзадә) 'За час до землетрясения перед окном одного из этих домов сидела женщина средних лет. Эта женщина была Гюльназ — жена портного Бархудара'.

5. *Гөнчәбәјим нә вахт мәни көрәрдисә, һал-әһвал тутарды* (С. Гәдирзадә) 'Гончабеим, когда только видела меня, обязательно расспрашивала'.

6. *Онун јанына кетмәк истәдим, елә бу вахт сағсаған учуб, Лејла хала илә бизим бағымызы ајыран хәндәјин үстүндәки гарағача гонду вә гырылдамаға башлады* (К. Нүсәјноғлу) 'Я хотел пойти к нему, но в это время прилетела сорока, села на карагач на канаве, отделяющей наш сад от сада Лейла-халы, и начала каркать'.

Различные типы связи между компонентами сложного предложения обуславливают возникновение вариантного параллелизма сложноподчиненного и сложносочиненного предложений.

Одно и то же грамматическое значение может выражаться посредством как сложноподчиненного, так и сложносочиненного предложения.

В частности, значение противопоставления может быть выражено двумя типами связи между компонентами сложного предложения — подчинительной и сочинительной. Ср.:

1. *Ләтифә нә гәдәр фикирләшди, ләкин мәһз нәјин чатышмадығыны тапа билмәди* (М. Нүсәјн) 'Лятифа долго думала, но чего именно не хватает — не нашла'. — 1а. *Ләтифә нә гәдәр фикирләшдисә дә, нәјин чатышмадығыны тапа билмәди* 'Лятифа хотя и долго думала, но чего именно не хватает — не нашла'.

Между составными частями обоих сложных предложений выражается значение противопоставления. Различие же между этими двумя структурами заключается только в способе выражения, то есть в средстве связи. Противопоставляемые части в примере (1) находятся в сочинительной связи по отношению друг к другу, в трансформированной же форме этого примера (1а) — в подчинительной связи.

Синтаксическая синонимия образуется лексико-морфологическими средствами. В синтаксических же вариантах выступают на первый план иные возможности языка, в основном синтаксические, такие, как выражение личности и неличности, логическое ударение, интонация, порядок слов — препозиция и постпозиция групп подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении, придаточного предложения по отношению к главному — в сложноподчиненном предложении. При этом даже при трансформации определенной синтаксической конструкции не создается различия в грамматических значениях между этими построениями, именно потому эти структуры и образуют вариантный ряд.

Если же та или иная синтаксическая конструкция после трансформации выражает другое грамматическое значение, то трансформация и ее исходная структура образуют синонимический ряд. Следовательно, варианты отличаются от синонимов как по способу образования, так и по выражаемому содержанию. Ср.:

1. *Дағ даға говушмаз, адам адама говушар* («Аталар сөзү вә мәсәләләр») 'Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется'. — 1а. *Дағ даға говушмаса да, адам адама говушар* 'Хоть гора с горою и не сходится, а человек с человеком сойдется'.

2. *Башым ев ишләринә о гәдәр гарышыг олурду ки, күнүн нә вахт чыхдығыны, гаранлығын нә вахт дүшдүјүнү һисс етмиздим* (Б. Бајрамов) 'Я так был занят домашними делами, что не обращал внимания на то, когда солнце восходит и когда наступает вечер'. — 2а. *Күнүн нә вахт чыхдығыны, гаранлығын нә вахт дүшдүјүнү она көрә һисс етмиздим ки, башым ев ишләринә чох гарышыг олурду* 'На восход солнца и наступление вечера я не обращал внимания, потому что был очень занят домашними делами'.

3. *Шәһәр отуз доггуз күн муһасирәдә галараг, узаг мәмләкәтдән гошун чәкиб кәлмиш шаһла вурушурду* (И. Әфәндијев) 'Тридцать девять дней город был в окружении и сопротивлялся шаху из далекой страны'. — 3а. *Отуз доггуз күн муһасирәдә галараг, узаг мәмләкәтдән гошун чәкиб кәлмиш шаһла вурушан шәһәр иди* 'Это тот город, который был в окружении тридцать девять дней и сопротивлялся шаху из далекой страны'.

4. *Шәфгәт бачысы Мехдинин тапанчасы илә бирликдә бу шејләри јығышдырыб пәнчәрәјә гојду* (И. Гасымов, Н. Сејидбәјли) 'Медсестра забрала пистолет Мехти вместе с этими вещами и положила на подоконник'. — 4а. *Мехдинин тапанчасы илә бирликдә бу шејләри јығышдырыб пәнчәрәјә гојан шәфгәт бачысы иди* 'Та, которая забрала пистолет Мехти вместе с этими вещами и положила на подоконник, была медсестра'. — 4б. *Шәфгәт бачысы бу шејләри јығышдырыб Мехдинин тапан-*

часы илэ бирликдэ пәнчәрәјә гојду 'Медсестра забрала эти вещи и вместе с пистолетом Мехти положила на подоконник'.

В первом вариантном ряду составные части и сложносочиненного, и сложноподчиненного предложений связаны значением противопоставления. Только в первом случае значение противопоставления выражается на основе сочинительной связи, а во втором случае — на основе подчинительной. Обе эти структуры имеют одинаковые возможности употребления. Во втором вариантном ряду части предложения связаны грамматическим значением причины и следствия. Различительным признаком конструкций этого ряда является выражение в первом из них вначале причины, а затем следствия, во втором же — сначала следствия, а затем причины. Сфера употребления этих грамматических значений (то есть причины и следствия, следствия и причины) одинакова. В третьем вариантном ряду обе конструкции (предложения) выражают одинаковое содержание. Различие между этими структурами состоит в том, что в первой из них группа подлежащего предшествует группе сказуемого, во второй — группа сказуемого предшествует группе подлежащего. Оба компонента имеют одинаковую употребительность. В четвертом ряду различительным признаком этих вариантов является изменение порядка членов предложения, что также не создает иного грамматического значения.

В заключение следует отметить, что исследование синтаксических параллелей приобретает особую важность в связи с необходимостью углубленного анализа развития семантико-синтаксической структуры языка и выявления ее потенциальных возможностей, а также обеспечения разнообразия речи. Как выяснилось в ходе исследования, наряду со сходными общими свойствами синтаксических синонимов и синтаксических вариантов существуют и различающие их специфические особенности. Хотелось бы также отметить, что каждая из анализируемых дифференциальных особенностей может стать объектом специального исследования.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

ДЖ. С. СЕТАРОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Среди тюркизмов в русском языке большое место принадлежит названиям домашних животных. Прародиной тюркских племен, как известно, была степь, и скотоводство для них было основным видом хозяйства. Русские летописи (XI—XIII веков) свидетельствуют, что, например, половцы-кыпчаки имели в своем хозяйстве овец, крупный рогатый скот, лошадей и даже верблюдов (ПСРЛ, т. I, 219. Новгородская первая летопись..., стр. 266). «Земля кипчаков богата пастбищами зимою и летом: в ней есть места прохладные летом, богатые пастбищами; есть места теплые зимою, также изобилующие пастбищами. Это степи на берегу моря». (Выписка из Ибн-аль-Асира. См.: «Записки Академии Наук по I и III отделениям», 1854 год, т. II, стр. 660).

Овцеводство и табунное коневодство составляли главное богатство степных народов. Они давали пищу, кожу и шерсть для палаток и одежды, основные продукты торговли и обмена. В условиях кочевого образа жизни и многочисленных военных походов лошадь была самым необходимым и полезным животным. Всем этим объясняется богатство тюркских языков терминологией, отражающей особенности домашних животных, их возраст, пол, породу, масть и т. п.

Вступая в длительные и довольно тесные контакты с тюркскими народами, русские, естественно, заимствовали и многие из этих терминов. Ф. П. Филин отмечает, что «домашние животные обычно широко распространяются в различных подходящих для них областях, и границы их распространения подчас очень подвижны, в их обозначениях чаще происходят заимствования и замены одного слова другим» (Филин, 1962, 210). Следует, однако, заметить, что не все тюркизмы в названиях домашних животных получили широкое распространение в общенародном русском языке. Нередко они бытуют лишь в диалекте, которым были усвоены.

БАРАН. Этимологизация этого русского названия самца овцы чрезвычайно трудна. Слово известно почти всем славянским языкам (нет его лишь в словенском). Однако существование общеславянского исконного *овен* 'баран' (*овьнѣ*) свидетельствует о вторичности в славянских языках слова *баран*. (Ср. лат. *ovis*, латыш. *avs* 'овца'). Вторичность этого слова в славянских языках признается всеми учеными, однако об источнике его нет единого мнения.

Н. М. Шанский считает, что слово *баран* образовано, вероятно, посредством суффикса *-анъ* от той же основы, что и *боров* (основа в слове *боровъ* восходит, как известно, к индоевропейскому **bher* 'резать, ко-

лоть'). Формы *баран* с «а» (ср. также польск. *bağan*) возникли, по-видимому, под влиянием звукоподражательных слов подзыва животных (*бар-бар*) (КрЭС, 1971, 36). Однако П. Я. Черных возражал против этой этимологии: «Самое деление предполагаемого общеславянского *боранъ* на *бор-* (корень) и *-анъ* (суффикс) нельзя считать правильным: *-анъ* в славянских языках в качестве суффикса в названиях животных не употребляется, и вообще все это слово в целом не является исконно славянским. Это заимствованное слово, может быть, дославянское, „праевропейское“, если не азиатского происхождения» (Рецензия на КрЭС, М., 1961, «РЯШ», 1961, № 4, 95—100). Об этом же писал и О. Н. Трубачев: «Существующие этимологии слова *баран* грешат полным невниманием к его словообразовательной структуре, либо недооценкой этой структуры. Знают ли славянские языки древний суффикс мужского рода с *-анъ* в названиях животных? На все эти вопросы приходится отвечать отрицательно. Слово *баран* заимствовано с востока, вероятно, из тюркского языка...» (Трубачев, 1960, 75—76). О. Н. Трубачев первоначально высказывал гипотезу о происхождении праславянского **baḡanъ* < др.-тюрк. **baḡan* 'идущий'. В дальнейшем эта точка зрения автора претерпела некоторые изменения: он отвел тюркским языкам лишь роль посредника при передаче вероятного среднеиранского заимствования **baḡan* 'баран', 'овца' < ир. **vaḡan*, родственного древнеиндийскому *игаṇа* 'ягненок, баран' (ЭССЯ, 1974, 158).

Тюркским заимствованием считают слово *баран* Ф. Миклошич (Mi. TEL, 1888, 83) и Н. К. Дмитриев: «Русское заимствование восходит к тюркским языкам Поволжья... В тат. и башк. *bāḡan* означает „ягненок“, каз. *bereg* 'овца'. В тат. и башк. есть также уменьшит.-ласкат. форма *bāḡās* 'барашек'» (Дмитриев, 1958, 18—19). Ср. также тат. *bārānle* 'овца с ягненком, суягная овца', *bārānlāu* 'ягниться', башк. *bārān kǝzǝ* 'коза или овца с момента отказа от материнского молока до второго окота'. Лексема *баран* встречается и в других тюркских языках, но с иным значением, например, кирг. *baḡan* 'темная масть' (Радлов, IV, 1477). В русский язык слово *баран* попало скорее всего из древнебулгарского.

БАРБОС 'большая дворовая собака (первоначально кличка)'. Н. М. Шанский отмечает, что происхождение слова неясное, возможно, оно является родственным укр. *баробосити* 'болтать', бел. *балбос* 'бранное слово'. В таком случае *барбос* буквально значит 'бормотун, сколуха' (Шанский, I Б, 42). Более убедительную этимологию этого слова, на наш взгляд, следует искать в тюркских языках: кирг. *bōrūbasar* 'волкодав', узб. *būḡibasar* 'волкодав', *būḡibos* 'возглас, призывающий взять, напасть на волка' (букв. 'дави волка').

Гласный звук *й* тюркского прототипа (средний между *y* и *o*) был воспринят как *o*. Затем гласный *o* первого слога, оказавшись в безударном положении, стал произноситься как *a*. И, наконец, в русском языке закрепилась синкопированная форма тюркского прототипа: *бурибос* > *борибос* > *барибос* > *барбос*.

БАШМАК, обл. (дон., астрах., орен.) 'годовалый теленок, бычок' (Даль, I, 56; СРНГ, 2, 165). Древнее русское заимствование из тюркских языков, скорее всего из татарского. «По свидетельству Махмуда Кашгарского, в огузском и кыпчакском языках это слово означает „обувь“, то есть то же, что русское башмак... У татар и башкир башмак означает „годовалого теленка“; отсюда же, по мнению Будагова, произошло и первое значение слова» (Дмитриев, 1958, 20). Ср. также каз. *başraq* 'кожа на ногах животных', *başraq* 1) 'теленок по первому году', 2) 'кожаный мешок' (Радлов, IV, 1734, 1539, 1540). Следовательно, *başraq* 'годо-

валый теленок' (от *baš* 'голова') > *башмак* 'вид обуви', так как башмаки изготовлялись из кожи ног животных и шкуры годовалого теленка.

БУГАЙ, обл. (южн., укр.) 1) 'племенной бык', 2) 'болотная птица из семейства цапель' (Даль, I, 135; ССРЛЯ, 1950, 664). П. М. Мелиоранский считал, что это слово вошло в русский язык еще в домонгольский период. Н. М. Шанский относит *бугай* к древнерусским заимствованиям из татарского языка (Шанский, I Б, 209). А. М. Щербак считает тат. *bugaј* заимствованием из русского языка, где *бугай* < *буга* + *й* (Щербак, 1961, 82—172). Но на русской почве такое преобразование вряд ли могло произойти. А. Н. Кононов полагает, что тат. и ног. *bugaј* есть уменьшительная форма на *j* от *buga* (Кононов, 1963, 133—141). Мы присоединяемся к последнему мнению, так как наращение *aj* вместо *a* весьма распространено в татарской народной речи, например, *baба* — *babaј*, *apa* — *apaј*, *aga* — *agaј*. В словарях современного русского литературного языка слово *бугай* дается как областное. Однако его часто можно встретить в художественной литературе и в авторской речи: «Скот шел тесным потоком, величиною с улицу. Мелькали рога коров, мычали бугаи (разрядка наша. — Дж. С.), прыгали телята, и вот, наконец, двинулись овцы» (Вс. Иванов, «Похождения факира», 1, 8).

Появление семемы *выпь* у восточнославянского слова тюркской этимологии *бугай* 'бык' объясняется, по-видимому, тем, что *выпь* издает звуки, чем-то напоминающие рев бугая. А. А. Булаховский отмечал, что «к названию относительно частому относятся случаи наименования птиц по млекопитающим» (Булаховский, 1948, 165). «Кричит где-то в камышах какая-то таинственная птица, которую здесь зовут бугаем», — читаем мы в письме А. П. Чехова Щеглову от 10 мая 1888 года.

Кроме русского языка, слово *бугай* имеется в белорусском, украинском и в польском языках (в польск. < укр.). Из русского это слово проникло в диалекты языка коми: *бугуй* 'сова, филин'.

БУЗИВОК, обл. (новорос.) 'годовалый теленок', *бузник* (новорос.) 'годовалый валух, кладеный баран' (Даль, I, 137); (дон.) *бузавик*, *бузавок*, *бузанок* (СРНГ, III, 253, 254, 256). В СРНГ дается указание на заимствование из тат. *buzov*, *bzov* 'теленки-сосунки без различия пола'. Ср. также тат. *bozau*, башк. *byzau*, каз. *būzau*, ног., крым.-тат. *buzav* — то же. Русское диалектное *бузивок* скорее всего является отражением крым.-тат. *buzav*. (Украинское *бузвок*, *бузмок* 'перезимовавший теленок' также является заимствованием крымско-татарской формы). На русской почве слово оформилось при помощи аффикса *-ок*, образующего уменьшительные имена.

В тюркских языках слово этимологически восходит к *buz* ~ *boz* 'серый' + *ayı* (< *-a* + *-yı* ~ *-ya*) — уменьшительный аффикс (Кононов. Рецензия, 1963, 133—141). Ср. *buzayū* тур., *buzayı* чаг., *buzayū* 'теленки' (Радлов, IV, 1867, 1868).

БУРА, обл. (сиб.) 'верблюдица, которая плюет ярую; жвака, плевач' (Даль, I, 142): 1) 'самка верблюда, верблюдица'; 2) (урал.) 'верблюдица-самец' (СРНГ, III, 278; Фасмер, I, 242). Каз. *būga-būrga* 'верблюжий жеребец', тур. *buğur-būga*, *buğa* 'верблюжий жеребец', тур. *buğur* 'плевок, слюна' (Радлов, IV, 1817, 1806).

Вероятно, в русские диалекты слово попало из казахского языка.

БУРУН, обл. (сиб.) 'годовалый бычок, лоншак' (Даль, I, 144); 'молодой бык, годовалый бычок, двухгодовалый бычок' (СРНГ, III, 298). М. Фасмер предполагает связь названия со славянским словом *buriti* 'бушевать'. В таком случае *бурун* буквально значило бы 'буян'. В. Кипарский (ВЯ, 1956, № 5, стр. 133) название бычка *бурун* возводит к татарскому *бурун* 'нос' (Фасмер, I, 248). «По Казем-Беку (36), *бурун* 'моло-

дой бык' < *бурунган* 'облегченный' < *бур-мак* 'облегчать, класть (жеребцов или быков)» (Кононов, 1969, 537).

БУШМАК, обл. (оренб.) 'годовалая телка' (< тат.) (Даль, I, 147; СРНГ, III, 333). См. *башмак*.

БЫК. Слово известно во всех славянских языках. В русских памятниках впервые отмечено в «Изборнике Святославе» (1073 год): «Быки приводяште на оуказъ». В «Повести временных лет» слово *бык* встречается в контексте: «Нѣту ли быка велика и сильна».

Н. М. Шанский определяет слово *бык* как «общеславянское... от звукоподражательного *бы-* ... того же корня, что и *букашка*, *пчела* ... животное названо по издаваемому им мычанию. Неверно толкование этого слова как переоформление тюрк. *бука* (Корш, Ильинский, Абаев)», (Шанский, I Б, 243—244). М. Фасмер считает *бык* заимствованием из далматинского *biak* 'бык' от латинского *vacca* 'корова' (Фасмер, I, 258). Следуя гипотезе А. А. Шахматова, И. И. Огиенко относит слово *бык* к древним словам кельтского происхождения (Огиенко, 1915, 44), не исключая и того, что оно является древнейшим тюркизмом (там же, стр. 30). Еще ранее Ф. Корш писал о возможности заимствования этого слова из алтайских языков (в частности, из тюркских) (Корш, 1909). Отсутствие в славянских языках каких-либо рефлексов старой звукоподражательной основы с долгим гласным *biak* при наличии одних только корней с кратким гласным или дифтонгами Ф. Коршу казалось сомнительным. В тюркских же языках существуют точные фонетические и семантические соответствия. Наиболее близкое к славянской форме звучание данное слово имеет в алтайском, киргизском, уйгурском и казахском языках: *бука*. Эта форма зафиксирована также в рунических надписях и в словаре Махмуда Кашгари. В некоторых тюркских языках произошло озвончение интервокального заднеязычного. В чагатайском, азербайджанском, гагаузском, туркменском и каракалпакском: *buga*. Татарский и ногайский языки имеют форму с окончанием *j*: *bugaj*.

В тюркских языках *бука*, *buga* 'бык, вол' связано с названием оленя *buu*, *buu*: балкар. *bu* 'олень', каз. *buu* 'олень', калп. *buu* 'марал', ног. *bugu* 'олень-самец', кирг. *bugu* 'самец оленя или марала', узб. *buu* 'олень (самец)', уйг. *buu* 'олень', др.-тюрк. *buu* 'олень'. Интересно противопоставление уйгурского *бука* 'бык' и *буу* 'олень'. (Ср. также монг. *буха* 'бык, олень'). В русском языке названия быка и оленя тоже часто соотносятся: олень-самец называется быком, а самка — коровой.

Отпадение конечного гласного тюркского *бука* на русской почве И. Г. Добродомов объясняет тем, что конечное *-а* в тюркском *бука* было кратким, поэтому славяне в соответствии с фонетикой своего языка передавали краткое *а* через *о*, то есть тюркское *бука* > славянское *быко* > *быкъ* (Добродомов, АКД, М., 1966).

По нашему мнению, отпадение конечного гласного могло явиться результатом так называемой натурализации, то есть грамматического подчинения заимствуемого слова формам русского языка с учетом пола. Название быка-производителя в русском языке не могло оканчиваться на гласный *а*, который является обычно показателем имен существительных преимущественно женского рода.

В тюркских языках название животного оноματοпоэтического происхождения. Если согласиться с мнением тех исследователей, которые отстаивают автохтонность этого животного у славян и самого его названия (от звукоподражательного глагола *бук-ати* с чередованием *у : ы*), то придется признать, что в данном случае имела место языковая конвергенция, то есть одинаковое явление возникло в разных языках независимо друг от друга.

Однако в пользу тюркского происхождения русского названия животного говорят не только языковые, но и экстралингвистические факторы. Византийский император X века Константин Багрянородный в сочинении, посвященном народам Северного Причерноморья, «Об управлении государством» писал: «И руссы стараются жить в мире с печенегами; они покупают у них быков, коней и овец и от этого живут легче и привольнее (разрядка наша. — Дж. С.), т. к. на Руси ни одно из названных животных не водится». («Хрестоматия по истории СССР», т. I, М., 1951, стр. 54).

Название животного, очевидно, было заимствовано славянами еще в праславянскую эпоху из одного из тюркских языков, возможно, из языка аваров. (Небезынтересно, что венгерское название животного *bika*, как установил венгерский языковед З. Гомбоц, также тюркского происхождения).

ВОЛ 'кастрированный бык, используемый в сельскохозяйственных работах'. Слово известно во всех славянских языках. Единой этимологии слова нет. В КрЭС (1971, 89) его значение сведено к понятиям «великий», «вельможа», «животное названо по своему большому размеру». О. Н. Трубачев считает, что слово *вол* при всей его древности является славянской лексической инновацией, о чем достаточно убедительно свидетельствует, по его мнению, отсутствие соответствий этой форме и его значению вне славянских языков. Искать объяснение слову *вол*, утверждает исследователь, можно только в славянском словаре. О. Н. Трубачев полагает, что наиболее вероятной является этимология, подсказанная техникой холощения: вол является дериватом от глагола валять «вертеть, катать, зажимать», сохранившегося в русских диалектах со значением «кастрировать».

И. И. Огиенко относил слово *вол* к древнейшим тюркизмам (Огиенко, 1915, 30). М. Фасмер по поводу тюркского заимствования слова *вол* замечает: «Сомнительно в звуковом отношении возведение этого слова к чув. *vułix*, мар. *volik* 'скот', связанным с тюрк. *ulaγ* 'вьючное или ездовое животное' (См.: Корш. Сб. Потанину, 541)» (Фасмер, I, 336). Тюркское происхождение слова *вол* поддерживает И. Г. Добродомов. Суть ее в следующем. Слово *вол* относится к старым *y*-основам и восходит к тюркскому названию вьючных и ездовых животных, сохранившемуся у Махмуда Кашгари в виде *ulaγ* 'почтовый конь, быстроходный конь'. Конечное *y* на тюркской почве могло дать и неслоговое. Сравните чув. *lav* 'подвода', каз. *lau* 'подвода для чиновников', кирг. *uloō*, *uloō* 'верховое животное или подвода, выставаемые в порядке общественной повинности', 'упряжная (не верховая) рабочая лошадь', башк. *ulau*, тат. *olau*, узб. *ulov*. Слово известно и в монгольских языках: монг. и бурят. *ulā*, калм. *ula* 'подвода' (по «Этимологическому словарю чувашского языка» В. Е. Егорова под словом *лав*). Чувашский и казахский языки утратили начальный гласный *и*, но в болгарском языке было возможно и другое развитие начального лабиализованного гласного: при развитии протетического губного согласного *υ* гласный утрачивал лабиализацию и становился редуцированным звуком среднего ряда типа *ѣ*. Слово, вероятно, было заимствовано славянами еще до появления в славянских языках редуцированных, поэтому болгарское *ѣ* было передано славянами как краткое *а*, которое впоследствии изменилось в *о*. Возможно, что форма, близкая к этой болгарской форме, отражена в современном чувашском слове *vuł'āx* 'скот, скотина', хотя в последнем не ясна причина смягчения согласного *l*. Итак, болгарское *v[ъ]lau*, *v[ъ]lou* дало в праславянском *vālŭ* (Ср. в языке коми *vōv/vōl*) 'лошадь, конь', в коми-язьвинском диалекте *vōl*, в удмуртском языке *val* — то же).

«Неясным остаются лишь исторические обстоятельства заимствования, в звуковом же отношении, вероятно, нет ничего противоречащего выведению славянского *вол* из алтайских языков, точнее из булгарского языка», — пишет И. Г. Добродомов (АКД, М., 1966).

ГУНАК, ГУНАЧИК, обл. (вост.-сиб., монг.) 'теленос по третьему году' (Даль, I, 408; СРНГ, VII, 231). Монгольское слово в русский язык попало через посредство тюркских языков (Фасмер, I, 474). Ср. шор. *kupak älik* 'козел по третьему году', тел., алт., бараб. *kupašun* 'трехлетний теленок', чаг. *kupaš* 'теленос двух лет' (Радлов, II, 910—911).

ГУНАН, обл. (сиб.) 'трехлетний теленок или жеребенок' (СРНГ, VII, 231). «Из монг. *gupaп* 'трехгодовалый бык', калм. *gupp* — то же (как и гунак)» (Фасмер, I, 474). Алт., тел., леб., каз., чаг. *kupaп* 'трехлетний жеребенок'; каз. *kupaп qoi* 'трехлетний ягненок'; тел. *kupaп aju* 'медвежонок' (Радлов, II, 910—911); каз. *kupaп ögüz* 'трехлетний теленок'; тар. *yupašп* 'молодая корова по третьему году' (Радлов, II, 1542); кирг. *kupaп* 'жеребенок по третьему году, жеребенок-третяк' (Юдахин, 1965, 445). Монг. *yupaп* 'трехгодовалый бык' < *yи* 'три'.

ДОНГУС, обл. (костр.) бран. 'дурак, осел, скотина' < тат. 'свинья' (Даль, I, 468; СРНГ, VIII, 124; Фасмер, I, 529). Тат. *dungyz*, кирг. *donuz*, азерб. *donuz*, тур. *domuz*, алт., тел. *tonys*, тар. *tonus*, чаг., ком. *tonuz*, уйг. *tongus* 'свинья' (Радлов, III, 1709, 1712, 1726, 1171, 1172, 1173). В тюркских названиях Г. Вамбери выделяет корень *top* со значением «крупный, сильный», а по Г. Рамстедту — корень *top* 'свинья' (Мусаев, 1975, 95).

ДУНАН, обл. (оренб. < монг.) 'трехлетний киргизский баран': (сиб.) 'теленос или жеребенок по четвертому году, трехлеток' (Даль, I, 501; СРНГ, VIII, 257). Тур., чаг., тар. *döпäп* 'лошадь по четвертому году'; каз. *döпöп ögüz* 'четырёхлетний бык', *döпöп qoi* 'четырёхлетний баран', *döпöп* 'четырёхлетняя лошадь'; тел., алт., леб. *töпöп-döпöп* 'жеребенок или теленок по четвертому году'; каз. *döпöпšo* 'четырёхлетний верблюд', *döпöпžün siy* 'четырёхлетняя корова', тел. *töпöjün* 'кобыла, телка по четвертому году' (Радлов, III, 1734, 1249). Ср. также ног. *döпөп* 'трехлетний жеребец', башк. *dünäп* — то же, ккалп. *donen* 'самец-трехлетка'.

Монгольское слово *döпöп* 'четырёхлетний (о животных)' < *dö* 'четыре' в русский язык, как видно из примеров, пришло через посредство тюркских языков.

ИМНЮШКА, (каз.) 'лошаденка, кляча' (Даль, II, 42, на слово «имать»). И. Г. Добродомов соотносит название с тюркскими словами: якут. *äппik*, *äппjik* 'отпущенный с маткой детеныш, свободно сосущий ее; опоек'; кирг. *qysug* или *qysug äпdi* 'теленос или жеребенок, сосущие мать после положенного им срока (когда мать остается яловой)' (Юдахин, 1965); чаг. *äмлük* 'сосун; набитая телячья шкура, которую ставят под корову, чтобы она дала себя доить' (Будагов, I, 210; Радлов, I, 963); азерб. *äмлik* 'кормленный молоком, молочный ягненок (теленос)'; ср. названия молодых ягнят и козлят в турецких диалектах: *emlik*, *emilik*, *emпik*. «Этимология названий сосунков ясна: все они являются прозрачными образованиями с помощью суффикса *-lik* от корня *äп-* 'сосать'. В области коневодства *äп-lik* стало употребляться как наименование молодой лошади, которая еще не была обучена...» (Добродомов, 1970, 253—254).

ИШАК, обл. (сиб., оренб., кавк.) 'осел' (Даль, II, 67). В современном русском языке слово *ишак* успешно конкурирует с русским словом, становясь его семантическим дублетом (толковые словари отмечают: *ишак* — то же, что *осел*), а в отдельных случаях даже вытесняет обще-

славянское название *осел*: «По дороге... то в одиночку, то караванами, попадались и шаки, груженные свежим табаком» (К. Федин, «Член делегации»). О полном освоении этого тюркизма русским языком говорит наличие производных: *ишачок*, *ишачий* (ишачья тропа, ишачья работа), *ишачить* 'выполнять тяжелую работу'.

Слово *ишак* имеется почти во всех тюркских языках: др.-тюрк. *ešāk*, *ešgāk*, туркм., тур., крым.-тат., кум., кбал., кирг., ног., ккалп. *ešek*, узб., уйг. *ešāk*, каз. *ešek*, чув. *ašak*, тат., башк. *išāk*, азерб. *eššāk*, узб. диал. *eššāk*. Близость фонетических форм этого слова в тюркских языках затрудняет точное установление места заимствования. Как справедливо заметил Н. К. Дмитриев, русское заимствование могло произойти на той территории, где ишак обычное животное. Таким местом могли быть Кавказ и Средняя Азия (Дмитриев, 1958, 24). В фонетическом отношении источником мог быть тот язык, где во втором слоге слышится широкое *э* (*ä*), откуда возникло русское *а*. И этому требованию отвечают тюркские языки Кавказа и Средней Азии: азерб. *eššāk* и узб. *ešāk*.

В памятниках русской письменности слово *ишак* впервые встречается в уменьшительной форме *ишечькэ* (от слова *ишекэ*): «А лошадей добрых катырей и ишечков много» («Путешествие в Китай Ивана Петрова и Буриаша Елычева в 1567 году»). Встречающееся в этом примере слово *катырьэ* также является тюркским словом, означающим «мул».

Датский языковед Х. Педерсен тюрк. *ešek* возводил к армянскому *еš* 'осел'. Относительно второго, формального, элемента слова Х. Педерсен говорит, что *äk* «весьма обычный суффикс» (Севортян, ЭСТЯ, 1974, 317). Немецкий тюрколог Вилли Банг на основании некоторых аналогий из латинского и греческого квалифицировал *äšāk* как производное слово, образовавшееся от тюрк. *äš* 'товарищ' с помощью аффикса уменьшительности *-aq* ~ *-yaq* (Севортян, ЭСТЯ, 1974, 318).

Суффикс уменьшительности *gäk* в слове *ešāk*, *ešgāk* выделяет и А. Н. Кононов. Однако в основе слова, по его мнению, лежит тюркское *ešä* ~ *eši* ~ *iši* 'старший родственник, мать, отец' (**eši* + *gäk*). Со временем трехсложное слово в связи с ударением на последнем слоге стало двусложным, а согласный *š* перешел в *š̈*: *ešigäk* > *ešgäk* > *ešgāk* (Кононов, 1963, 133—141).

Мы полагаем, что предпочтительней точка зрения исследователей, считающих, что название животного образовано от тюрк. *äš*. Следует обратить внимание на то, что, кроме значения «товарищ», тюрк. *äš* имеет еще значение «спутник», «близкий», «опора, поддержка, надежда» и т. п. (Севортян, ЭСТЯ, 1974, 314).

ИШИГЕН, обл. (забайк.) 'козленок' (Фасмер, II, 146); *ишигенка?* (ирк.) 'козлячья шкура' (Даль, II, 67). «Из монг. *esigen*, *isige* 'козленок', калм. *iškä* — то же» (Фасмер, II, 146). В русском языке < тюрк. < монг. Ср. *äski* (крым., чаг., кар. т.) = *äškä* 'коза'; *äškä* (алт., тел.) = *äski*; *eški* (каз.) = *äski* 'коза' (Радлов, I, 865, 864, 911). См. *коза*.

КАБАН 'дикая свинья, вепрь', 'самец домашней свиньи' (Даль, II, 69; ССРЛЯ, 1956, 617). Почти во всех тюркских языках слово *кабан* означает «дикая свинья»: тат., ног., каз., чув. *qaban*, кирг. *qatap*, туркм. *gaban*, уйг. *qavan*. В значении «домашняя свинья» слово *хапан* известно только в тувинском языке. Судя по свидетельству письменных памятников и показаниям живых языков и диалектов, древнейшим является значение «дикая свинья». В русских словарях слово *кабан* отмечается с начала XVIII века и первоначально употреблялось лишь в этом значении: «Близ устья оброс он (Яик) высоким камышом, где кроются кабаны и тигры» (А. С. Пушкин, «История Пугачева»). Однако, помимо этого ос-

нового значения «дикая свинья», слово *кабан*, войдя в соотносительный ряд «самец — самка», «свинья — кабан», стало обозначать также самца домашней свиньи.

За последние десятилетия резко сократилось употребление общеславянского названия дикой свиньи или самца домашней свиньи — *вебрь*. Толковые словари русского языка объясняют значение слова *вебрь*, обращаясь к заимствованию из тюркских языков — *кабан*: «вебрь — то же, что кабан».

Слово прочно вошло в лексическую систему русского языка. Об этом свидетельствует его употребление в переносных значениях: *кабан* — говорят о грубом, грузном мужчине. В результате переноса названия по сходству формы у слова *кабан* в русском языке возникли новые значения: «большой кусок, глыба какого-либо необработанного материала», например, «кабан породы», «лед скололи в кабаны» (ССРЛЯ, 1956, 617); «кабан льду», «соляной кабан» (Даль, II, 69).

В вятских говорах слово *кабан* встречается в значении «стог, скирда, кладь продолговатой кладки» (Даль, II, 69). Слово это, думается, является результатом контаминации двух тюркских слов: чув. *qaraп* (с интервокальным полузвонким согласным: произносится *кабан*), башк. *kābāп*, тат. *kibāп* 'стог сена' и тюрк. *qabaп* 'дикая свинья'. Вполне вероятно, что оба эти тюркских слова этимологически связаны между собой и восходят к тюркскому корню *qab-*; *qaba-*, означающему «толстый, пухлый» (Радлов, II, 433). Ср. др.-тюрк. *qabaг* 'вдуться, распухать', тат. *qabaгu-* 'пухнуть'.

Слово *кабан* со значением «дикая свинья» употребляется также в украинском, белорусском и польском языках.

КАТЕР, обл. (кавк.) 'осляк, лошак, помесь от осла и кобылы'. «Мул — от жеребца и ослицы, но ученые наши путают эти названия» (Даль, II, 98); «мул», диал., др.-русс. *катырь* (1567 г.). Заимствовано из крым.-тат., азерб., кыпч., тур. *qatug* — то же (Радлов, II, 286; Фасмер, II, 210).

КОБЫЛА. Слово известно во всех славянских языках, однако этого факта еще недостаточно для признания его исконно славянским. Скорее всего мы имеем дело с очень ранним заимствованием в эпоху общеславянского единства. М. Фасмер допускает образование этого слова с помощью суффикса *-la* от лат. *saбo* 'мерин' (Фасмер, II, 269). Авторы КрЭС признают, что происхождение слова неясно, и приводят этимологию, предложенную М. Фасмером (Шанский, КрЭС, 1971, 201). Однако в этой этимологии есть весьма уязвимые места. Самые серьезные возражения вызывают семантические несоответствия. Хорошо известно, что в русском и в других славянских языках названия самца и самки домашних животных резко разграничиваются: они обычно образуются от разных корней. Трудно поэтому предположить, что в данном случае было допущено смешение названий самца и самки и лат. *saбo* 'мерин' было заимствовано в значении «кобыла». Учитывая также то обстоятельство, что коневодство и многие связанные с ним термины распространялись с востока на запад, а не наоборот, мы разделяем мнение О. Н. Трубачева: «В качестве культурного заимствования названное слово распространилось очень широко в Европе, однако оно не является исконным ни для одного из местных индоевропейских языков. Затрудняясь пока в определении и локализации первоисточника, мы тем не менее вынуждены предположить его заимствование в индоевропейские языки Европы через посредство Малой Азии из какого-то азиатского языка, ср. тюрк. *kāvāl* (at) 'быстрая (лошадь)' у М. Кашгарского (XI в.), перс. *kaval* то же» (Трубачев, 1960, 52).

КОЗА. В качестве основного названия животного слово имеется во всех славянских языках. Среди ученых нет единого мнения о его этимологии. Одни причисляют его к лексическому фонду индоевропейских языков с восточным ареалом распространения, преимущественно индоиранским, балтийским и славянским, другие — с западным ареалом распространения, преимущественно итальянским, германским и славянским. Индоевропейское название козы отличается большим разнообразием, и ни одно из этих названий нельзя считать генетически общим для всех индоевропейских языков.

Впервые мнение о тюркском происхождении слова *коза* высказал Ф. Е. Корш (Корш, 1909, 542). По-видимому, на основании исследований Ф. Е. Корша И. И. Огиенко также относит слово *коза* к древнейшим тюркизмам (Огиенко, 1915, 30). О. Н. Трубачев поддерживает эту точку зрения: «В тюркских языках есть название домашней козы, представленное в двух вариантах: тур. *keçi*, тат. *käjä*, башк. *käzä* и уйг. *äſkü*, *noſuyg. öſkä*, кыпчак., узб., кирг., караим. *äſki*, каз. *äſki*. Это дает право ставить вопрос о близости не только слав. *koza*: тюрк. *käzä*, но также литов. *ožka*: тюрк. *äſkü*, *öſkä*. Сходство формы и тождество значения столь полно, что трудно думать о случайности. Таким образом, восточная периферия индоевропейской языковой территории достаточно рано получила из расположенных, вероятно, далее к востоку древнетюркских диалектов некоторые термины, связанные с разведением домашних коз. Важно отметить, что оба индоевропейских региональных варианта *koza/ožka*, необъяснимые средствами индоевропейской морфологии, находят объяснение в алтайских языках. Тип *käzä*, *käçi* в тюркском представляет собой, как полагают, метатезу типа *äſkü > käcü > käçi > käzä*, которая является первичной формой слова, общетюркским названием домашней козы, возможно, с преобладающим мужским значением «козел», ср. монг. *äſigä*, *äſigä* 'козленок, молодой козел'» (Трубачев, 1960, 87—88).

Считая вполне вероятной гипотезу О. Н. Трубачева относительно предполагаемой древнетюркской формы *käçi* как одной из возможных форм, лежащих в основе восточно-индоевропейского варианта слова *коза*, Э. М. Ахунзянов не соглашается с ним относительно древности другого источника индоевропейского слова — тюрк. *käzä*, которое, видимо, является не исконным, а вторичным, что подтверждается обособленностью этого слова в тюркских языках: форма *käzä* имеется лишь в башкирском и в отдельных говорах татарского языка. Скорее всего тат. и башк. *käzä* следует рассматривать как обратное заимствование из русского языка, то есть тюркское слово, сначала преобразованное по нормам русской фонетики, а затем вновь приближенное к своему прототипу (Ахунзянов, 1968, 88).

КОЧКАРЬ, КАЧКАР, обл. (новорос., астрах.) 'племенной баран' (Даль, II, 181). Заимствование из тюркских языков (Фасмер, II, 359) *qoſqar* (кар. т., тур., чаг.) = *qoſ* 'баран племенной'; *qoſqar* (каз., тар.) = *qoſqar* 'баран' (Радлов, II, 617, 618, 621, 643). В древних тюркских языках слово *qoſqar* выступало в паре со словом *aſqar*, обозначающим только самку.

КОШАРА, обл. (новорос.) 'овечий завод, всеобзаведение для приплода в степях овец'; (южн.) 'стойбище для овец, загон, овчарня'; (тул.) 'загон для скота, баз, стойло' (Даль, II, 181). В толковых словарях современного русского литературного языка отмечается, что *кошара* — то же, что овчарня без стилистических и ограничительных помет. Имеется словарная статья в БСЭ: *кошара* — «овчарня, помещение для содержания овец» (БСЭ, 1973, XIII, 301).

«Обычно объясняют из кош „плетеная изгородь“; см. Бернекер, 1, 587; Преображенский, 1, 373. Но, принимая во внимание распространение и словообразование, можно также поставить вопрос о заимствовании через рум. из лат. caseāgia ‘сыроварня’ (Фасмер, II, 360). Е. Н. Шипова, к сожалению, без этимологизации и тюркских соответствий относит слово к тюркизмам (Шипова, 1976, 200).

На наш взгляд, в основе тюркизма *кошара* лежит тюркский корень *qoş* ‘соединять, присоединять, добавлять’ (ДТС, 1969, 460): *qoş* + аффикс -аг, образующий причастия от основ глаголов, = *qoşag*.

Думается, что корень *qoş* ‘соединять’ необходимо выделять и в других тюркизмах: *кошма* ‘большой кусок войлока’; (спец., обл.) ‘многорядный плот из мелкого леса (на Волге)’, а также в слове *кошелять* ‘насаждать куда-либо слишком много людей’ (Даль, II, 182, на слово *кошель*). Наряду со словом *кошара* в русских диалектах употребляется слово *кош* (южн.) ‘загон, овчарня’, ‘табор, стоянка, стан, становище, казачий обоз, лагерь, стойбище’ (Даль, II, 183).

КУРПЯ, обл. (вор.) *курпях* (оренб.) ‘овца, янгя, ягненок’ (Даль, II, 223). ССРЛЯ указывает на тюркский источник: «от тюрк. *kögrä* ‘ягненок’» (ССРЛЯ, 1956, V, 1874). Ср. *kügrä* (крым.) ‘новорожденный ягненок’ (Радлов, II, 1464); азерб. *kögrä*: 1) ‘малыш, малютка, ребенок’, 2) ‘молодой, свежий, нежный’.

ЛОШАДЬ. С праславянской эпохи уже существуют названия конь и кобыла, обозначающие самца и самку лошади. Однако общий родовой термин для этого животного в славянских языках фактически отсутствует. «Вполне возможно, что известное в большинстве индоевропейских языков слово *лошадь* еще существовало в праславянском или протославянском, а затем исчезло, как это, например, произошло уже в период письменной истории в литовском языке, а также во всех романских языках» (Трубачев, 1960, 48). В функции забытого родového термина в русском языке стало употребляться тюркское заимствование *лошадь*. Это одно из древнейших заимствований и встречается оно впервые в Лаврентьевской летописи (1103 год) в знаменитой речи Владимира Мономаха: «Дивно ми, дружино, оже лошади жалуете, ею же кто ореть; а се-го чему не промыслите, оже то начеть орати смердь, и приехавъ половчинъ ударить и стрелою, а лошадь его поиметь... То лошади жаль, а са-мого не жаль ли?». Вполне вероятно, что в русский язык слово *лошадь* попало из болгарского или печенежского, задолго до XII века.

Ф. П. Филин наиболее вероятным непосредственным источником его заимствования считает болгарский язык (Филин, 1962, 562). И. Г. Добродомов допускает, что им мог быть и печенежский язык, подвергшийся значительной болгаризации (Добродомов, АКД, 1966, 9). До нас дошли письменные свидетельства того периода о продаже печенегами лошадей восточным славянам.

В 1769 году в журнале «Поденщина» Василий Тузов опубликовал списки восточных слов в сопоставлении с русскими. В этой ранней работе мы находим довольно удачное для того времени объяснение русского названия *лошадь*: *алаша* — мерин и *ат* — конь, а от сих двух слов происходит российское название *лошадь*. Ф. Миклошич также сблизил слово *лошадь* с тюрк. *алаша* ‘мерин’. Безударное начальное *а* легко могло отпасть в русском языке, как это случилось в словах *лачуга* (тат. *алачуг* ‘хижина’, ‘шалаш’) и *лафа* (араб. *alufa* ‘корм’, ‘фураж’). Однако можно допустить, что начальное *а* могло исчезнуть и на тюркской почве (*alasha* > *ālaša* > *laša*). Чувашское *laša* ‘мерин’ дает возможность предположить эту форму и в языке предков чувашей — болгар, откуда она и могла попасть в древнерусский язык.

Большое затруднение для этимологизации слова *лошадь* представляет окончание *-дь*. «Начало слова *лошадь* есть *лошя*, уменьшительное от тур. *алаша* 'низкий, мелкая порода лошадей' (казан.), 'мерин'» (Корш, 1903, 43). И. И. Срезневский также допускал форму *лошя* как *свиня*. Многие исследователи, в том числе Н. К. Дмитриев, слово *лошадь* сводят к комбинации двух тюркских слов: *алаша* + *ат* 'мерин + лошадь' (Дмитриев, 1958, 28). Однако все это не объясняет окончания *-дь*. Имеется мнение, согласно которому *лошадь* является заимствованием из одного из тюркских языков с окончанием местного падежа *алашада*, но в таком случае остается неясным, почему отпал конечный *а* и произошло смягчение *д* (Булаховский, 1953, 123).

Р. Брандт развил высказанную Ф. Миклошичем мысль о том, что форма *лошадь* есть имя собирательное, подобное сербским *ждрёбад* 'жеребята', *тёлад* 'телята', которое уже позже превратилось вновь в «имя единичности» (Брандт, 1887, 34). «Это было бы недурно, если б в русском языке были употребительны подобные собирательные, а между тем Брандт не приводит ни одного примера. Как кажется, нам удалось найти один: это „рухлядь“ от „рухло“ или „рухла“. С другой стороны, слово „лошадь“ в сербском языке неизвестно», — писал П. М. Мелиоранский (Мелиоранский, 1905, I). М. Фасмер выразил свои сомнения в допустимости ссылок на сербские собирательные имена и относительно конечного элемента *-дь* в слове *лошадь* предложил аналогию со стороны др.-рус. и ц.-слав. ослѣдь 'дикий осел' (Фасмер, II, 525). Н. М. Шанский также считает *лошадь* древнерусским производным с суфф. *-адь* < *ѣдь* от заимствованного тюрк. *лоша* (КрЭС, 1971, 247).

Сравнительно недавно было высказано предположение о том, что русское *лошадь* «имеет какой-то иранский источник»: «В осетинском языке (иронский диалект) имеется слово *ласаг* (lašag) 'рабочий скот (отличающийся большой физической силой)' и глагол *ласын* (lašyn) 'возить, перевозить, увозить, транспортировать'» (Серебренников, 1971, 211). Однако, на наш взгляд, и лингвистические, и экстралингвистические факторы говорят в пользу тюркской этимологии слова *лошадь*. Как справедливо пишет Г. Ф. Одинцов, «осетин. диал. *ласаг*, не являясь непосредственным источником русского термина, может действительно оказаться родственным тюрк. *лаша*, *алаша*: тюрко-монгольские племена неоднократно вступали на протяжении своей истории в тесный языковой контакт с иранскими народами» (Одинцов, 1974, 128).

Первоначально слово *лошадь* обозначало лишь крестьянскую, рабочую лошадь, но не воинского и верхового коня, то есть сохраняло значение, близкое к тюркскому прототипу: *alaša* (laša) 'мерин' (туркм., крым.-тат., кум., кбал., ног., тат., башк., чув.); 'кляча' (азерб.); 'маленькая низкорослая лошадь' (узб. диал.); 'худая невзрачная лошадь' (тур. диал.); 'высокая неуклюжая лошадь' (башк. диал.). Тюркское *alaša* этимологически связано с *al-*, имеющим основное значение «быть/становиться слабым, бессильным, немощным» (Севортян, ЭСТЯ, 1974, 136).

О том, как это слово осваивалось русским языком, и об отношении к нему некоторых архаизмов свидетельствует высказывание А. П. Сумарокова: «В славянских наших книгах конь лошадыю нигде не называется, и слово „лошадь“, хотя и неисходимо, нашему языку присвоено, однако всегда пребудет словом низким, как „кафтан“ и все новые, некстати введенные в наш язык, дикие слова». Постепенно «некстати введенное в наш язык дикое слово» *лошадь* не только вошло во всеобщее употребление, но и в значительной степени вытеснило исконное наименование *конь*.

В древнерусских текстах слово *лошадь* имеет сниженную стилистическую окраску и некоторый семантический оттенок дурной, плохой лошади, не коня. В Толковом Словаре В. Даля слова *конь* и *лошадь* уже не противопоставляются одно другому: «конь — лошадь добрая, не кляча», «лошадь (тат.) — вообще конь, особенно не жеребец и не кобыла, мерин» (Даль, II, 155, 269). А в последнем до революции выпуске Словаря ИАН (1913 год) написано: «В литературном языке слово конь и лошадь одинаково употребительны; слово лошадь даже употребительнее слова конь».

В современном русском языке слова *конь* и *лошадь* часто несут различную стилистическую нагрузку. Слово *конь* стало словом экспрессивным (для имитации фольклора, профессиональной кавалерийской лексики или для выражения высокого стиля). *Лошадь* — слово нейтральное, будничное, рабочее.

ЛОШАК 'полуконь, животное от осла и кобылы' (Даль, II, 270). В современном русском языке *лошак* 'помесь жеребца и ослицы'; 'лошак — гибрид от спаривания ослицы с жеребцом' (БСЭ, 1974, XV, 39). Древнерусское производное посредством суффикса *-акъ* от тюрк. *laša* в памятниках русской письменности встречается с 1270 года (Срезневский, II, 48). М. Фасмер считает, что «форма *лошак* возникла в связи со сближением с *ишак*» (Фасмер, II, 526). Однако следует заметить, что слово *ишак* в русских памятниках встречается с 1567 года. Принятие версии о влиянии слова *ишак* на образование древнерусского *лошак* говорит о том, что многие слова не сразу проникли в памятники письменности и дата появления в письменном памятнике того или иного слова лишь приблизительно отражает время его проникновения в язык.

МАЛИЧ, обл. 'простая порода крымских овец' (Даль, II, 293). М. Фасмер сближает *малич* с укр. *маль* в значении «молодые овцы», полагая, что это образование от *мал*, *малый*, и считает, что «случайно созвучно с уйг., алт., тур., крым.-тат., каз. *mal* 'скот, имущество'» (Фасмер, II, 563). Ср. каз. *mälis̈* 'русская овца'; шор. *тагаš* 'овца' (Радлов, IV, 2100, 2030).

МАЛЬХАН, обл. (твер.) 'овца, баран' (Даль, II, 296). Е. Н. Шипова относит слово к тюркизмам и приводит соответствия из тюркских языков: «Радлов *mählä* (тур.) 'блеять'; *mählä* (тур.) 'баранья лопатка, жаренная на вертеле' (IV, 2078); *maḡa* (каз.) 'барашек или ягненок, родившийся раньше апреля и поэтому более обыкновенного подросший и жирный' (IV, 2028); *maḡa* (тур.) 'овца, коза' (IV, 2030); *maḡ* (чаг.) 'трехлетний баран' (IV, 2006); *mälä* (тур.) = *mählä* 'блеять' (IV, 2099)» (Шипова, 1976, 228).

МЕРИН 'общерусское название холостенного жеребца'. Исследователи очень долго пытались объяснить это слово как западное заимствование. А. Г. Преображенский (1, 528), Н. В. Горяев (СЭСРЯ, 1896, 207) вслед за Ф. Миклошичем считали, что слово было заимствовано у варягов, так как в древнеисландском языке существовало слово *тегг* 'кобыла'. Однако трудно согласиться с этой этимологией из-за семантических несоответствий. Хорошо известно, что в русском и в других славянских языках названия самца и самки домашних животных резко разграничиваются: они обычно, как отмечалось выше, даже образуются от разных корней. Трудно предположить, что и в этом случае было допущено смешение упомянутых названий и древнеисландское *тегг* 'кобыла' было заимствовано в значении «мерин» (о лат. *cabō* 'мерин' — в значении «кобыла»; см. *кобыла*).

Как и подавляющее большинство коневодческих терминов, слово *мерин* в русский язык пришло не с запада, а с востока: «В монгольском языке есть слово *тог* 'конь', которое в древнемонгольском имело форму *tōgin*, *toḡin*, а в одном из современных монгольских языков — калмыцком — это же слово засвидетельствовано в форме *tōgn* (мерин)». (Откупщиков, 1973, 164). По мнению некоторых ученых, слово *мерин* попало в русский язык не непосредственно из монгольского языка, а, как о том свидетельствует его фонетический облик, через тюркские языки (Баскаков, 1969, 55). В киргизском эпосе встречается обозначение коня — *tōḡin*.

ОТАРА 'большое стадо овец' (ССРЛЯ, 1959, VIII, 1233). Впервые в памятниках русской письменности слово *отара* встречается в Арзамасских актах 1600 года со значением «скотный двор».

«Вероятно, из тюрк., ср. тат., башк. *utar* 'скотный двор', каз. *otar* 'пастбище, стадо'» (Фасмер, III, 169). Н. К. Дмитриев рассматривает слово *отара* как производное от тюрк. слова *от* 'трава': «В русский язык это слово заимствовано, очевидно, из тюркских языков Крыма или Северного Кавказа» (Дмитриев, 1958, 29, 17). Ср. крым.-тат. *otar*: 1) 'овечье стадо', 2) 'хутор'; кум. *otar* 'овечье стадо'; каз. *otar*: 1) 'отара', 2) 'пастбище, находящееся далеко от аула'; кирг. *otar* 'отдаленное зимнее пастбище, где снега выпадает мало'; туркм. *otar* 'пастбище, выгон'. Производный глагол *отар-*, образованный от существительного *от* 'трава' при помощи аффикса *-ар*, в туркм., тур., азерб. означает «пасти», «кормить скот» (Севортян, ЭСТЯ, 1974, 483). Конечное *а* появилось на русской почве, так как слово стало осознаваться как существительное женского рода (русс. *отара* < тюрк. *otar* < *ot* + *ar*).

САКМАН 'группа маток с ягнятами одинакового возраста' < каз. *sakmal* (ССРЛЯ, 1962, XIII, 57). Слово обычно считают искаженным заимствованием каз. *saqmal* 'дойная овца'. Однако наличие узб. *saqmoḡ* 'небольшое стадо недавно оягнившихся маток с ягнятами', которое произносится близко к русскому *сакман*, дает основание отдать приоритет узбекскому источнику. Вполне, впрочем, вероятно, что русским языком были заимствованы обе формы этого слова, что нашло отражение в БСЭ: с а к м а л (каз.), с а к м а н (БСЭ, 1975, XXII, 503).

САРГА, обл. (казан.) 'овца', (Даль, IV, 138). Заимствование из тюркских языков: *saḡuq* (казан.) 'овца', (каз.) 'русская овца' (Радлов, IV, 322). Тюрк. *saḡuq* > русск. *сарга*, так как по конечному твердому согласному звуку слово *сарык* в русском языке осознавалось бы как существительное мужского рода, тогда как речь идет об овце (*сарык* 'ярка, овца'). Это и привело, по-видимому, к звуковому переоформлению слова на русской почве: к слову добавился гласный *а*, показатель женского рода (*сарык* > *сарыка*). В дальнейшем звук *ы*, оказавшись в слабой позиции, выпал. Шумный согласный *к*, в положении между сонорным и гласным, закономерно озвончился. В русском языке слово закрепилось в форме *сарга*. К. М. Мусаевым высказано мнение, что слово *сарга* в казанских диалектах русского языка является вторичным заимствованием русского слова *ярка*, так как тюркское *сарык* возникло под влиянием соседних диалектов русского языка, где *ярка* > *сарык* (Мусаев, 1975, 56—57).

САРЛУК, САРЛЫК, обл. (сиб.) 'монгольская или тибетская коро-ва' (Даль, IV, 139); монг. *sarlag*, калм. *sarlāg* — то же (ССРЛЯ, 1962, XIII, 191); *sarluq* (алт., саг.) 'тибетский бык' (Радлов, IV, 335); каз. *sarluq* 'дикая коро-ва'.

Монг. *sarlag*, тюрк. *sarluq* > русск. *сарлык*, *сарлук*.

СОБАКА. В качестве основного родового названия животного широко распространилось только у восточных славян. В древнерусском

языке слово *собака* появилось сравнительно поздно (с XIV века): «Собака же еще по грѣхѣмъ въ церковь въскочить, святити водою, священникомъ августынымъ» («Ответы митр. Киприана на вопросы игумена Афанасия», 1390 год). Ограниченное распространение слова в славянских языках дает основание предполагать, что восточнославянское *собака* — заимствование. Большинство исследователей считает это слово иранизмом, точнее заимствованием мидийского *sraqa* 'собачий'. «Собака является заимствованием древнего времени из перс. *sraqa*, отсюда и *сука*, чисто русское слово — *пес*» (Огиенко, 1915, 28). «Это слово, распространение которого не ограничивается вост.-слав. языками, заимств. из ср.-ир. *sabaka*, ср. парси *sabah* ... Тюркское посредство или, наконец, фин. посредство, вопреки Миклошичу... Коршу... недоказуемо» (Фасмер, III, 702—703).

В 1955 году О. Н. Трубачев высказал сомнение в правильности этой этимологии и выдвинул новую гипотезу об автохтонности русского названия *собака* (Трубачев, 1955, 49). Позже, в 1960 году, этим же ученым было высказано новое предположение о том, что слово *собака* проникло в восточнославянские и некоторые западнославянские диалекты из тюркского *köbāk* 'собака'. Славянское *sobaqa* в общих чертах воспроизводит вокализм и консонантизм тюркского *köbāk*. Переход начального *k* в *s* О. Н. Трубачев объясняет тем, что «заимствование осуществлялось очень давно, когда мягкое „k“ в этом тюркском слове с характерным палатальным сингармонизмом могло отразиться в славянском, не знавшем такого звука, в виде „s“ (чему, возможно, благоприятствовала склонность к диссимиляции $k-k > s-k$)» (Трубачев, 1960, 29—30). Переход палатального *k* в *s* в ранних русских заимствованиях мы находим и в других примерах. Марийское и удмуртское *қағақа*, татарское *kāğākā* 'карась' в праславянском дало *kaγas*, а в русском — *карась*.

А. Е. Супрун, считая вполне вероятной гипотезу О. Н. Трубачева о проникновении тюрк. *köbāk* в восточнославянские языки, предполагает аналогичную связь вост.-слав. числительного *сорок* с этим же числительным в тюркских языках. В этом случае точно так же наблюдается переход тюрк. *k* в русск. *s*: чув. хёгёх, хакас. хугух, тат., шор. қугуқ, уйг. kigik, туркм., гагауз., ног., караим., кирг. қуғқ (так же, но в иной орфографии ккалп., каз., узб., башк., крым.-тат.) (Супрун, 1969, 89).

В пользу тюркского происхождения слова *собака*, на наш взгляд, говорит и тот факт, что одним из самых ранних тюркизмов в славянской собаководческой терминологии является название гончей, охотничей собаки в некоторых славянских языках: серб., ц.-слав. *огаръ*, серб. *огар*, словен. *ogar*, чеш. *ohar*, др.-польск. *ogarz*, польск. *ogar*. Все эти названия являются заимствованием тюркского (уйгурского) *ägär* с тем же значением (ср. черкес. *hager*, венг. *agár*, осет. *jegar* — то же). На славянской почве это тюркское слово довольно быстро сблизилось с исконными *gorëti*, *ogaγъ*, *ogaγъкъ*, русское *огарок* по той причине, что у этих собак имеются характерные «подпалины».

ТАБУН 'конское стадо' (Даль, IV, 385); 'стадо лошадей, а также оленей и некоторых других копытных животных, пасущихся вместе' (ССРЛЯ, 1963, IV, 17—18). Огиенко относит *табун* к тюркизмам, заимствованным у татар (Огиенко, 1915, 31, 34). Н. К. Дмитриев относил слово *табун* к тюркизмам, подтвержденным фактами (Дмитриев, 1958, 31). Ср. казан., чаг. *tabun* 'табун', тур., крым. *tabun* 'толпа, табун' (Радлов, III, 978, 975); казах. *tabun* 'табун, стадо' («Русско-казахский словарь», 1954).

ТАЗЫ 'среднеазиатская борзая собака' (БСЭ, 1976, XXV, 200). Персидское *tazi* 'арабский' первоначально в др.-рус. языке употреблялось лишь в сочетании с тюркским словом *ак* 'белый': *актазъ* < *ак* + *тазы* и обозначало «белая арабская лошадь». Перенос значения с лошади на собаку можно объяснить тем, что уже на тюркской почве слово *tazu* получило атрибутивное употребление и со словом «лошадь», и со словом «собака»: в старокипчак. языке *tazu* означало «арабская лошадь», однако *tazu it* 'гончая (охотничья) собака', 'борзая'. То же самое мы наблюдаем и в современных тюркских языках: ног. *tazu jit* 'борзая собака', узб. *tozi* (ot, it) 'борзая (лошадь, собака)', уйг. *tazi* — 1) 'борзая, гончая', 2) 'лошадь арабской породы, чистокровная лошадь', туркм. *tazu* 'борзая, гончая'. (Ср. употребление слова *борзая* в русском языке: «борзая собака», «борзый конь»). Основанием для общего названия породы лошадей и собак, по-видимому, явилась их скорость, резвость.

ТЫМЕНЬ, ТЫМЕН, монг. (обл., сиб.) или *тюз*, *тюя* (оренб.) 'верблюд двугорбый, одногорбый нар' (Даль, IV, 447). «Из монг. *temegen* — то же, калм. *temen* 'верблюд', особенно 'кастрированный вьючный верблюд', як. *timiän*, др.-тюрк. *tävā*, тур. *dävā*. См. *тюя*» (Фасмер, IV, 131).

ТЮЭ, ТЮЯ, обл. (оренб.) 'двугорбый верблюд' (Даль, IV, 447, на слово *тымень*). «Из чар. *tüjä* 'верблюд', каз. *tüjo*, *tüö*, уйг. *tävā*, тур., крым.-тат., азерб. *dävā* — то же (Радлов, III, 1127, 1528, 1546, 1692); см. *тымень*» (Фасмер, IV, 139).

ЧУШКА, обл. (ниж.) 'свинья, свинка' (Даль, IV, 616, на слово *чухна*); простореч. 'поросенок, молодая свинья' (ССРЛЯ, 1965, XVII). Н. К. Дмитриев соотносит слово с алт. *šoška*, каз., ног. *šoška*, башк. *suska*, тат. *šučka*, азерб. *šoşga* 'свинья', 'свиноматка' (Дмитриев, 1958, 36). Ср. также азерб. *šoşga* 'поросенок' («Азербайджанско-русский словарь», 1941, 347); кирг. *šoško* 'свинья (домашняя)' (Юдахин, 1965, 869).

Н. М. Шанский вслед за М. Фасмером считает данное слово собственно русским: «Образовано как деминутив с суф. *-ка* от диал. *чуха* 'свиное рыло', представляющего собой производное от *чухать* 'скликать свиней', также сохранившегося в диалектах» (Шанский, КрЭС, 1971, 493).

По нашему мнению, русское *чушка* является результатом контаминации двух тюрк. форм: *šučka* + *šoška* = *šučka*. Перенос ударения на русской почве с последнего слога на первый есть результат мнимой аналогии: элемент *-ка* в русском языке стал осознаваться как приставленный позднее русский формант.

В результате переноса названия по сходству формы слово *чушка* в русском языке приобрело новые значения, отсутствующие в тюркских языках: *чушка*, обл. 'городки', спец. 'слиток металла в виде продолговатого бруска' (продолговатый слиток металла и такой же формы чурка напоминают тело свиньи).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ахунзянов, 1968

— Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.

Баскаков и др.

— Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР. — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969.

Брандт, 1887

— Р. Брандт. Об этимологическом словаре Миклошича. — «Русский филологический вестник», т. 18. Варшава, 1887.

- БСЭ — «Большая Советская Энциклопедия».
- Будагов — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1876.
- Булаховский, 1948 — Л. А. Булаховский. Семаснологические этюды. Славянские наименования птиц. — «Вопросы славянского языкознания», I. Львов, 1948.
- Булаховский, 1953 — Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. М., 1953.
- ВЯ — «Вопросы языкознания».
- Горяев, СЭСРЯ, 1896 — Н. В. Горяев. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1956.
- Дмитриев, 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958.
- Добродомов, АКД, М., 1966 — И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966.
- Добродомов, 1970 — И. Г. Добродомов. К этимологии марийского названия лошади. — «Советское финно-угроведение», VI, 4. Таллин, 1970.
- ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Кононов, 1963 — А. Н. Кононов. Рецензия на «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961. — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
- Кононов, 1969 — А. Н. Кононов. Заметки (II) тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров». — «Известия АН СССР», 1969, т. 28, вып. 6.
- Корш, 1903 — Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 4.
- Корш, 1909 — Ф. Е. Корш. О некоторых бытовых словах, заимствованных древними славянами из так называемых урало-алтайских языков. — «Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина». СПб., 1909.
- Мелиоранский, 1905 — П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности до монгольского времени. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4.
- Mi, FEL, 1888 — F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den sudost — und ost europäischen Sprachen, II Hälfte. Wien, 1888.
- Мусаев, 1975 — К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
- Огиенко, 1915 — И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
- Одинцов, 1974 — Г. Ф. Одинцов. Еще раз к этимологии слова *лошадь*. — «Этимология. 1972». М., 1974.
- Откупщиков, 1973 — Ю. В. Откупщиков. К истокам слова. М., 1973.
- Преображенский — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
- Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911.
- РЯШ — «Русский язык в школе».
- Севортян, ЭСТЯ, 1974 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Серебренников, 1971 — Б. А. Серебренников. Этимологические заметки. — «Этимология. 1968». М., 1971.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского словаря, т. I—III. СПб., 1793—1912.
- СРНГ — «Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина. Вып. I—X. М., 1965—1974.
- ССРЛЯ — «Словарь современного русского литературного языка», т. I—XVII. М.—Л., 1950—1965.
- Супрун, 1969 — А. Е. Супрун. Системность лексики и этимологии. — «Этимология. 1967». М., 1969.

- Трубачев, 1955* — О. Н. Трубачев. К этимологизации слова *собака*. — «Краткие сообщения института славяноведения». М., 1955.
- Трубачев, 1960* — О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. — «Этимологические исследования». М., 1960.
- Фасмер* — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I—IV. М., 1964—1973.
- Филин, 1962* — Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962.
- Шанский, I Б* — Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. М., 1965.
- Шанский, КрЭС, 1971* — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. — «Краткий этимологический словарь русского языка». М., 1971.
- Шипова, 1976* — Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Щербак, 1961* — А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных. — «История развития лексики тюркских языков». М., 1961.
- ЭССЯ* — «Этимологический словарь славянских языков». Вып. 1—3. М., 1974—1976.
- Юдахин, 1965* — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

бел. — белорусский,
вор. — воронежский,
далм. — далматинский,
дон. — донской,
и.-е. — индоевропейский,
ир. — иранский,
ирк. — иркутский,
кар. т — каранский, трокайский,
кбал. — карачаево-балкарский,
ком. — команский (куманский),
костр. — костромской,
кум. — кумыкский,

леб. — лебединский,
мар. — марийский,
ниж. — нижегородский,
оренб. — оренбургский,
саг. — сагайский,
словен. — словенский,
ср.-ир. — среднеиранский,
тар. — таранчинский,
тел. — телеутский,
твер. — тверской,
тул. — тульский.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

СКАЗАНИЕ «ЙИР ТЮШЛЮК» У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Сказание «Йир Тюшлюк» («Эр Тоштук», «Ер Тостік») относится к числу ярких образцов героико-эпических тюркоязычных произведений. Казахская версия этого эпоса неоднократно публиковалась: на казахском языке впервые В. В. Радловым¹, на русском — Г. Н. Потаниным и другими². Казахская версия представлена также и рядом современных публикаций³. Особенно примечательна, пожалуй, киргизская версия сказания, напечатанная и в сокращенном русском переводе⁴. Она целиком состоит из стихов и считается одним из древних выдающихся образцов так называемого киргизского малого эпоса, к которому обычно относят все эпические поэмы, кроме грандиозного «Манаса». Публикация и изучение киргизской версии сказания всегда привлекали пристальное внимание⁵.

Известна также татарская версия эпоса. Однако после публикации В. В. Радлова⁶ к ней уже никто не обращался⁷, если не считать попутных замечаний отдельных авторов при изучении других национальных вариантов. Именно эта, почти совершенно не изученная версия сказания и будет ниже нами рассмотрена.

Прежде чем приступить к анализу сюжета и образной системы сказания, попытаемся выяснить значение имени главного героя. Татарская и киргизская версии на этот вопрос, можно сказать, никакого света не проливают. Однако В. В. Радлов по этому поводу писал: «У тобольских татар... главный герой называется Йир Тюшлюк (подземный герой) и получил это прозвание за походы свои в подземном царстве...»⁸.

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, часть 3. СПб., 1870.

² Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. — «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 85—95; «Сибирские отголоски», 1906, № 5, стр. 94; А. В. Васильев. Образцы киргизской народной словесности, вып. I. Оренбург, 1898, стр. 3—6 и 53—58.

³ См.: «Казахские народные сказки», т. I. Алма-Ата, 1971, стр. 7—33.

⁴ «Эр Тоштук». Айтуучу С. Каралаев. Фрунзе, 1956; «Эр Тоштук». Перевод С. Сомовой. Фрунзе, 1958.

⁵ Историю собирания и изучения киргизской версии см.: Ж. Суванбеков. Кыргызы элинин баатырдык эпостору. Фрунзе, 1970.

⁶ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, часть 4. СПб., 1872, стр. 352—375.

⁷ По имеющимся у нас сведениям, несколько лет тому назад Ф. Ахметовой записан еще один вариант сказания. Он хранится в фольклорном фонде Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

⁸ В. В. Радлов. Образцы..., часть 4, стр. XIV.

Своеобразное истолкование происхождения имени героя дает казахская версия, связывающая его с мотивом чудесного рождения: «Вот встала однажды вечером старуха с постели, открыла сундук. Посмотрел Ерназар и увидел: висит на веревочке лошадиный тостик. Обрадовался старик и говорит:

— Свари его поскорее!

Сварила старуха тостик. Съели они его, насытились, окрепли. Через десять месяцев родила старуха сына. Назвали они его Тостиком»⁹.

Толкование В. В. Радлова представляет существенный интерес, так как оно связано с содержанием произведения в целом, с его общим героико-мифологическим настроем, а не только с одним, хотя бы и значительным, эпизодом. В то же время оба объяснения сходятся на том, что героем произведения является незаурядный богатырь.

В киргизской и казахской версиях приводится обширная предыстория рождения героя: описание его отца, исчезновения или ухода его восьми братьев, чудесного рождения богатыря и т. д. Татарская версия начинается с сообщения о том, что у некоего хана было семь сыновей-пастухов и среди них ничем не выделявшийся герой повествования (имя его не называется) — младший из братьев.

В отличие от киргизской и казахской, в татарской версии нет прямого упоминания о необычном рождении богатыря. Однако дальнейшее показывает, что этот мотив в произведении все же полностью не утрачивается: когда Йир Тюшлюк встречается с хищником и птицей и хочет убить их, те заявляют ему, что они уже знали о своей гибели от руки богатыря, ибо в момент рождения Йир Тюшлюка у них сломались лапки и ребра. Эти строки сказания перекликаются с некоторыми эпизодами былины «Волх Всеславьевич», которую обычно характеризуют как «редкую былинку на очень древний сюжет»¹⁰. В этой былине рассказывается о том, что при рождении богатыря-охотника все дикие звери и птицы попрытались:

Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы да лисичи по чашицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи да куницы по островам¹¹.

Однако о необычном рождении Йир Тюшлюка упоминается, как отмечалось, лишь где-то во второй половине сказания. В начальных эпизодах герой наделен прекрасными человеческими качествами: гуманностью, умом, выдержкой. Причем в начале сказания Йир Тюшлюк предстает гораздо более активным, нежели в последующих эпизодах. Именно он предлагает своим братьям сказать отцу о том, что наступила пора им всем жениться, и убедительно доказывает необходимость женитьбы на семи сестрах. По мнению героя, это сохранит прочную дружбу между братьями, ибо семь дочерей одного человека будут иметь много общего, а это предотвратит возникновение разногласий и раздоров между родными.

Далее повествуется о том, что отец выезжает на поиски невест, находит хана с семью дочерьми и договаривается с ним о времени свадьбы. Уезжающий на свадьбу отец должен оставить одного из сыновей присматривать за домом и хозяйством (заметим, что слово *хан* в фольклоре

⁹ «Казахские народные сказки», т. I, стр. 7.

¹⁰ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М.—Л., 1958, стр. 598.

¹¹ Там же, стр. 39.

сибирских татар приобретает условное значение: представление о хане в данном сказании, например, не связывается с понятием о верховном правителе. Об этом говорит хотя бы то, что, уезжая, отец Ир Тюшлюка оставляет ему не свою страну, не свой народ, а только свой дом).

Никто из старших сыновей не соглашается остаться дома. Один только Ир Тюшлюк не возражает против этого, что впервые выделяет его среди братьев, указывая на его незаурядность. Тут в действие вступает младшая дочь второго хана, обиженная на то, что она на свадьбе оказывается без жениха. В дальнейшем центр повествования во многом переносится на нее. Отправившись ночью к старухе-колдунье, она жалуется на свою судьбу. Старуха открывает ей, что ее жених — богатырь, ему для свершения подвигов необходимы богатырские конь и меч. Таким образом, заботу о богатырском коне и мече берет на себя невеста богатыря, что является отголоском матриархальных мифологических мотивов¹² и легенд об амазонках¹³.

Показателен диалог хана-отца и его младшей дочери по поводу приданого. Отец предлагает любимой дочери то же, что он отдал ее старшим сестрам. Однако дочь настаивает на том, чтобы ей дали коня Чалкуйрук, у которого под ребром хранится волшебный алмазный меч. Конь этот скрыт под семью пластами земли, что, кстати, перекликается с радловским толкованием имени богатыря — «подземный герой». При чем доставить этого коня может только женщина.

Напутствуя отца Ир Тюшлюка в обратный путь, хан предостерегает его, чтобы он не останавливался на ночлег в определенном, богатом травой месте, ибо это грозит ему несчастьем. Подобное предостережение является, несомненно, отголоском характерного для первобытнообщинного строя понятия табу¹⁴.

В эпизоде возвращения женихов с невестами обнаруживается еще один традиционный мотив: оказывается, весь скот хана последовал за Чалкуйруком. Чтобы вернуть скот, младшая дочь хана должна обернуться и посмотреть назад. Хан отправляется вслед за дочерью и, догнав ее, просит два раза обернуться. Дочь выполняет просьбу отца, и две трети его скота возвращается обратно.

Мотив следования за волшебным конем всего конного косяка встречается и в ряде других сказаний кочевых народов (например, в башкирских кубаирах).

Отец Ир Тюшлюка, забыв о сделанном ему предостережении, остановился на ночлег именно там, где этого нельзя было делать. Подобное нарушение табу приводит к драматическим последствиям. Оказавшись во власти дракона (*аждаха*), хан ради своего спасения предлагает в жертву всех своих спутников, в том числе и своего любимца Ир Тюшлюка. Так разоблачаются в сказании трусливость и коварство хана.

Этот эпизод показателен еще и тем, что в нем впервые появляется чрезвычайно популярный в домусульманской мифологии татар персонаж — *аждаха*. В позднейшем татарском фольклоре *аждаха* — это мифический змей-дракон, у которого по достижении ста лет появляются крылья, и он начинает летать¹⁵. Этот образ восходит к популярному образу древнеиранской демонологии, проникшему в священный свод зороастризма «Авесту» под именем Ажи-Дахака¹⁶. В иранской и средне-

¹² См.: Ж. Суванбеков. Героический эпос киргизского народа. — Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1970, стр. 15.

¹³ М. О. Косвен. Амазонки. История легенды. — «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 31.

¹⁴ См.: Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. I. М.—Л., 1931, стр. 225 и сл.

¹⁵ Н. Исәнбәт. Татар халык мәкалләре. 3-й том. Казан, 1967, стр. 968.

¹⁶ «Литература древнего Востока». М., 1971, стр. 118.

азиатской мифологии аждаха — аждархо принимает облик «исполинского дракона (иногда трехголового), достигающего в длину нескольких километров, с огнедышащей пастью, втягивающей в себя попавшего на пути человека...»¹⁷. Примерно таким же является аждаха и в рассматриваемом сказании, выступающий олицетворением злого духа.

Весьма своеобразно описание встречи Ыир Тюшлюка со змеем. Змей, как выясняется, поджидал богатыря не по своему желанию, а по требованию «змеиною падишаха». Если в казахской версии Ер-Тостик «проваливается» в подземное царство, спасаясь от старухи-колдуньи, а в киргизской — сражаясь с ведьмой, то в татарской версии сам змей уводит богатыря под землю.

В подземном дворце богатыря встречает царь змеев — Белый Змей. В татарском фольклоре царь животных, как правило, бывает белым (например, народные сказки — «Белый Волк», «Царь змеев Шахмара» и т. д.)¹⁸.

Белый Змей принуждает Ыир Тюшлюка жениться на своей дочери, обернувшейся прекрасной девушкой. Так, в произведении возникает традиционный мотив вторичной женитьбы богатыря в подземном царстве на сказочной представительнице мира животных. По этому поводу исследователь киргизского героического эпоса «Манас» Э. Абдылбаев пишет: «Эпические герои на первых этапах традиции героического сватовства побеждают злых мифических чудовищ... и женятся на дочерях мифических персонажей»¹⁹.

Испытание героя начинается после его женитьбы. Тесть богатыря — падишах змеев просит зятя построить отдельный дом, рядом — караван-сарай. Однако это сопряжено с преодолением различных препятствий и трудностей, с которыми герой успешно справляется при помощи безобразной старухи, напоминающей бабу-ягу русского фольклора.

И все же не это является настоящим испытанием богатыря. Царь змеев требует, чтобы Ыир Тюшлюк женился вторично, ибо одна жена не может управиться со всем хозяйством.

В татарской версии сказания речь идет о женитьбе на дочери падишаха Барса Кильмяс. В действительности же, по-видимому, имеется в виду падишах страны, носящей это название. Как известно, Барсакельмес — остров в Аральском море, название которого в переводе на русский язык означает «пойдет, не вернется». У народов Средней Азии, и прежде всего у казахов и киргизов, существует множество легенд и преданий об этом острове. Содержание их находится в полном соответствии с названием острова. По этому поводу в «Энциклопедическом лексиконе», изданном в первой половине XIX века, содержатся следующие сведения: «Азиатцы, особенно киргизы, рассказывают об ней (то есть о горе Барсакельмес на одноименном острове. — У. Ф.) много чудных анекдотов, и не смеют даже к ней приближаться, полагая, что на вершине ее живут шайтаны (черти)»²⁰. Далее в лексиконе приводится рассказ одного «очевидца, побывавшего на этой горе»: «На горе находится прекрасная долина, изобилующая разными ароматными цветами, травами и плодовыми деревьями; воды в источниках прозрачны, как стекло, и блестят, как серебряные ткани; все пространство наполнено пред-

¹⁷ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 30—31.

¹⁸ «Татар халык экиятләре», I китап. Төз. Г. Разин, Х. Ярми. Казан, 1946, стр. 35—60, 221—226.

¹⁹ Э. Абдылбаев. Об эволюционном развитии эпоса «Манас». — Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1968, стр. 10.

²⁰ «Энциклопедический лексикон», т. 6. СПб., 1836, стр. 35.

метаами неги и роскоши; удивительные красавицы, подобные райским гу-риям, поют, пляшут, манят к себе, и очаровательны, что поселяет особенное желание остаться с ними»²¹.

Этот поэтический отрывок напоминает широко распространенные легенды об островах амазонок. В «Одиссее» Гомера, например, рассказывается о том, как Цирцея предупреждает путников об ожидающей их опасности:

Прежде всего ты сирен повстречаешь, которые пением
Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.
Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,
Тот не вернется домой никогда²².

Исследователь киргизского эпоса Ж. Суванбеков отмечает, что в эпосе тюркоязычных народов Сибири и у алтайцев остров Барсакельмес изображается эпической страной, откуда нет возврата²³. Именно таким описан он в киргизской версии сказания: «Ненавистный подземный Див»²⁴ посылает Тоштюка «туда, откуда никто не возвращается»²⁵. Богатырь должен достать со дна озера котел, который «обладает чудесными качествами. По желанию хозяина в нем готовилась разнообразная пища»²⁶.

В татарской же версии данный мотив почти буквально совпадает с приведенной выше легендой из «Энциклопедического лексикона». Иир Тюшлюк должен ехать к падишаху Барса Кильмьас для того, чтобы жениться на его прекрасной дочери Кюнер-Сылу, находящейся на этом острове.

Если в киргизской версии героя отсылают, чтобы избавиться от него, то в татарской — мотивы отправления вполне оправданы.

Описание следования героя к падишаху Барса Кильмьас близко к аналогичным сюжетам в сказаниях и сказках многих тюркоязычных народов. Если в киргизской версии богатырь едет за дочерью подземного царя, великана Кек-Дёо, красавицей Кулайим и чудесным котлом, а в казахской — за дочерью Темир-хана для змеиного хана Баны, то в татарской версии Иир Тюшлюк едет добывать Кюнер-Сылу для самого себя.

По пути к падишаху Барса Кильмьас герой эпоса встречается с богатырями, готовыми прийти ему на помощь. В отличие от киргизской версии, по которой число этих богатырей составляет в соответствии с традициями восточного эпоса четыре человека, в казахском и татарском эпосе их шестеро. Каждый из этих богатырей демонстрирует свои способности и свое умение: один настигает дичь с привязанными к ногам мельничными жерновами, другой сталкивает горы, третий слушает землю, четвертый заглатывает всю воду одного озера и переливает ее в другое и т. д.

Аналогичные мотивы встречаются в ряде сказок и сказаний тюркоязычных народов.

Трудно сказать что-либо определенное о древних историко-этнографических основах появления таких «помощников» в фольклоре. Ж. Суванбеков считает, что они относятся к числу мифических персонажей произведения и переводит их название *Мамыты* как «сказочные люди»²⁷.

²¹ «Энциклопедический лексикон», т. 6. СПб., 1836, стр. 35.

²² Гомер. Одиссея. Перевод В. Вересаева. М., 1953, стр. 142.

²³ Ж. Суванбеков. Кыргыз элинин баатырдык эпостору, стр. 58—59.

²⁴ «Эр Тоштюк», Фрунзе, 1957, стр. 177.

²⁵ Ж. Суванбеков. Героический эпос киргизского народа, стр. 16.

²⁶ Там же, стр. 17.

²⁷ Там же.

Тем самым исследователь ставит их в один ряд с такими мифическими персонажами, как Кок-Дёо, Алыпкаракуш и др. Возможно, что первобытный человек, вступая в борьбу с таинственными для него грозными силами природы, искал себе союзников наряду с демоническими силами и среди обладающих особой силой и умением людей, наделяя их в своем воображении сверхъестественными способностями и могуществом.

Легче поддается объяснению вопрос о количестве встреченных героем богатырей. Эпическое число семь как в поэтическом творчестве тюркоязычных народов, так и во всем мировом фольклоре встречается достаточно часто. Восходит же оно, видимо, к одним и тем же древним представлениям. «Из глубокой древности ведет свое начало почитание числа 7 как священного. Тогда в основу календаря был положен лунный месяц. В течение лунного месяца — 28 дней — Луна прибывает и убывает, проходя при этом 4 фазы... Эти фазы Луны сменяются через каждые 7 дней, они положены в основу нашей семидневной недели. Наблюдая за сменой фаз Луны, древние приписали особое, священное значение числу 7»²⁸. Позднее оно проникло и в каноны ислама: «Согласно мусульманским представлениям, вселенная состоит из семи миров, а небо — из семи сфер»²⁹.

Прибыв к падишаху — отцу Кюнер-Сылу, богатыри подвергаются различным испытаниям. Успешно выдержав все эти испытания и преодолев многочисленные препятствия, Йир Тюшлюк расправляется с коварным падишахом при помощи его же алмазного топора и вместе со своими друзьями и Кюнер-Сылу отправляется в обратный путь.

Во всех этих эпизодах Кюнер-Сылу не отводится самостоятельной роли, совершенно ясно, что все симпатии ее на стороне отца.

Йир Тюшлюк привозит Кюнер-Сылу в дом к змею и становится затем сразу двух царей. Царь змеев выражает свою удовлетворенность и объясняет богатырю, что жители его города подвергались многочисленным бедствиям, на них нападал Алыпкаракуш, падишах Барса Кильмяс неоднократно предавал город огню и уводил людей в плен. Тогда к ним на помощь пришел сам господь бог; он превратил людей в змеев, и они укрылись под землей. Этими эпизодами и заканчиваются подвиги Йир Тюшлюка под землей. После освобождения страны от чудовищ падишах разрешает ему вернуться на родину.

Здесь следует отметить прогрессивную идею произведения: сам бог не смог окончательно избавить людей от диких чудовищ, а человек в лице могучего богатыря Йир Тюшлюка справился с этой трудной задачей.

В признании царя содержится глубокий смысл произведения, свидетельствующий о его высоком идейном настрое, ибо воспеваются подвиги богатыря, бесстрашно вступающего в борьбу со злыми силами природы за освобождение страны и народа от чудовищ. В рассматриваемых эпизодах древние мотивы, происхождение которых связано с первобытными воззрениями, явно переплетаются с отражением социальных мотивов более поздних исторических эпох.

Подвиги богатыря не являются самоцелью, они служат спасению страны и народа. К тому же Йир Тюшлюк героически защищает не свою страну, а чужой народ. В этом проявляется его бескорыстие и благородство, закономерное для сказочно-эпической традиции. Героическая борьба богатыря с мифическими чудовищами позволяет отнести этот эпос к героико-мифологическому, ибо, «не говоря уже о мифологической

²⁸ А. А. Нейхардт, И. А. Шилова. Семь чудес древнего мира. М.—Л., 1966, стр. 7.

²⁹ «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра». Туркменский романтический эпос. М., 1971, стр. 265.

мистификации народного прошлого, первобытный мифологический эпос пронизан пафосом борьбы с природой, и даже социальные отношения выступают в нем как отношения с природой»³⁰. Следует отметить, что социально-политические мотивы в этом сказании выступают на первый план, что объясняет бытование его в демократической среде нового времени.

На обратном пути Кюнер-Сылу была дважды похищена. Но богатырь быстро находил ее и освобождал. Более опасным оказалось традиционное для сказочно-мифологического эпоса третье похищение. Когда путники остановились на ночлег, Чалкуйрук предупредил богатыря, чтобы он не искал близости с Кюнер-Сылу, иначе с ним случится беда.

Здесь проявляется отголосок первобытного обычая, согласно которому существовал запрет на близость мужчины с женщиной при определенных обстоятельствах, например, перед трудным испытанием, во время занятий сельскохозяйственными работами, охотой и пр. Требования первобытной морали не допускали нарушения этого табу, на основе которого возникли различные легенды и предания. Нарушители табу подвергались суровому наказанию.

Отдаленный и опозитизированный отзвук подобного запрета в произведениях народного творчества претворился в традиционный сюжетный прием, широко используемый в эпическом жанре. С нарушением табу связаны последующие несчастья Йир Тюшлюка и Кюнер-Сылу, ибо, по древним представлениям, преступившие табу караются сверхъестественными силами³¹; Кюнер-Сылу и богатырь оказываются надолго разлученными друг с другом.

Сюжет развивается таким образом, что раскрывает возрастающую активность главного героя сказания и его незаурядные достоинства. Далее герой окончательно выступает на первый план, поступки его становятся все более решительными, и таким он остается до конца произведения.

Заключительный эпизод сказания типичен для традиций народного эпоса. По пути в свой город герой встречает старуху, пасущую скот. На вопрос богатыря, чей скот она пасет, старуха отвечает, что свой. Далее она сообщает, что муж ее умер, а детей у нее не было. Происходит традиционное узнавание богатыря его первой женой. Старуха называет имя своего мужа — Йир Тюшлюк, не веря, что перед ней стоит именно он. Тогда Йир Тюшлюк показывает ей алмазный меч Чалкуйрука, являющийся своеобразным талисманом.

В завершение сказания богатырь возвращается в свой город с тремя женами и занимает место своего отца.

Жена богатыря пасет скот — факт, характерный и для сказаний других народов, например, узбекской версии «Алпамыша». Он свидетельствует о глубоком патриархальном духе произведения и, несомненно, древней его основе. Об этом же свидетельствует борьба эпического героя с мифическими чудовищами, образы которых связаны с первобытным сознанием, и, хотя в произведении очевидны следы позднейших трансформаций, древнейшие его истоки явно обнаруживаются и без особого труда могут быть реконструированы.

На древность сказания указывают также весьма заметные следы матриархальных отношений; действия эпического героя, даже его судьба часто определяются женщинами: в этом плане интересен образ Кюнер-Сылу, этой своеобразной амазонки Востока. Богатырский конь и меч

³⁰ Е. М. Мелетинский. Народный эпос. — «Теория литературы», т. 2. М., 1964, стр. 53.

³¹ Л. Штернберг. Табу. — См.: Энциклопедический словарь, издателя Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXII. СПб., 1901, стр. 450—452.

Йир Тюшлюка добывает его невеста, перед каждым важным испытанием богатырь советуется со всезнающей старухой и т. д.

В этом эпосе широко представлены элементы фантастики: страшные чудовища, волшебные превращения, чудесное рождение и пр.

Таким образом, архаическая основа сказания весьма ощутима. Вместе с тем налицо и наслоения исторических реалий средневекового Востока (скажем, заметны следы влияния мусульманства, упоминается караван-сарай и т. д.), а также следы модернизации, связанные с условиями жизни более поздних эпох. Все это свидетельствует о том, что сказание бытует в народе в продолжении многих столетий и что его возникновение должно быть отнесено к отдаленному прошлому.

Данное сказание имеется в фольклоре ряда тюркских народов кыпчакской языковой группы. Очевидно, все национальные версии восходят к единому архаическому прототипу. Ибо, хотя чередование отдельных эпизодов, мотивировка тех или иных поступков героев в разных национальных версиях различны, главная идейная направленность, общее развитие действия, судьбы ведущих персонажей одинаковы или сходны. При этом можно считать установленным, что все национальные версии сказания относятся к героико-мифологическому или сказочно-мифологическому эпосу³². В. М. Жирмунский считал, что в широких хронологических рамках возникновение образа Йир Тюшлюка следует отнести к VI—XIV векам³³. Если взять нижнюю границу этих дат, то происхождение первоначального ядра сказания относится к домонгольскому периоду, ко второй половине первого тысячелетия нашей эры. Как известно, в этот период (то есть в VI—VIII веках) исторические судьбы предков многих тюркоязычных народов в составе тюркских каганатов были весьма сходны. Как раз в этот период и мог возникнуть архаический прототип сказания. Однако некоторые ученые склонны считать, что происхождение сказания, в частности его киргизской версии, относится к енисейскому периоду истории киргизского народа³⁴, ко времени существования раннефеодального государства енисейских киргизов. «Середина IX века была временем широкой экспансии киргизского кочевого государства — борьбы с китайцами и с соседними тюркскими племенами, в особенности с уйгурами, временем киргизского великодержавия (по выражению В. В. Бартольда)»³⁵. Как и ранее, в этот период киргизы поддерживали непосредственные тесные связи с тюркоязычными народами Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Ж. Суванбеков, посвятивший киргизской версии сказания специальные исследования, полагает, что «древний сюжет эпоса „Эр Тёштюк“ был широко известен не только енисейским киргизам, но и их соседям...»³⁶.

Изучение сюжетного состава сказания «Йир Тюшлюк» и, насколько это возможно, истории его возникновения и распространения дает основание предположить, что первоначальное ядро сказания сложилось, очевидно, в VI—X веках.

Говоря о поэтической форме этого эпоса, следует отметить, что его объемистая киргизская версия целиком состоит из стихов, причем по-

³² Ж. Суванбеков. Героический эпос киргизского народа, стр. 8; В. Сидельников. Народный сказочный эпос казахов. — «Казахские сказки», т. I. Алма-Ата, 1958, стр. XVIII.

³³ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас». — «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 166.

³⁴ Ж. Суванбеков. Кыргыз элинин баатырдык эпостору, стр. 49.

³⁵ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас», стр. 138; В. В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. Изд. 2. Фрунзе, 1943, стр. 248.

³⁶ Ж. Суванбеков. «Эр Тёштюк» — героический эпос киргизского народа. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1963, стр. 8.

идейно-художественному содержанию, по обилию сказочно-мифологических мотивов она очень близка народным сказкам. Именно поэтому В. М. Жирмунский совершенно обоснованно называет киргизский вариант «сказочной поэмой»³⁷. Что касается казахской версии, то она обычно публикуется вместе с волшебными сказками. Исходя из идейно-художественного содержания, ее, конечно, можно сблизить с народной сказкой, однако стихи и проза в ней перемежаются, а это типично для тюркоязычного эпоса. В связи с этим возникает сомнение, следует ли безоговорочно относить ее к волшебным сказкам?

В большинстве героико-эпических произведений казахского народа, например, в таких, как «Алпамыс-батыр», «Ер Таргын», «Камбар-батыр», стихи и проза чередуются. Полностью стихотворную форму имеют лишь отдельные варианты сказания «Кобланды-Батыр». Сказание «Ер Тостик», как нам кажется, может быть отнесено к героико-мифологическому эпосу. Казахская и киргизская версии приближаются скорее к жанру сказочной поэмы.

Татарская версия, сохранившаяся, видимо, в наиболее близкой к архаическому прототипу форме, тоже в какой-то мере соприкасается с богатырскими сказками.

Сам факт широкого распространения сказания среди различных тюркских народов свидетельствует о древности их культурных связей.

³⁷ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас», стр. 153.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

И. Н. ШЕРВАШИДЗЕ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

В языке тюркских рунических надписей выделяются два вида аналитических глаголов: 1) сочетание имени и глагола (сложноотыменные) и 2) сочетание деепричастной формы глагола и глагола-модификатора (сложновербальные).

В сложноотыменной группе в качестве второго компонента выступают глаголы *bol-* 'становиться' и *qul-* 'делать'. Посредством *bol-* образуются непереходные глаголы, а посредством *qul-* — переходные. Однако остается не совсем ясным, правомочно ли считать компонентом сложноотыменных образований глагол *äg-* 'быть, являться', выделенный, например, Т. Текином и в этой функции¹.

Примеры с компонентом *bol-*:

qayap bol- 'становиться каганом': *anta käsrä inisi qayap bolmyš* КТ₆₄₋₅ 'после этого каганами стали их младшие братья';

qullyu bol- 'стать рабовладельцем': *ol ödkä qul qullyu bolty* КТ₂₁ 'в то время рабы стали рабовладельцами';

jayu bol- 'становиться врагом': *täŋri jārbulyaqyn ücün jayu bolty* КТ₄₄ 'так как Небо и Земля пришли в смятение, он стал [нам] врагом'²;

qary bol- 'стареть, становиться старым': *özim qary boldum* Тон₅₆ 'сам я состарился'.

Глагол *bol-* может взаимодействовать не только с ординарным именем, но и с двумя именами, выступающими в качестве парного слова:

kün qul bol- 'становиться рабынями и рабами': *qayapn ölti boduny kün qul bolty* КТ₂₀ 'каган умер, а народ его стал рабынями и рабами'³.

Глагол *bol-* может образовывать сложные глаголы как от субстантивов (*qayap*) и адъективов (*qary*), так и от форм, где трудно отделить субстантивность от адъективности (*qullyu*, *jayu*). Вместе с тем нет ни одного факта, позволяющего усматривать разрыв границы между сочетанием *R+bol-*⁴.

Примеры с компонентом *qul-*:

baz qul- 'усмирить, замирить': *qor baz qulmyš* КТ₆₂ 'принудил всех к миру';

baj qul- 'сделать богатым': *čuyaj boduny baj qylytm* КТ₁₀ 'неимущий народ я сделал богатым';

¹ Т. Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968 (Uralic and Altaic Series, vol. 69), стр. 193.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, стр. 42.

³ Там же, стр. 39.

⁴ R — символ именной основы.

bulun qyl- 'захватить в плен': *oylyñ kišisin bulun q[1+y] [ty] KЧ₅* 'его сыновей, его жен он пленил'⁵.

Приведенные примеры с конструкцией **R+qyl-** показывают, что во всех случаях граница между именем и глаголом весьма условна, то есть обладает той же характеристикой, что и сочетание **R+bol-**.

По мнению большинства исследователей, в частности и Т. Текина, фонетическим вариантом **qyl-** является форма **qys-** (<**quš-** ~ **qyl-**)⁶. В основе такого подхода лежит принцип ламбдаизма — соответствия **š ~ l**. Ср.: *özim-ök qaḡap qysdym Ton₆* 'я сам принудил [его статью] каганом'; *üçägün qabyşur sülälüm any joq qysalym Ton₂₁* 'объединившись втроем, отправимся в поход и уничтожим его'; *ol süg anta joq quşdymyz KТ₃₂* 'то войско мы там уничтожили'.

Обращает на себя внимание параллелизм ряда форм, ср.:

joq bol- БК₃₆ — **joq qys-** Ton₁₁ ~ **joq quš-** БК₂₅;

qaḡap bol- КТ₆₅ — **qaḡap qys-** Ton₆;

qyl bol- КТ₆₇ — **qul qyl-** (БК В₂₀)⁸.

Выше уже говорилось, что в подобных словосочетаниях отмечается нерасторжимое единство глагольного и именного компонентов — между ними, как правило, не вставляется какой-либо другой элемент, за исключением энклитической *tu*, ср.: *qaḡap tu qysajyn tädim Ton₅* '[не] каганом ли [мне его] пожелать, говорил я [в сердце своем]'.

Примеры с глаголом **är-**:

ötükän jyşda idi joq ärmiş KТ₄ 'в Отукэнской черни не было хорошего хозяина'; *bilgä qaḡap ärmiş alp qaḡap ärmiş KТ₆₃* 'они были мудрыми каганами, они были мужественными каганами'; *quḡqyz quḡuḡap otuz tatar qytaj tataby qor jaḡu ärmiş KТ₁₄* 'кыргызы, курыканы, отуз-татары, кидане, татабы — все были [ему] врагами'; *jaḡmyşy bän ärtim Ton₅* 'я был его приближенным (?)'⁹.

В этих словосочетаниях стык между именем и глаголом **är-** существует вполне реально, и, как видно на примере *jaḡmyşy bän ärtim*, возможна инверсия с разрывом связи между именем (*jaḡmyşy*) и глаголом (*ärtim*). Такое положение наводит на мысль, что закономерно рассматривать глагол **är-** в сочетании с именами типа *qaḡap*, *jaḡu* и т. д. не в качестве компонента сложноотыменного образования, а как обыкновенный глагол-связку.

В сложновербальной группе, как отмечалось, в качестве первого компонента выступает деепричастная форма семантически основного глагола, модифицируемая вторым компонентом — глаголом-модификатором. Этот вид аналитических глаголов под различными названиями встречается в разных группах агглютинативных языков. С точки зрения состава глаголов-модификаторов, их семантики и круга выражаемых значений наблюдается близость между языками финно-угорской, тюркской, монгольской, дравидийской групп, а также корейским, японским и

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 28.

⁶ Т. Текин. Указ. раб., стр. 119.

⁷ См.: N. Poppe. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 76; А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 163.

⁸ См.: Т. Текин. Указ. раб., стр. 119.

⁹ Ср.: E. Denisson Ross. The Tonyukuk Inscriptions. — «Bulletin of the School of Oriental Studies», VI. London, 1930—1932, стр. 38; ср. перевод А. Н. Кононова: «Среди приставших [к Шаду] был я ...» (А. Н. Кононов. Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкука (VIII в.). — В кн.: «Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского». Л., 1973, стр. 97).

некоторыми иранскими языками¹⁰. По своей функциональной значимости система модифицирующих глаголов соответствует системе глагольных предлогов в индоевропейских языках; ср. **выбегать, забегать, набегать, убегать, вбегать, избегать, отбегать, добегать, сбегать** и т. д.

В текстах надписей глаголы-модификаторы сочетаются с деепричастной формой предшествующего глагола на **-a, -ā, -u, -ū/(j)u, -i, -y, -ip**:

-a : uča bar-	КТ ₁₆ 'умирать (букв. улетать)';
-ā : sūrā ält-	КТ ₂₃ 'погнать';
-u : joqadu bar-	КТ ₆₁₀ 'исчезать, погибать';
-ū : äšidū bār-	Тон ₁₅ 'выслушать';
-(j)u : jayylaju bār-	ИА ₂₂ 'оплакивать (кого-нибудь)' ¹¹ ;
-i : äti bār-	КТ ₆₁ 'устраивать';
-y : učyyny yd-	О ₂ 'потерять';
-ip : täzip bar-	КТ ₃₄ 'убегать'.

В языке орхоно-енисейских надписей в дополнительной, то есть и в модифицирующей функции, выступают следующие глаголы: ält- 'тянуть, вести, уводить'; bar- 'идти, отправляться'; bār- 'давать'; yd- 'посылать'; joγu- 'ходить'; käl- 'приходить'; köγ- 'видеть, смотреть'; oluγ- 'оседать, селиться'; qal- 'оставаться'; u- 'мочь, быть в состоянии'.

Число этих глаголов на четыре единицы меньше, чем общее количество дескриптивных глаголов, приводимых А. фон Габэн¹². В. Г. Кондратьев в своем очерке грамматики рассматриваемых памятников приводит семь модифицирующих глаголов¹³, К. Брокельман в языке раннесульманской литературы — семнадцать¹⁴, Н. К. Дмитриев в современном башкирском языке — восемнадцать¹⁵, а А. Н. Кононов в современном узбекском — девятнадцать глаголов-модификаторов¹⁶.

С точки зрения количественного состава очевидна эволюция в сторону увеличения набора глагольных единиц, хотя в основе своей инвентарь рассматриваемых глаголов стадии языка рунических надписей не претерпел радикальных изменений. С точки зрения же качественного состава любопытна дальнейшая дифференциация их семантики. Ф. А. Ганиев приводит таблицу модифицирующих глаголов по пяти современным тюркским языкам: узбекскому, каракалпакскому, казахскому, башкирскому и татарскому¹⁷. По всем этим языкам (в каракалпакском по этой таблице насчитывается тридцать, а в татарском — двадцать шесть подобных глаголов) проходит всего лишь одиннадцать глаголов, из которых, если иметь в виду и Селенгинский камень, только четыре встречаются в рунологических текстах, а именно al-, bar-, bār-, käl-.

Примеры:

ält- выражает интенсивность действия: sönüglic qantyn kälipän sügä ältdi КТ₂₃ 'откуда пришли копыеносцы и погнали [тебя]?';

bar- выражает начало действия: türk bodun aty joq bolu barmyş ärti О₃ 'слава (букв. имя) тюркского народа стала меркнуть (исчезать)';

¹⁰ См.: Д. М. Насилов. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 371.

¹¹ Ср.: Н. Н. Оркун. Eski türk yazıtları, II. Istanbul, 1938, стр. 123.

¹² A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974, стр. 131 и сл.

¹³ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 46 и сл.

¹⁴ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 321 и сл.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 195 и сл.

¹⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 264 и сл.

¹⁷ Ф. А. Ганиев. К вопросу о сложном глаголообразовании в тюркских и монгольских языках. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков», стр. 380.

uluy irkin az-qyja ärin täzip bardy КТ₃₄ 'великий иркин бежал с немногими мужами';

bär- выражает направленность действия в пользу другого лица: kök täjiniñ türkämä bodunyma qazıanı bärtim äti bärtim БК С₅ 'их голубых белок я добыл для моих тюрков, для моего народа [и все] устроил [им]';

yd- выражает интенсивность действия: qayınladıq qayınun uşuynı ydmıš О₂ 'правившего своего кагана он потерял';

jory- выражает продолжительность действия: kögmän jyşy toya joryp qurgyz bodunuy uda basdymyz КТ₃₅ 'поднявшись на Кёгменскую чернь, мы напали на кыргызов, [выбрав момент] когда они спали';

käl- выражает направленность действия: uş oğuz süsi basa kälti jadağ jabyz bolty täp alıaly kälti БК₃₂ 'войско уч-огузов напало [на нас], пришло [нас] пленить, полагая, [что мы] стали без коней (букв. пешие) и ослабли';

kör- выражает попытку совершить действие: qayın jälü kör tämiš Тон₂₆ 'каган: «Старайтесь скакать быстрее» — сказал'¹⁸.

olur- выражает продолжительность действия: türk bilgä qayın türk sir bodunuy oğuz bodunuy igidü olugur Тон₆₂ 'тюркский Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров';

qal- выражает завершенность действия: tirigi küñ boltaçy ärti ölügi jurtıda jolta jatu qaltaçy ärtigiz КТ₄₉ 'живые из вас стали бы рабынями, а мертвые остались бы лежать в стойбищах и на дорогах';

u- выражает возможность или невозможность совершения действия: türk bodun äliniñ törüniñ kim artaty [udaçy ärti] КТ₂₂ 'тюркский народ, кто мог уничтожить власть твою!'; uş oylanıymın ulıa[d]ıtuı umadym-a Е₅₉ 'я не смог вырастить трех сыновей'.

Как уже отмечалось, в рунической надписи в честь уйгурского кагана в модифицирующей функции выступает еще и глагол *al-* 'брать', ср.:

al- выражает интенсивность действия: toquz oğuz bodunıymın tärü qıbraty altım БЧ₅ 'я собрал свой народ девяти огузов'.

Вышеприведенные примеры позволяют считать, что круг значений, конкретизируемых глаголами-модификаторами, связан с характеристикой действия с точки зрения интенсивности его протекания, направленности, регулярности или способности к его реализации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БК В	— памятник Бильге-кагану, восточная сторона.
БК С	— памятник Бильге-кагану, северная сторона.
БЧ	— памятник Боян-чору.
Е	— Енисейский памятник.
ИА	— памятник из местности Ихэ-Асхете.
КТ	— памятник в честь Кюль-Тегина.
КТм	— памятник в честь Кюль-Тегина, «малая» надпись.
КТб	— памятник в честь Кюль-Тегина, «большая» надпись.
КЧ	— памятник Кюли-чору.
О	— Овгинский памятник.
Тон.	— памятник в честь Тонъюкука.

¹⁸ См.: И. В. Кормушин, Д. М. Насилов. За научное, глубокое изучение древне-тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 142.

К. Т. РАМАЗАНОВ

ПАРНЫЕ СЛОВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

(НАИМЕНОВАНИЯ РОДОВ ЗАНЯТИИ, ПРОФЕССИИ, СОЦИАЛЬНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ И Т. П.)

Некоторые парные слова, употребляющиеся в тюркских языках юго-западной группы, представляют сочетания названий различных ремесел, профессий, специальностей, званий и титулов*. В зависимости от характера занятий такие парные слова можно разделить на следующие группы:

1. Парные слова, состоящие из названий ремесел и профессий

Здесь первый компонент обозначает ведущий род деятельности, либо более высокую квалификацию по сравнению со вторым компонентом, например: *чопан-чолук* || *чобан-чолуг* 'пастух-подпасок', *çovan çirak* 'пастух-ученик (ремесленника)', *бәнна-фәһлә* 'каменщик-рабочий', *фәһлә-кәндли* || *ишчи-кәндли* 'рабочий-крестьянин', *ишчи-гуллуҗу* 'рабочий-служащий', *ишчи-колхозчы* 'рабочий-колхозник', *ишчи-дайхан* 'рабочий-крестьянин', *дайхан-батрак* 'крестьянин-батрак', *дайхан-дешидиван*¹ 'крестьянин-сторож (посевов и лугов)', *экинчи-бичинчи* 'пахарь-жнец', *гаҗыгчы-балыгчы* 'лодочник-рыбак', *чарва-чомур*² 'номад-оседлый', *пир-устат* 'пир³-мастер', *уста-фәһлә* || *usta atele* 'мастер-рабочий', *уста-шакирд* 'мастер-ученик', *пир-шагирт* 'пир-ученик', *мүәллим-шакирд* 'учитель-

* О парных словах смотрите следующие работы автора: К. Т. Рамазанов, Гоһумлуг билдирән гоша сөзләр. — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы», 1970, № 3, стр. 51—59; *его же*. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия животных, птиц и насекомых). — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 101—112; *его же*. Чәнуб-гәрб групна дахил олан түрк дилләриндә алат, кејим, ев шејләри, гаш-даш адларындан ибарәт гоша сөзләр. — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы», 1973, № 1, стр. 61—71; *его же*. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия частей, органов и волосяного покрова тела). — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1974, № 1, стр. 60—71; *его же*. Түрк дилләринин чәнуб-гәрб групнада гоша сөзләр (јемәк-ичмәк адлары). — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы», 1974, № 2, стр. 51—60; *его же*. Түрк дилләринин чәнуб-гәрб групнада синонимләрдән дүзәлән гоша сөзләр. — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы», 1976, № 2, стр. 54—69; *его же*. Парные слова, обозначающие отрезки времени в юго-западной группе тюркских языков. — «Тезисы докладов республиканской научной конференции на тему: „Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии“». Баку, 1976, стр. 73—74; *его же*. Түрк дилләринин чәнуб-гәрб групнада гоша сөзләр (релјеф формалары, мәкан, сәмт вә чәһәт билдирән адлар). — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт сәријасы», 1977, № 4, стр. 64—74.

¹ *Дәштбан* (50, стр. 220) — караульщик посева.

² В современном туркменском языке употребляется в форме *чомры* (78, стр. 736).

³ *Пир* (50, стр. 99) — старец.

ученик', *мугаллым-тербисчи* 'учитель-воспитатель', *нер⁴-пэливан* 'силач (сильный, как верблюд)-борец', *шахыр-багшы* 'поэт-певец', *багшы-пэливан* 'певец-борец', *сазанда-гёенде⁵* 'музыкант-певец', *сурнайчы-кернейчи* 'зурнач-карнаист (карнай — музыкальный инструмент)', *çalgısı çingene* 'музыкант-танцовщик (цыган)', *атчынас⁶-сейис* 'старший конюх-конюх (готовящий лошадей к скачкам)', *катиб-каркузар* 'секретарь-делопроизводитель', *фелдшер-мама* 'фельдшер-акушерка', *профессор-һаким* 'профессор-доктор (врач)', *һаким-тэбиб* 'доктор-врач (медик)', *һаким-дэрман* 'доктор-лекарство', *суд-силистчи* 'судья-следователь' и т. д.

Определенную роль в упорядочении компонентов в составе парных слов рассматриваемой группы играл также принцип временной последовательности. Это подтверждают такие парные слова, как азерб. *экинчи-бичинчи* 'пахарь-жнец', *һаким-дэрман* 'доктор-лекарство', туркм. *чарвачомур* 'номад-оседлый'.

Парное слово *сурнайчы-кернейчи* упорядочено в соответствии с исходным парным словом *сурнай-керней* (55, стр. 61).

В азербайджанском языке парное слово *кэндли-фәһлә* сложилось также соответственно принципу исторической последовательности (*кэндли* 'крестьянин' — период феодализма, *фәһлә* 'рабочий' — период капитализма) [«Молла Нәсрәддин» журналындан *кэндли-фәһлә* мәсələси душмәјирди (7, стр. 107) 'Со страниц журнала «Молла-Насреддин» не сходил крестьянско-рабочий вопрос']. В настоящее время это парное слово в связи с известными изменениями исторических условий трансформировалось в *фәһлә-кэндли*.

Выражение «рабоче-крестьянская власть» в литературный обиход ввел В. И. Ленин. В дальнейшем это выражение вошло в языки многих народов, в том числе и тюркские; например: *фәһлә-кэндли* һакимијјәт (64, стр. 429), *ишчи-дайхан* һакимияти (68, стр. 612), *ишчи-деққон* хокимияти (69, стр. 688), *ишчи-дихан* һакимийити (70, стр. 1068), *ишче-крестьян* һөкүмәте (67, стр. 341), *ишсе-крәстиәндәр* власе (65, стр. 691), *жұмысшы-шаруа* өкіметі (66, стр. 650), *үләһит-бааһынай* былзаһа (71, стр. 518).

В данном случае изменение порядка компонентов парного слова *кэндли-фәһлә* и преобразование этого словосочетания в *фәһлә-кэндли* связано с той ведущей ролью, которую в изменившихся исторических условиях стал играть рабочий класс.

Примеры:

«*Чопан-чолуклар* көп генешип, ахыры бир нетижә гелйәрлер» (76, стр. 42) 'Пастухи-подпаски долго советовались, прежде чем пришли к заключению'; «*Вәзир, чобан-чолуг* мәчлисидир бү?» (14, стр. 23) 'Взгляни, что это: сборище пастухов-подпасков?'; «*Olasaksın çoban çırak*» (11, стр. 27) 'Будешь пастухом-учеником'; «*Çejlun бәнна-фәһлә* кәтирдиб һәјәтин дөрд тәрәфинә дивар чәкдир» (73, стр. 37) 'Джейхун привел каменщиков-рабочих, чтобы обнести двор с четырех сторон забором'; «*Јашасын фәһлә-кэндли* һөкүмәти!» (48, стр. 384) 'Да здравствует власть рабочих-крестьян'; «*Инди тәзә һөкүмәт кәзләнир, зәһмәткешләр һөкүмәти, ишчи-кэндли* һөкүмәти!» (80, стр. 458) 'Теперь ожидается (приход) новой власти, власти трудящихся, власти рабочих-крестьян!'; «*Чадраны*

⁴ *Нер* — порода сильных верблюдов (78, стр. 472), переносное значение «герой, сильный» (27, стр. 472).

⁵ *Гёенде* (83, стр. 152) — певец, сказитель.

⁶ *Атчынас* — специалист по копеководству. Информацию об этом слове любезно сообщил автору секретарь правления Союза писателей Туркменистана А. Назаров, которому мы выражаем свою благодарность.

атмаг — ... шура идарэлэриндә *ишчи-гуллуғчу* сифәтилә иштирак етмәк демәкдир» (38, стр. 4) 'Сбросить чадру — это значит... участвовать в качестве рабочей-служащей в (работе) советских учреждений; «*Ишчи-колхозчы* ... ишлейәр зарппы хер иште» (32, стр. 125) 'Рабочие-колхозники везде ударно работают'; «Яшасын *ишчи-дайхан* хөкүмети!» (35, стр. 436) 'Да здравствует власть рабочих-крестьян!'; «Ишчилериң гарып *дайхан-батракларың* арасында революцион ишлери алып баржагыңыз айна-ня» (19, стр. 409) 'Верьте, что рабочие будут вести революционную работу среди бедных крестьян-батраков'; «Обада *дайхан-дешидиванлардан* адам болуп, ики арада ган гөрнәймесин» (19, стр. 63) 'Пусть в селе крестьяне-сторожа (посевов и лугов) будут настоящими людьми (и) между ними не будет ссор (*досл.* крови)'; «*О, әкинчи-бичинчи*, малдар иди» (61, стр. 17) 'Он был пахарем-жнецом, скотоводом'; «Өзү дә бу дам-тәпәчик кома ... *гайыгчы-балыгчы* дам-дәјәси кими дүзәлдилмишди» (61, стр. 361) 'Эта маленькая избушка ... была построена в виде шалаша лодочника-рыбака'; «Талап *чарва-чомурлары*, душ гелене сөгүп йөрлер» (79, стр. 88) 'Работающие по найму номады-оседлые сквернословят в адрес встречаемых'; «*Пир-устатдан* таглым алмаган устат өз ишинден өзге иши бегенмез» (42, стр. 44) 'Мастер, не прошедший школы пира-мастера (то есть у него не было хорошего наставника), не ценит ничьей работы, кроме собственной'; «Инди, гардаш, сәнин евинин гануни тахта-шалбаны да, *уста-фәһләси* дә көрәсән белә евләрдән һансы биринә кедиб» (18, стр. 49) 'Теперь, брат, и законные лесоматериалы для твоего дома и (сами) мастера-рабочие ушли на (строительство) какого-то (другого) дома'; «*Kız usta amele getirip öyle bir saray yaptı ki heç görilmemiş*» (12, стр. 229) 'Девушка, пригласив мастеров-рабочих, построила невиданный дворец'; «*Уста-шакирд* давасы гәдим давадыр» (59, стр. 269) 'Раздор мастера-ученика (имеется в виду: между мастером и учеником) — древний раздор'; «... бизиң, билен узакдан *пир-шәгирт* болжак болсаң гаты әдепли болмагың герек» (17, стр. 489) 'если хочешь быть с нами, как пир-ученик (то есть как ученик с учителем), ты должен быть хорошо воспитан'; «*Мүәллим-шакирд* бир-биринә дәјир» (60, стр. 169) 'Учитель-ученик — все смешалось'; «Харп танамаян адамнан *мугаллим-тербиечи* болармы?» (16, стр. 212) 'Может ли быть учителем-воспитателем человек, не знающий букв?'; «Хабып хожа *нер-пәливан*, гал имди» (72, стр. 130) 'Друг, ходжа, будь силачом-борцом'; «Хасан ханың янында *шахыр-багшысы* барды» (17, стр. 351) 'У Хасан-хана был поэт-певец'; «Олар улы тоюң болмалы гүнүни, *багшы-пәлванлара* тутулмалы байракларың мукдарыны белледилер» (74, стр. 206) 'Они определили день большой свадьбы, количество знамен для певцов-борцов'; «Диярбекир-ниң улы-кичи *сазанда-гөендеси* жем болуп, Шасенемниң көшгүниң төверегине йыгнанды» (85, стр. 152) 'Большие-малые (все) музыканты-певцы Диярбекира собрались вокруг дворца Шасенем'; «... *сурнайчы-кернейчи...*» (17, стр. 176) 'зурнач-карнаист (карнай — музыкальный инструмент)'; «*Yalnız, onda şehirden çalgısı cingeneler vardı*» (56, стр. 166) 'Только у него были музыканты-танцовщики из города'; «Ат чапыл-ян айлавың ортасындакы гың мейданда хер колхозың *атчынас-сейиси* өзлери үчин чадыр гурап, гош тутупды» (16, стр. 182) 'На обширной территории в центре ипподрома старший конюх-конюх (готовящий лошадей к скачкам) поставил для себя палатку, обосновавшись там'; «... *катиб-каркузар* тәрәфиндән әсәби гәләмлә бу „ачыначаглы“ мә'луматлар јазылмышдыр» (61, стр. 155) 'Эти «прискорбные» записи были сделаны нервным пером секретаря-делопроизводителя'; «Бәс сән... *фелд-шер-мама* мәнтәгәсинә мұрачиәт едән хәстәләрин јериндә олсан нејләрсән?» (37, стр. 3) 'А что бы ты делал, оказавшись на месте больных,

нуждающихся в помощи фельдшерско-акушерского пункта (досл.: пункта фельдшера-акушерки)»; «Профессор-*һәким* һеј'әти бурада елми-тәдгигат ишләри апарыр» (39, стр. 4) 'Профессорско-докторский (врачебный) состав (досл.: профессора-доктора) проводит здесь научно-исследовательские работы'; «Дүңјада нә гәдәр *һәким-тәбиб* варыјды, һамысы кәлиб бахмышды» (3, стр. 118) 'Сколько не было на свете докторов-врачей, все они осмотрели (больного)'; «Һансы *һәким-дәрман* Пиргулу Худагулу оғлунун... һолаварыны бу Шаһгулудан узаглашдыра биләрди?» (63, стр. 53) 'Какие доктор-лекарства смогут избавить Шахгулу от песен Пиргулу Худагулу оглы'; «Кәндчидир дә, ај Ханым бачы, елә билир ки, бәс биз дә *суд-силестчи* кими бир шејик» (58, стр. 381) 'Она ведь деревенская, Ханым-баджи, и думает, что мы тоже являемся чем-то вроде судьи-следователя'.

2. Парные слова, состоящие из обозначений чинов и званий

Парные слова данной группы связаны с общественно-политическими категориями соответствующей исторической эпохи. Они обозначают чины, звания и титулы представителей господствовавших классов и духовенства. Первый компонент таких парных слов выражает более высокое звание или титул, нежели второй; например: *солтан-хан* 'султан-хан', *патыша-хан* 'падишах-хан', *патыша-геда* 'падишах-ниций', *ша-геда* 'шах-ниций', *ша-везир* 'шах-визирь' *везир-векил* || *вәзир-вәкил* 'визирь-векил', *vezir-âlişan* 'визирь-знать', *наиб-назир* 'наместник-министр', *наиб-нөкәр* 'стражник-прислужник', *аға-нөкәр* 'господин-слуга', *ә'јан-әш-рәф* 'аристократ-знать', *задәкан-бүзүркүвар* 'аристократ-знать', *хан-сердар* 'хан-предводитель', *хан-бег* || *хан-бәј* 'хан-бек', *мүлкәдар-бәј* 'помещик-бек', *аға-бег* 'господин-бек', *бәј-рәијјәт* 'бек-крестьянин', *пристав-јасавул* 'пристав-есаул', *јасавул-гаравул* 'есаул-караул', *әнбия⁷-өвлүйә⁸* 'пророки-предводители', *казы-пир* 'кадий-пир', *казы-муфти* 'кадий-муфтий', *казы-келан⁹* 'кадий-старец', *казы-ишан¹⁰* 'кадий-ишан', *ишан-хожа* 'ишан-ходжа', *ишан-ахун* 'ишан-ахун (духовное лицо)'; *ишан-молла* 'ишан-мулла', *ахунд-молла* 'ахунд-мулла', *хожа-ших* 'ходжа-шейх (духовный наставник)'; *сејјид-молла* 'сейид (потомок пророка Магомета)-мулла', *һачы-мәшәди* 'хаджи (мусульманин, совершивший паломничество в Мекку)-мешади (паломник, посетивший гробницу имама Реза в Мешхеде)'; *мәшәди-кәрбәләјы* 'мешади-кербалаи (паломник, посетивший город Кербелу)' и т. д.

Если парные слова, обозначающие названия профессий, продолжают образовываться и в настоящее время (*атчынас-сейис*, *катиб-каркүзар*, *фелдшер-мама*, *суд-силестчи*), то число парных слов, представляющих сочетания названий прежних чинов и титулов, не увеличивается. Такие парные слова, как *ша-везир*, *везир-векил* || *вәзир-вәкил*, *хан-бег* || *хан-бәј*, *пристав-јасавул*, *әнбия-өвлүйә*, *ишан-молла*, *ахунд-молла* и другие, возникшие в дореволюционном обществе, в современных тюркских языках перешли в пассивный лексический фонд, причем круг их употребления продолжает суживаться.

Отметим, что в парных словах *падыша-геда*, *ша-геда*, *наиб-нөкәр*, *бәј-рәијјәт* вторые компоненты не являются титулами или званиями. Первые и вторые их компоненты обозначают различных представителей соответственно угнетающего и угнетенного классов.

⁷ (50, стр. 41).

⁸ (27, стр. 490).

⁹ Слово *келан* употребляется в значении «старший || старше» (22, стр. 164).

¹⁰ *Ишан* — духовный наставник общины верующих (78, стр. 365).

Примеры:

«Багшы илинде Гажарбай барча илиң... *солтан-ханыдыр*» (47, стр. 144) 'Среди певцов Гаджарбай является всеми признанным султаном-ханом'; «Гүмини чекип-де *патыша-ханлаң*» (51, стр. 169) 'Вышвырнул падишаха-хана'; «Анын яныда *патыша-геда* бир турур» (83, стр. 91) 'Для него падишах-нищий (в смысле: падишах и нищий) одинаковы'; «*Ша-геда* ёк тапавут» (47, стр. 103) 'Между шахом-нищим (в смысле: шахом и нищим) нет разницы'; «Араңызда бир сөз бардыр, *ша-везире* эшигәрди» (47, стр. 215) 'Между вами был разговор, (он) известен шаху-визирю'; «*Везир-векиллерниң* гөзүни оюң» (17, стр. 261) 'Выколи-те глаза визирям-векилям (то есть придворной знати)'; «Јох, биз пад-шаһын да, *вәзир-вәкилин* дә зиддинәјик!» (56, стр. 422) 'Нет, мы против и падишаха, и визиря-векиля (придворной знати)'; «*Başlandı askerler cem'edilmeğe vezir âlişanlar bir bir gelmeğe*» (29, стр. 111) 'Начали собираться воины, по одному приходит визири-знать'; «Ә'лаһәзрәт... *ә'јан-әшрәф*, *наиб-назир* билмәсин дејә боғулурду» (61, стр. 255) 'Его величество опасалось, что (об этом) узнают аристократия-знать, наместник-министр'; «Ди дурма, *наиб-нөкәрләри*, әмнијјәләри јығ, кет бары мал-әмлақыны кәтир» (25, стр. 61) 'Не жди, собери стражников-прислужников, полицейских, пойди хотя бы привези его имущество'; «Бу, һарада, биринчи нөвбәдә һансы *задәкан-бүзүркүварын* аличәнаб илтифаты-мәр-һәмәти сәјәсиндә бизә гисмәт ола биләр?!» (61, стр. 147) 'Где, за счет благородной щедрости какого аристократа-знатного (человека) это может нам удасться прежде всего'; «Түркмен *хан-сердарлары* элтен халат-серпайларыны патыша берипдирлер» (20, стр. 118) 'Туркменские ханы-предводители поднесли дары (одежду) падишаху'; «Эмма велин, эзижи сынпың векиллери болан *хан-беглериң*, *ишан-моллаларың*, *казы-пирле-риң* боланлығыны инкәр этмек болмаз» (77, стр. 19) 'Но нельзя отрицать существование представителей угнетающего класса — ханов-беков, духовников-мулл, кадиев-пиров'; «*Хан-бәј* илә диз-дизә отурур» (57, стр. 8) 'Он сидит рядом (*досл.* колено к колену) с ханом-беком'; «*Мүлкәдар-бәјләрин...* һаггында башга фикирләр вар» (80, стр. 458) 'Есть иные соображения относительно помещиков-беков'; «Чандыбилде, *ага-бегим*, нәме болды?» (17, стр. 369) 'Что произошло, господин-бек, в Чандыбиле?'; «Өлмүшәм мәни јердән көтүр, *бәј-рәијјәт* намусу вардыр» (13, стр. 8) 'Я нуждаюсь в помощи, помоги мне, ведь есть же (должна быть) честь у бека-крестьянина'; «... *пристав-јасавулун* саны јохдур» (61, стр. 174) 'Нет числа приставам-есаулам'; «*Јасавул-ғаравул* либасында ки, адамын көзүнә көрүкмүрләр» (6, стр. 214) 'Ведь они не показываются перед людьми в форме есаула-караула'; «Көп *әнбия-өвлүйәлер* хақы үчин» (47, стр. 234) 'Клянусь всеми пророками-предводителями'; «Бар, ене шугулла, *казы-мүфти* Салых ишаның бардыр» (16, стр. 316) 'Иди, снова клевети, ведь у тебя есть кадий-муфтий, ишан Салих'; «Онун бар иши *казы-келанлары...* беллемекден... ыбарат болды» (75, стр. 82) 'Его дело заключалось в том, чтобы назначать кадиев-старцев'; «Хемме диниң моллалары, *казы-ишанлары* бир гылык, бир хәсиетде болян экенлер дийди» (15, стр. 128) 'Он сказал, что все мุลлы, кадии-ишаны имеют одну и ту же природу и характер'; «Шол сайлава байлар, *ишан-хожалар* хем гошулмадымы?» (35, стр. 295) 'К этим выборам должны ли быть допущены богачи, ишаны-ходжи?'; «Мениң адамлар, *ишан-ахун* билен давалашмага чакым ёк» (19, стр. 194) 'Мои люди, у меня нет времени бороться с ишанами-ахунами'; «О мөһтәрәм *ахунд-моллаларымызын* тәглидини чыхаран јерә?» (7, стр. 134) 'Туда, где подражают нашим ахундам-муллам?'; «Башы әммамәли *сејјид-молладан...*» (28, стр. 429) 'Носящего на голове чалму сейида-муллы...'; «... *хожа-шых* яды өзүни өв-

лат саянларын бириди» (36, стр. 563) 'Он из тех, что считает себя таким же святым, как ходжа-шейх (духовный наставник)'; «Кәндлиләр һәр бир тачирин вә һачы-мәшәдинин јанына кедирләр...» (44, стр. 248) 'Крестьяне идут к каждому купцу и хаджи-мешади'; «Әлбәттә, сиз мәшәди-кәрбәләјылар женотдели севмәзсиниз» (7, стр. 244) 'Конечно, вы, мешади-кербалаи, не можете любить женотдел'.

3. Парные слова, состоящие из названий занятий

Эта сравнительно немногочисленная группа парных слов, в зависимости от характера и значения тех или иных занятий, может быть подразделена на две подгруппы:

а) Парные слова, состоящие из названий обычных занятий.

Сюда могут быть отнесены следующие парные слова: *нөкәр-гуллуғчу* 'слуга-служанка', *нөкәр-гараваш* 'слуга-рабыня', *гул-гарабаш* 'раб-рабыня', *гул-гырнак* 'раб-рабыня', *гул-бечә*¹¹ 'раб-слуга (ребенок)', *гул-геда* 'раб-нищий', *гарып-батрак* 'бедняк-батрак', *лоту*¹²-*бамбылы*¹³ 'плут-фигляр' и т. д.

Составные части таких парных слов, как *нөкәр-гуллуғчу*, *нөкәр-гараваш*, *гул-гарабаш*, *гул-гырнак*, были упорядочены на основе семантического принципа принадлежности к мужскому или женскому полу (см. 53, стр. 53).

Последовательность компонентов парного слова *гул-бечә* находится в зависимости от возраста обозначаемых субъектов — в порядке убывания (см.: 53, стр. 51).

Последовательность компонентов парных слов *гул-геда* и *лоту-бамбылы* объясняется качественными различиями (также в порядке убывания).

В парном же слове *гарып-батрак* очередность компонентов продиктована прогрессивной последовательностью.

Примеры:

«Анан өләндән сонра *нөкәр-гуллуғчу* үмидинә галмышыг» (8, стр. 189) 'После смерти твоей матери мы остались на попечении слуг-служанок'; «Сәлим ага... *нөкәр-гараваша* һөкмләр вердикчә... голунун гүввәти артырды» (31, стр. 161) 'Салим ага..., по мере того как отдавал приказания слуге-рабыне, все больше о себе мнил'; «*Гул-гарабашмы* диләрсән?» (40, стр. 64) 'Попросишь раба-рабыню, что ли?' «*Гул-гарабаш* — встречается у Махтумкули» (49, стр. 114); «*Гул-гырнаклар* баярларна шир болды» (46, стр. 40) 'Рабы-рабыни стали для хозяина львами'; «Бура бах: гочаг. даһиләрә *гул-бечә* лазым дејил!» (45, стр. 383) 'Послушай, удалец, гениям не нужен раб-слуга'; «Диләг эдер кимсә *гул-гедалардан*» (43, стр. 257) 'Кто-то просит рабов-нищих'; «*Гарып-батрак*» (9, стр. 96) 'Бедняк-батрак'; «... јаман *лоту-бамбылысан*, әдабазсан дејиб јанырды» (30, стр. 206) 'Он сердился, говоря, ты плут-фигляр, пройдоха'.

б) Парные слова, состоящие из отрицательных характеристик.

В данной подгруппе последовательность компонентов парных слов определяется причинно-следственной зависимостью, то есть второй компонент обозначает занятие, носящее более отрицательный характер, нежели первый; например: *katil қазақ* 'убийца-беглец', *ғијамчы-гачаг* 'мятежник-беглец', *гачаг-гулдур* 'беглец-разбойник', *огру-гулдур* 'вор-

¹¹ Слово *бечә* (50, стр. 59), употребляемое в персидском языке в значении «ребенок», не обозначает названия занятия.

¹² *Лоту* называют человека, который на свадьбах, нарядившись шутом, развлекает гостей (1, стр. 63).

¹³ Бродяга, изгой (4, стр. 50).

разбойник', *огру-эјри*¹⁴ 'вор-жулик', *огры-жүмри* 'вор-грабитель', *огры-кеззап* 'вор-лжец', *ганхор-залым* 'кровопийца-тиран', *сахтакар-сатгын* 'фальсификатор-предатель' и т. д.

Особого рассмотрения заслуживает парное слово *гачаг-гулдур*.

Гачаг. По своему основному значению это слово означает «беглец» (см.: 4, стр. 95). В некоторых случаях оно может приобретать и положительную окраску: «*Гачаг* — в царскую эпоху: человек, не вынесший гнета и несправедливости властей и бежавший из заключения или ссылки» (2, стр. 454). В художественной литературе словом *гачаг* иногда характеризуются народные герои: «Сафар был знаменитым *гачагом* Карабаха. Он происходил из племени Зарыслы и бежал в горы после убийства юзбашы... Народ посвятил *гачагу* Сафару песни, прославлявшие его как смелого, мужественного и справедливого человека» (81, стр. 15, 36); «*Гачаг* Наби стал *гачагом* ради свободы!» (61, стр. 267).

Гулдур. Употребляется лишь в отрицательном значении; характеризует человека, занимающегося разбоем, бандитизмом (2, стр. 570). В художественной литературе *гулдур* сравнивается с хищным зверем (8, стр. 116; 58, стр. 519).

Примеры:

«*Katil kaçak, bir tütün deposuna hamal olarak girdi*» (21, стр. 36) 'Убийца-беглец вошел в табачный склад под видом грузчика'; «Зэнкэзур *сијамчы-гачаглары* ганлы сел-селабы ичиндэ боғулачагды» (62, стр. 264) 'Зангезурские мятежники-беглецы (гачаги) должны были захлебнуться в потоках крови'; «Бэлкэ *гачаг-гулдурдан* чэкинирлэр?» (82, стр. 23) 'Может быть, бояться беглецов (гачагов)-разбойников?'; «Фјодор, бу *огру-гулдур* дүнјасындан гуртардығымыз күнү көрсэјдик, — дејэ көк-сүнү өтүрдү» (84, стр. 423) 'Федор, если бы мы дождались освобождения от мира воров-разбойников, — вздохнул он'; «Дөвлэт пулу *огру-эјринин* чибинэ кетмэсин» (18, стр. 72) 'Пусть государственные деньги не попадут в карман вора-жулика'; «*Огры-жүмри* азалыпды» (5, стр. 145) 'Воров-грабителей стало меньше'; «*Огры-кеззап* билен обадаш олма» (43, стр. 223) 'Не будь односельчанином вора-лжеца'; «*Ганхор-залымларың* январ ичлери» (32, стр. 19) 'У кровопийцы-тирана горят внутренности'; «... *сахтакар-сатгын*...» (61, стр. 386) 'фальсификатор-предатель'.

Порядок компонентов парных слов не нарушается и при их синтаксически дистантном употреблении (54, стр. 103). Например: *фәһлә-кәндли* — «Рәһбәр дејиб кәрәк мәним өлкәмдә *фәһлә* машина, *кәндли* дә трактора әләшә!» (82, стр. 71) 'Вождь сказал, что в моей стране *рабочий* должен сесть за машину, а *крестьянин* на трактор'; *ишчи-дайхан* — «*Ишчи* билен *дайхан* элмыдама догандыр» (20, стр. 269) 'Рабочий с *крестьянином* навсегда братья'; *ша-геда* — «Мүсүрдә *ша* боланындан, өз илинде *геда* бол» (78, стр. 350) 'Лучше быть *нищим* на своей родине, чем *шахом* в Египте'; *ә'јан-әшрәф* — «*Шәһәрин* бүтүн *ә'јан* вә *әшрәфи* бурада иди» (81, стр. 150) 'Все *аристократы* и *почитаемые* (люди) города были здесь'; *бәј-рәијјәт* — «Нә *бәј*, нә *рәијјәт*?» (62, стр. 217) 'Что за *бек*, что за *крестьянин*?'; *казы-мүфти* — «*Казы* эгри, *мүфти* эгри» (33, стр. 17) 'Каждый *плут*, (и) *муфтий* *плут*'; *нөкәр-гуллугчу* — «*Нөкәри* вар, *гуллугчусу* вар» (7, стр. 42) 'Есть (у него) и *слуга*, и *служанка*'; *нөкәр-гараваш* — «*Нөкәрләр*, *гаравашлар* онун башына фырланырдылар» (8, стр. 85) '*Слуги*, *рабыни* вертелись вокруг него'; *гул-гараваш* — «Сонра Вагиф... *гул* вә *гаравашын* азад олунмасыны тәклиф етди» (81, стр. 43)¹⁵ 'Затем Вагиф предложил... освободить *рабов* и *рабынь*'.

¹⁴ (52, стр. 704).

¹⁵ Автор выражает свою благодарность Н. З. Гаджиевой и А. Джафарову, прочитавшим рукопись статьи и сделавшим ценные замечания.

Список парных слов, приведенных в статье

Парные слова, состоящие из названий ремесел и профессий	Парные слова, состоящие из обозначений чинов и званий	Парные слова, состоящие из названий занятий	
		обычных занятий	отрицательных характеристик
чопан-чолук (Тм)	солтан-хан (Тм)	нөкөр-гуллулчу (А)	katil касак (Т)
чобан-чолук (А)	патыша-хан (Тм)	нөкөр-гараван (А)	гијамчы-гачаг (А)
çовап-çigак (Т)	патыша-геда (Тм)	гул-гарабан (А)	гачаг-гулдур (А)
бәнна-фәһлә (А)	ша-геда (Тм)	гул-гарабаш (Тм)	огру-гулдур (А)
фәһлә-кәндли (А)	ша-везир (Тм)	гул-гырнак (Тм)	огру-әјри (А)
ишчи-кәндли (А)	везир-векил (Тм)	гул-бечә (А)	огры-жүмри (Тм)
ишчи-гуллулчу (А)	вәзир-вәкил (А)	гул-геда (Тм)	огры-кеззап (Тм)
ишчи-кәлхозчы (Тм)	vezir-älışan (Т)	гарып-батрак (Тм)	ганхор-залим (Тм)
ишчи-дайхан (Тм)	наиб-пазир (А)	лоту-бамбылы (А)	сахтакар-сатгын (А)
дайхан-батрак (Тм)	наиб-нөкәр (А)		
дайхан-дешдиван (Тм)	аға-нөкәр (А)		
әкинчи-бичинчи (А)	ә'јан-әшрәф (А)		
гајыгчы-балыгчы (А)	задәкан-бүзүркүвар (А)		
чарва-чомур (Тм)	хан-сердар (Тм)		
пир-устат (Тм)	хан-бег (Тм)		
уста-фәһлә (А)	хан-бәј (А)		
usta amele (Т)	мүлкәдар-бәј (А)		
уста-шакирд (А)	аға-бег (Тм)		
пир-шәгирт (Тм)	бәј-рәијјәт (А)		
мүәллим-шакирд (А)	пристав-јасавул (А)		
мугаллым-тербиечи (Тм)	јасавул-гаравул (А)		
нер-пәлван (Тм)	әнбия-өвлүя (Тм)		
шахыр-багшы (Тм)	казы-пир (Тм)		
багшы-пәлван (Тм)	казы-мүфти (Тм)		
сазанда-гөенде (Тм)	казы-келан (Тм)		
сурнайчы-кернейчи (Тм)	казы-ишан (Тм)		
çalğıçı-çingene (Т)	ишан-хожа (Тм)		
атчынас-сейис (Тм)	ишан-ахун (Тм)		
катиб-каркүзар (А)	ишан-молла (Тм)		
фелдшер-мама (А)	ахунд-молла (А)		
профессор-һәким (А)	сејјид-молла (А)		
һәким-тәбиб (А)	хожа-шых (Тм)		
һәким-дәрман (А)	һачы-мәшәди (А)		
суд-силистчи (А)	мәшәди-кәрбәләји (А)		

А — азербайджанский язык; Г — гагаузский язык; Т — турецкий язык; Тм — туркменский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Аббаслы. Елин сөзү. Бакы, 1973.
2. «Азәрбајҗан дилинин изаһлы лүғәти», I. Бакы, 1966.
3. «Азәрбајҗан нағыллары», IV. Бакы, 1963.
4. «Азәрбајҗанча-русча лүғәт». Бакы, 1965.
5. А. Аллабердиев. Чапыксувар. Ашгабат, 1972.
6. М. Ф. Ахундов. Әсәрләри, I. Бакы, 1958.
7. С. С. Ахундов. Сечилмиш әсәрләри, I. Бакы, 1968.
8. С. С. Ахундов. Сечилмиш әсәрләри, II. Бакы, 1968.
9. Ч. Ашыр. Поэмалар. Ашгабат, 1955.
10. Ч. Ашыр. Йүрек ве яраг. Ашгабат, 1975.
11. S. Baklaciyej. Affet beni. Sofya, 1960.
12. Ş. Beysanoglu. Diyarbakir agzi. Ankara, 1966.
13. Ә. Вәлијев. Сечилмиш әсәрләри, I. Бакы, 1957.
14. С. Вүргүн. Әсәрләри, IV. Бакы, 1963.
15. А. Говшудов. Сайланан әсерлер, I. Ашгабат, 1955.
16. А. Говшудов. Сайланан әсерлер, II. Ашгабат, 1957.
17. «Гәроғлы». Ашгабат, 1958.
18. С. Дағлы. Јајлаг гајғылары. Бакы, 1974.
19. Х. Дерјев. Ыкбал, I, II. Ашгабат, 1962.
20. Х. Дерјев. Ыкбал, III. Ашгабат, 1966.
21. «Dünya sümbüsü». Sofya, 1967.
22. Дөвлетмаммет Азады. Вағзы-азат. Ашгабат, 1962.
23. «Емаклар хем дегишмелер». Ашгабат, 1964.
24. Ә. Әбүлхәсән. Јохушлар. Бакы, 1962.
25. М. Әлијев. Дағлар оғлу. Бакы, 1958.
26. Ч. Әмиров. Саһил әмәлијјаты. Бакы, 1958.
27. «Әрәб ве фарс сөзләри лүғәти». Бакы, 1966.
28. Г. Закир. Әсәрләри. Бакы, 1964.
29. K. Zeki Gencosman. Türk destanları. Istanbul, 1972.
30. М. Ибраһимов. Бөјүк дајаг. Бакы, 1966.
31. М. Ибраһимов. Пәрванә, I. Бакы, 1971.
32. Ш. Кекілов. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1962.
33. Кемине. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1959.
34. Б. Кәрбабаев. Әсерлер топлумы, I. Ашгабат, 1958.
35. Б. Кәрбабаев. Әсерлер топлумы, II. Ашгабат, 1958.
36. Б. Кәрбабаев. Әсерлер топлумы, III. Ашгабат, 1959.
37. «Кирпи» журналы, № 16. Бакы, 1973.
38. «Кирпи» журналы, № 4. Бакы, 1974.
39. «Кирпи» журналы, № 17. Бакы, 1975.
40. «Kitabi Dədə Qorqud». Бакы, 1939.
41. В. И. Ленин. Сочинения, I. М., 1941.
42. Гурбаналы-Мағрупы. Сейпелмелек-Метхалжемал. Ашгабат, 1967.
43. Мағтымгулы. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1957.
44. Ч. Мәммәдуллузада. Фелјетонлар, мәғаләләр, хатирәләр, мәктублар. Бакы, 1961.
45. Ә. Мәммәдханлы. Сечилмиш әсәрләри. Бакы, 1960.
46. Молламурт. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1952.
47. Молланәгес. Әсерлериниң бир томлугы. Ашгабат, 1963.
48. Г. Мусајев. Шимал күләји. Бакы, 1964.
49. З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад, 1973.
50. «Персидско-русский словарь». М., 1953.
51. Н. Помма. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1951.
52. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I. СПб., 1893.
53. К. Т. Рамазанов. Гоһумлуг билдирән гоһа сөзләр. — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијјат, дил ве инчәсәнәт серијасы». Бакы, 1970, № 3.
54. К. Т. Рамазанов. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия животных, птиц и насекомых). — «Советская тюркология», 1971, № 6.
55. К. Т. Рамазанов. Чәнуб-гәрб групуна дахил олан түрк дилләриндә аләт, кејим, ешәјләри, гаһ-даһ адларыннан ибарәт гоһа сөзләр. — «Азәрбајҗан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијјат, дил ве инчәсәнәт серијасы». Бакы, 1971, № 1.
56. I. Raşidoj. Ayulirken. Sofya, 1968.
57. С. Рәһимов. Шамо, I. Бакы, 1955.
58. С. Рәһимов. Сачлы, I. Бакы, 1959.
59. С. Рәһимов. Мейман. Бакы, 1965.
60. С. Рәһимов. Мәһтабан. Бакы, 1968.
61. С. Рәһимов. Гафгаз гарталы, I. Бакы, 1971.
62. С. Рәһимов. Гафгаз гарталы, III. Бакы, 1975.

63. *С. Рəһимов*. Пиргулунун күркү. — Журнал «Азәрбајҹан». Бақы, 1975, № 4.
 64. «Русско-азербайджанский словарь», II. Бақы, 1959.
 65. «Русско-башкирский словарь». М., 1964.
 66. «Русско-казахский словарь». М., 1954.
 67. «Русско-татарский словарь», III. Казань, 1958.
 68. «Русско-туркменский словарь». М., 1956.
 69. «Русско-узбекский словарь». М., 1954.
 70. Русско-уйгурский словарь». М., 1956.
 71. «Русско-якутский словарь». М., 1968.
 72. *Сейди*. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1959.
 73. *Н. Сейидов*. Ағыллы ғызын пағылы. Бақы, 1964.
 74. *Б. Сейтəков*. Москваның ялкымы. Ашгабат, 1960.
 75. *Б. Сейтəков*. Ғыз салғыды. Ашгабат, 1962.
 76. *А. Солтанмырадов*. Эртекилер. Ашгабат, 1960.
 77. *М. Талыбы*. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1963.
 78. «Туркменче-русча сөзлүк». М., 1968.
 79. *А. Хайыдов*. Аба сердар. Ашгабат, 1960.
 80. *Ә. Нагвердијев*. Сечилмиш әсерләри, I. Бақы, 1956.
 81. *Ј. В. Чəмəнзəминли*. Гап ичиндə. Бақы, 1968.
 82. *Мир Чəлал*. Шəфəгдэн галханлар. Бақы, 1972.
 83. *Шабенде*. Гүл-Билбил. Ашгабат, 1963.
 84. *А. Шаиг*. Сечилмиш әсерләри, I. Бақы, 1957.
 85. «Шасенем-Ғарып». Ашгабат, 1959.
-

М. РАЧЕВА

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *бисер*

Слово *бисер* в болгарском, русском, украинском, сербо-хорватском языках, *biser* в чешском и в словенском языках, *bisior* в польском, *bišër, bišer* в албанском (отмечено только в этимологическом словаре Г. Мейера, 1891, стр. 38) считается ранним заимствованием из арабского языка, проникшим через тюркское (булгарское) посредство в древнеболгарский язык, а из него через письменность в перечисленные выше языки.

Самыми ранними зафиксированными формами этого слова являются его древнеболгарские формы: *бисъръ* — в Маринском евангелии (X—XI века, 3 раза), в Зографском евангелии (X—XI века, 1 раз); *бисъръ* — в Саввиной книге (XI век, 3 раза), в Зографском евангелии (1 раз), в Ассемановом евангелии (X—XI века, 1 раз), *бисеръ* — в Ассемановом евангелии (2 раза), в Зографском евангелии (1 раз).

I.

Этимологическое исследование этого заимствования было начато более чем сто пятьдесят лет назад. Первое предположение о происхождении этого слова высказал замечательный русский ориенталист первой половины XIX века Кристиан Мартин Фрэн.

В одном из примечаний к своему историко-филологическому исследованию о ранних арабских путешественниках К. Фрэн (1823, стр. 88) отметил полное совпадение значения арабского слова *büsre, büsüre* (транскрипция автора. — М. Р.) 'поддельный жемчуг, стеклярус' со значением слова *бисер* в русском языке: «мелкие стеклянные шарики различной окраски, нанизанные на нитку (используется для украшения шеи и головы); поддельный жемчуг, стеклярус».

Предположение К. Фрэна о происхождении слова *бисер* стало известно этимологам-славистам благодаря его упоминанию в трудах П. Мелиоранского (1905, стр. 117): «... Уже С. М. Fraehn, Ibn Foczlân's etc., S. 88, сблизил это слово (*бисер*. — М. Р.) с арабским *бусра* 'поддельный жемчуг, стеклярус (Glasperle)'. В любом турецком (тюркском. — М. Р.) языке это слово могло начать произноситься с мягкими небными гласными *бүсрә*, и отсюда уже *бисеръ*».

После П. Мелиоранского формулировка «тюрк. *büsrä* < ар. *busra*» утвердилась в литературе в толковании слова *бисер* (*biser/bisior*): в этимологических словарях Э. Бернекера (1908—1913, стр. 58), А. Преображенского (1910—1916, стр. 28), в специальной публикации Ст. Младенова (1921, стр. 45), в этимологических словарях А. Брюкнера (1927, стр. 27), Ф. Славского (1952, стр. 34), В. Махка (1958, стр. 32), М. Фасмера

(1964, стр. 168), в академическом Болгарском этимологическом словаре (БЕР, 1971, стр. 49), в этимологическом словаре П. Скока (1971, стр. 156).

Начиная с компилятивного толкования К. Локоча (1927, № 371), эклектически объединившего толкования Н. Горяева (1896) и Э. Бернекера, в литературу вошла еще одна исходная арабская форма: *busr*, также якобы означающая «поддельный жемчуг, стеклярус».

В БЕР использование косвенных источников привело к схеме: «тюрк. *büsğä* из ар. *busr*».

Некоторые авторы — А. Брюкнер, В. Махек, П. Скок — отказались от предложенной П. Мелиоранским посредствующей тюркской формы *büsra* (*büsğä*): В. Махек и П. Скок не согласились с формулировкой «через тюркское посредство», а А. Брюкнер, ссылаясь на одну лишь арабскую форму, тем самым выступил сторонником мнения о прямом заимствовании этого слова из арабского языка. У П. Скока, исключаящего тюркское посредство, в качестве дополнительного аргумента этого приводятся соображения культурно-исторического характера. Он упоминает о «ранних арабских купцах в славянских землях», однако это предположение автором лингвистически не подтверждается.

Продолжительный период застоя в исследовании этимологии слова *бисер* характеризуется тем, что давнее предположение, высказанное арабистом К. Фрэнком еще в 1823 году и подтвержденное тюркологом П. Мелиоранским в 1905 году, не подвергалось пересмотру ни славистами, ни тюркологами или арабистами.

II.

Первое возражение против традиционного объяснения происхождения слова *бисер* было сделано К. Менгесом (1970, стр. 73). К. Менгес считает недостаточно оправданным сопоставление обычного словарного значения арабского слова *busra* 'незрелый финик; незрелый фрукт' со значением «поддельный жемчуг, стеклярус». Он предлагает другую исходную форму: арабизированное персидское слово *bussad* 'коралл' (< перс. *bussad/bissad*, по Ф. Стейнгассу). Арабская форма *bussad* в реконструкции К. Менгеса правомерно приводит к болгарскому **büsär*/**biser*. К. Менгес объясняет это заимствование существованием в VIII—IX веках контактов между арабскими купцами и населением Поволжья.

В специальном исследовании А. Львова (1973, стр. 211), посвященном тюркизмам в древнеболгарских памятниках, предположение К. Менгеса не упоминается, по-видимому, оно было неизвестно автору. А. Львов

предлагает тюркскую реконструкцию **büsyg* > болг. *bьsyg* > древнеболг. *бисьръ*. Делабиализацию *й* > болг. *ь* автор связывает с аналогичным явлением в древнеболгарском (др.-болг. *тикъръ* 'зеркало' < болг.

тъкьг) и с процессом делабиализации в чувашском языке. Исходной формой для автора является ар. *busr* 'поддельный жемчуг, стеклярус'. При этом А. Львов впервые приводит чувашскую форму *пёсёрке*, которая в качестве деминутивной формы от *пёсёр* (автор не выясняет, засвидетельствована ли последняя форма) должна соответствовать древнеболгарскому слову *бисьръ*, заимствованному из болгарского языка.

В предложенные последними двумя авторами толкования необходимо внести уточнения, в первую очередь в связи с арабской исходной формой.

А. Львов пишет, что П. Мелиоранский предлагает две исходные арабские формы: *busra* или *busr*. Это не соответствует действительности. В тексте П. Мелиоранского в качестве исходной арабской формы заим-

ствования приведена только форма *бусра* (*busra*), точно соответствующая форме *büsge*, указанной К. Фрэном. Произвольное включение в качестве исходной арабской формы *busg* в текст П. Мелиоранского приводит к несоответствию с выдвинутой им посреднической тюркской формой *büsra* (*büsra*). Выдающийся русский тюрколог не стал бы соотносить тюрк. *büsra* с ар. *busg* не только из-за их очевидного морфологического несоответствия, но и потому, что ар. *busg* нигде не засвидетельствовано как «поддельный жемчуг, стеклярус». С другой стороны, ар. *busg* 'незрелые финики (собир.)' — распространенное арабское слово и приведение его в тексте А. Львова в качестве реконструированной формы, под звездочкой, неоправданно.

К. Менгес считает ссылку на значение «поддельный жемчуг, стеклярус» неубедительной. Однако в словаре Qātūs арабского лексикографа конца XIV века Фирузабади зафиксировано для сингулятивной формы *busga* очень близкое ему значение. Там же засвидетельствовано и заимствование *bussad* 'коралл' (<перс.), которое К. Менгес выдвигает в качестве исходной формы для объяснения слова *бисер*.

Наличие различных значений слова *busga*: «поддельный жемчуг, стеклярус» и «незрелые финики» К. Менгес определяет как «неясную паронимию». В действительности же это обычное семантическое развитие слова, характерное для арабской лексики. Известно, что семантические процессы протекали в арабском языке с необыкновенной широтой, благодаря чему он характеризуется богатейшей полисемией. Так, для слова *busga* в словаре Qātūs отмечены следующие значения: «что-то свежее», «холодная (свежая) вода», «восходящее солнце (когда оно еще красного цвета)», «незрелый финик (только что сменивший свой зеленый цвет на желтый или красный)», «молодой парень или молодая девушка», и, наконец, *busga* является синонимом ар. *haḡaz*, которое К. Фрэн переводит как «поддельный жемчуг, стеклярус». Действительным значением слова *haḡaz* 'бусина' является буквально «что-то продырявленное, пронизанное». Значение этого редкого синонима ар. *busga* очень удачно и точно выражает русское слово «прониз», которое В. Даль приводит для объяснения значения *бисер* в народном русском языке.

Таким образом, ар. *busga* имеет значение «бусина, прониз», поскольку в определенном контексте, засвидетельствованном арабским лексикографом конца XIV века, оно является синонимом арабского слова *haḡaz* 'бусина, прониз'. Но форма *busga* не без оснований отсутствует в реконструкции А. Львова, ибо ее тюркское соответствие *büsḡä* по законам славянской фонетики неправомерно соотносить с самой архаической формой заимствования — древнеболг. *бисѣръ*. При такой исходной форме в болгарском языке возникла бы форма **бис(т)ре* или **бис(т)ря*.

Предлагаемая К. Менгесом исходная форма ар. *bussad* 'коралл' > болг. **büsär*/**biset* > древнеболг. как будто не приводит к особым семантическим затруднениям. Подобное семантическое соотношение существует и в татар. *māḡṣap* 'жемчуг' (Н. Остроумов, 1893; по М. Рясену, 1969, стр. 328), и в чуваш. *мерчен* 'жемчуг' (В. Егоров, 1971, стр. 102), восходящих к перс. *maḡṣap* 'коралл', а также в синонимии ар. *haḡaz* 'бусина, прониз', но также и 'коралл', и ар. *maḡṣap* 'коралл' в толкованиях некоторых географических названий у арабских авторов средневековья (по К. Фрэну, 1823, стр. 87). В словаре К. Локоча для болг. и сербо-хорв. *бисер* наряду со значением «стеклянный бисер» отмечено также значение «стеклянный коралл». Значение «коралл» подтверждается и выражением *ален като крѣв бисер* 'алый, как кровь, бисер', встречающимся в повести болгарского писателя Т. Влайкова (1941, стр. 10). При этом в авторском примечании говорится: «*бисер* — красные кораллы, которые,

нанизав на нитки, девушки вешают на шею и на грудь» (Т. Влайков, 1941, стр. 108). Авторское пояснение вызвано чрезвычайно ограниченным диалектным распространением этого значения (в прозе бытоописателя и регионалиста Т. Влайкова, вероятно, отразился диалект его родного города Пирдоп). Однако древность значения «коралл» пока не доказана.

Кроме того, соотносимость ар. *bussad* > булг. **büsär*/**biser* с древнеболг. *бисѣръ*, по К. Менгесу, представляется нам не вполне ясной. В подтверждение своего толкования автору следовало бы объяснить возникновение древнеболг. *ь* из булг. *ä/e*, ибо это нельзя признать самоочевидным (*ь* возник из праслав. и индоевр. короткого *i*; говоря же о заимствовании, автору следует выявить условия, при которых булг. *ä* не рефлектировало бы закономерным древнеболг. *ѣ* > 'а или е); либо же признать древнеболг. *бисѣръ* и *бисѣръ* вторичными по отношению к древнеболг. *бисеръ*, что представляется невероятным.

Толкование А. Львова: ар. *busg* > тюрк. *büsyg* > булг. *бъсыг* > древнеболг. *бисѣръ* следовало бы со всей определенностью объяснить не переходом, а субституцией булг. *ь* в слав. (древнеболг.) *и*. В семантическом отношении в данном случае необходимы доводы, подтверждающие оправданность реконструированного значения «бусины, пронизы (собр.)» и для арабской формы *busg* в ранний период. Таким доводом могло бы служить то обстоятельство, что семантический переход «незрелый финик» → «бусина, прониз» исторически засвидетельствован для сингулятива *busga*. Незрелые финики представляют в сущности более или менее мелкие твердые шарики, напоминающие бусины, и этот факт тоже может служить подтверждением реконструкции значения «бусины, пронизы» и для арабской собирательной формы *busg*.

В пользу исконно собирательного значения исходной формы заимствования свидетельствуют и значения в русском и польском языках, и отличающиеся от литературного значения болгарские диалектные значения, которые приводятся ниже. Сопоставление этих значений и их включение в аргументацию этимологического исследования представляются более важными для разрешения поставленной задачи, нежели приведенная А. Львовым форма *пѣсѣрке* из чувашской народной песни, тем более, что автор не устранил сомнений относительно заимствования в чувашский русский *бисер*.

III.

В русском языке слово *бисер* имеет два значения: «жемчуг» и «бусина, пронизы, стеклярус» в сингулятивном и в собирательном смысле. Второе значение характерно для народного разговорного языка: «мелкие стеклянные бусы и мелкие пронизы для уборов и украшений низками, также для разных женских работ» (В. Даль, 1903, стр. 88), «мелкие с сквозными отверстиями стеклянные шарики разной окраски, употребляемые для украшения и вышивки» (ССРЛЯ, 1948, стр. 459). Данное значение характерно также и для диалектов (См.: СРНГ, 1966, стр. 296). Значение «жемчуг», совпадающее с современным болгарским литературным значением, считается устаревшим церковнославянским заимствованием, то есть болгаризмом. Как известно, в кирилломефодиевских переводах древнеболг. *бисѣръ* соответствует греческому *μαργαρίτης* 'жемчуг'; примечательно совпадение русского народного значения этого слова с одним из значений ар. *busga* — *hagaz* 'прониз', что было отмечено еще К. Фрэном.

Но в некоторых болгарских народных говорах слово *бисер* употребляется в значении, совпадающем с народным русским:

бисер 'прозрачные стеклянные бусины в ожерельях' (д. Патели Леринской области)¹;

бисер 'стеклянная бусина; бусы, ожерелье из стеклянных монист' (д. Желегоже Костурской области)²;

бисёр 'мелкие пронизы, используемые для вышивки' (д. Хераково Софийской области)³;

бисёр 'очень мелкие пронизы' (д. Градец Софийской области);

бисёр 'очень мелкие круглые пронизы' (деревни Равно, Ропот, Гурмазово, Пожарево Софийской области).

В деревне Календра Серской области *бисиряни синца* 'стеклянные шарики для женского украшения'⁴.

В бывшей Херсонской губернии у болгарских переселенцев из Виндинской и Ломской областей *рисса бисёряна* 'украшение из стекларуса, которым парни украшают свои шляпы' (Н. Державин, 1914, стр. 87).

Территориальное распространение этого значения нельзя считать окончательно установленным, ибо дифференциация значений слова *бисер* в болгарских диалектах до сих пор не привлекала внимания болгарских диалектологов, и в Программе Болгарского диалектного атласа слово *бисер* отсутствует. Имеющиеся данные все же дают основание полагать, что значение «стеклянные бусины; пронизы» в разговорном русском языке, в русских народных говорах, в польском языке и в болгарских диалектах является исконным, а значение «жемчуг», очевидно, книжное, возникшее в древнеболгарском литературном языке в связи с переводом греческого *μαργαρίτης* в первых кирилломефодиевских церковных книгах.

Будучи словом, относящимся к высокому церковному стилю, *бисер* 'жемчуг' свидетельствует о древнеболгарском книжном влиянии на русский, украинский, сербо-хорватский языки (из последнего данное слово позднее было заимствовано в словенский язык). Сомнительно его заимствование в албанский язык, ибо однократная фиксация этого слова в значении «жемчуг» в этимологическом словаре албанского языка Г. Мейера нам представляется не вполне надежной.

IV.

Для польского *bisior*, помимо значения «прониз, бусина, бусы», засвидетельствованного в XV веке, существует и значение «дорогая тонкая материя» (1500 год), история которого неясна. Это польское значение, по-видимому, соотносимо со значением словосочетания *бисер пилинй* (< *пелени* 'пеленки', здесь, очевидно, 'покрывало, покров') в болгарской народной песне, записанной в д. Войнягово Карловской области: «... *Йа стой, пучакъй, свѣти ли Дрѣгн'у, дѣ извѣд'ѣ Ёни бисёр пилинй*» (Л. Ралев, 1956, стр. 59). Возможно, это одинакового происхождения названия старинного текстильного производства.

Наряду с употребленной народной песней конечное ударение в болгарской форме *бисёр* отмечается в западных болгарских говорах, где это

¹ Устно от Пруши Димовой, 68 лет, с начальным образованием, переселенки из д. Патели Леринской области (на территории Греции).

² Устно от Пенки Гелевой, 72 года, неграмотной, переселенки из д. Желегоже Костурской области (на территории Греции). Данные этой информантки подтвердил научный сотрудник Института болгарского языка (БАН) Б. Шклифов, автор исследования «Лексиката из Костурския говор» (находится в печати).

³ Данные из Софийской области собраны Т. Костовой, научным сотрудником Секции болгарской диалектологии при Институте болгарского языка БАН.

⁴ По данным И. Иванова, из исследования «Драмско-Серските говори», ч. II (находится в печати).

слово означает «пронизы» (в районе Цариброда, в деревнях Гурмазово, Пожарево, Ропот, Равна, Градец, Хераково, Мало Бучино, Доброславци Софийской области; в районе городов Воден, Банско; в деревне Ваксево Пиянечской области, по данным научного сотрудника Т. Костовой и Болгарского диалектного архива при Институте болгарского языка), а также в языке переселенцев из Видинской и Ломской областей в Херсоне в прилагательном *бисѣряна* (*рисса бисѣряна*). Данное явление можно объяснить диалектной особенностью, распространенной в западных болгарских говорах, ср. *петок*, *песок* (лит. *pětъkъ*, *пясъkъ*). Единственный пример в песне, записанной на территории так называемых балканских говоров болгарского языка, нельзя считать автохтонным, поэтому в данном случае диалектное конечное ударение не опровергает реконструкции

А. Львова, в которой булг. *б* субституируется в древнеболг. *и*: *bъsbr* > *бисѣръ* только под ударением.

Древнечешское значение слова *biser* 'calculus, gemma' в некоторых памятниках начала XV века (Я. Гебауер, 1870, стр. 56) стоит особняком среди известных значений этого заимствования в других языках. Это значение, надо полагать, позднего происхождения и повторяет одно из значений арабского слова *haraz* 'бусина', но у Фирузабади также и «жемчуг», «драгоценный камень», «вообще все, что можно нанизать для украшения».

Неясным остается случай с румынскими формами *bisor*, *biros* 'Chalcopyrite', сопоставляемыми некоторыми авторами с древнеболг. *бисѣръ* (см.: Х. Тиктин, 1903):

Этимологическое исследование древнего заимствования *бисер*/*biser* и т. д., очевидно, нельзя считать окончательным.

Вопреки долголетней популярности среди этимологов исходной формы К. Фрэна и П. Мелиоранского, с точки зрения славистики, эта форма оказывается самой неприемлемой.

В предположении К. Менгеса не выясняются звуковые проблемы, и, кроме того, принятая автором исходная арабская форма также — редкое и сравнительно поздно засвидетельствованное арабское заимствование из персидского языка.

Недостатком реконструкции А. Львова является то, что в ней не пересматривается исходная арабская форма. Однако в настоящее время нет оснований дискредитировать эту реконструкцию.

Приведенный новый болгарский диалектный материал — дополнительная основа для реконструкции исконного значения заимствования *бисер* и позволяет предположить, что в русский язык слово проникло двумя путями: из языка волжских булгар со значением «бусины, пронизы (собр.)» и из древнеболгарского языка с книжным значением «жемчуг», возникшим при переводе греческого слова *μαργαρίτης*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЕР	— Вл. Георгиев. Й. Заимов, Ив. Гълъбов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник, I, А—З. София, 1971.
Бернекер, Э.	— E. Berneker. Slawisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
Брюкнер, А.	— A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Влайков, Т.	— Т. Влайков. Съчинения, I. София, 1941.
Гебауер, Я.	— J. Gebauer. Slovník staročeský, I. Praha, 1970.
Горяев, Н.	— Н. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

- Даль, В. — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I. СПб., 1903.
- Державин, Н. — Н. Державин. Болгарские колонии в России, СБНУ XXIX. София, 1914.
- Егоров, В. — В. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971.
- Локоч, К. — K. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.
- Львов, А. — А. Львов. Иноязычные влияния в лексике старославянской письменности. — В сб.: «Славянское языкознание». М., 1973.
- Махек, В. — V. Mahek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Мейер, Г. — G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
- Мелиоранский, П. — П. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода. Изв. ОРЯС X, 4, 1905.
- Менгес, К. — K. Menges. Zum neuen БЕР und den türk. Elementen im Bulgarischen, ZfBalk, VII, 1970.
- Младенов, Ст. — St. Mladenov. Vestiges de la langue des Protobulgares tur. en bulg. moderne, RESI, I, 1921.
- Остроумов, Н. — Н. Остроумов. Татарско-русский словарь. Казань, 1893.
- Преображенский, А. — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1910—1916.
- Ралев, Л. — Л. Ралев. Български народни песни от Среднегорието. СБНУ, XLVI. София, 1956.
- Рясянен, М. — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.
- Скок, П. — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I. Zagreb, 1971.
- Славски, Ф. — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, z. I. Kraków, 1952—1956.
- СРНГ — «Словарь русских народных говоров», II. М., 1966.
- ССРЛЯ — «Словарь современного русского литературного языка», I. М., 1948.
- Тиктин, Х. — H. Tiktin. Rumänisch-deutsches Wörterbuch, I. Bukarest, 1903.
- Фасмер, М. — M. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964.
- Фрэн, К. — C. Fraehn. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. — Keiserliche Akademie der Wissenschaften, LXXXI. St.-Petersburg, 1823.

М. Ф. ЧЕРНОВ

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ТЮРКОЛОГОВ

Фразеология как лингвистическая дисциплина — сравнительно молодая отрасль тюркского языкознания.

Исследователи тюркских языков при изучении грамматического строя того или иного языка обращали внимание на своеобразный пласт неразложимых сочетаний слов, отличающихся своей специфичностью от обычных, используемых в речи. Исходя прежде всего из их функциональной близости к отдельным словам, одни тюркологи определяли их как лексические словосочетания или лексические единицы и единства, относящиеся либо к области синтаксиса¹, либо к словообразованию². Другие исследователи, именуя аналогичные сочетания лексикализованными выражениями или скованными словосочетаниями с лексическим значением, утверждали, что они не могут быть отнесены ни к синтаксису, ни к словообразованию, а должны составить самостоятельный объект исследования³. Существует также мнение, что неразложимые сочетания слов — это фразеологические словосочетания, являющиеся объектом исследования лексикологии⁴ или фразеологии⁵.

Зачинателями тюркской фразеологии по праву считаются С. К. Кенесбаев и Ш. У. Рахматуллаев, труды которых, вышедшие в свет в 40—50-е годы, сыграли большую роль в ее становлении и развитии⁶. Опреде-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 373—374; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 35, 55, 70, 125.

² Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 71.

³ Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 321—323; *его же*. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. К проблеме словообразования. — В сб.: «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954, стр. 74—77.

⁴ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 100, 107—110; «Современный татарский литературный язык». М., 1971, стр. 81—84.

⁵ Ю. М. Сеидов. Словосочетания в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1965, стр. 38—43.

⁶ J. К. Кенесбаев. Қазақ тілінің қалыптанған тыянақты сөз топтары (қос сөздер, идиомдар мен фразалар). Докт. дисс. Алма-Ата, 1944; *его же*. Фразеологические парные выражения в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР, № 82. Серия лингвистическая», вып. 6. Алма-Ата, 1950, стр. 3—13; *его же*. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 1—2. Алма-Ата, 1954, стр. 6—28; *его же*. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977; Ш. У. Рахматуллаев. Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц современного узбекского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

ленную роль в развитии этой отрасли тюркологии сыграли и написанные в этот период диссертации⁷.

Два последних десятилетия отмечены интенсивным изучением фразеологических единиц тюркских языков. Созданы такие значительные работы, как монография С. Н. Муратова «Устойчивые словосочетания в тюркских языках» (М., 1961), докторские диссертации Ш. У. Рахматуллаева⁸, Г. А. Байрамова⁹, Г. Х. Ахунзянова¹⁰, З. Г. Ураксина¹¹, ряд кандидатских диссертаций и статей, посвященных специально вопросам тюркской фразеологии¹².

Так же как и в русском языкознании, в тюркологии существует широкое и узкое понимание фразеологии. Так, по мнению С. К. Кенесбаева, предмет фразеологии в широком ее значении — это вся совокупность устойчивых словесных объединений (пословицы, поговорки, идиоматические выражения и неидиоматические, но устойчивые фразеологические группы слов и так называемые парные слова). Общей характеризующей чертой, объединяющей все типы фразеологических единиц, по утверждению исследователя, является их устойчивость или воспроизводимость¹³.

Из всей массы устойчивых сочетаний слов С. К. Кенесбаев выделяет те из них, которые составляют предмет фразеологии в узком ее значении. Это идиоматические, а также неидиоматические сочетания, относимые В. В. Виноградовым к фразеологическим сочетаниям. К ним же приписывают и сложные парные обороты¹⁴.

С. К. Кенесбаев определил черты идиоматических выражений, отличающие их от таких устойчивых сочетаний слов, как пословицы и поговорки. Специфика семантики идиом, по мнению исследователя, заключается в том, что они выступают в речи с целостным значением, не вытекающим непосредственно из исходных значений их компонентов. Что касается пословиц и поговорок, то они, как указывает автор, по своей семантике составляют самостоятельные высказывания и «как бы пословицы и

⁷ Л. Н. Долганов. Пути развития идиоматики в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952; И. Т. Сайфуллин. Устойчивые словосочетания в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Я. Пинхасов. Фразеологические выражения в языке произведений Хамида Алимджана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1953; Г. Х. Ахатов. Фразеологические выражения в татарском языке. Автореф. канд. дисс. Казань, 1954.

⁸ Ш. У. Рахматуллаев. Некоторые вопросы узбекской фразеологии. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1966.

⁹ Г. А. Байрамов. Основы фразеологии азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970.

¹⁰ Г. Х. Ахунзянов. Идиомы (исследование на материале татарского языка). Автореф. докт. дисс. Казань, 1974.

¹¹ З. Г. Ураксин. Фразеология башкирского языка. Автореф. докт. дисс. Уфа, 1975.

¹² Р. Р. Юсипова. Устойчивые глагольные сочетания в турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1961; К. Бабаев. Идиомы в туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1963; М. Рузихулова. Идиоматика узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1966; Н. Р. Рагимзаде. Идиоматические выражения в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1967; А. А. Рожанский. Устойчивые словосочетания с глагольным стержнем в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1968; Ж. Османова. Идиомы в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969; М. Абдурахманова. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1972; С. Г. Наурузбаева. Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре. Ташкент, 1972; О. Назаров. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1973; З. К. Жарашева. Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1973; К. Х. Даинова. Фразеология кумыкского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1973 и др.

¹³ С. К. Кенесбаев. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке, стр. 9.

¹⁴ С. К. Кенесбаев. Фразеологические парные выражения в казахском языке, стр. 3—13.

поговорки ни употреблялись в переносном значении, их компоненты — слова — не могут лишаться своего основного лексического значения в той степени, в какой оно теряется в идиомах»¹⁵. Различие в семантике пословиц и поговорок и идиоматических сочетаний слов, с точки зрения С. К. Кенесбаева, неиндифферентно к их внешнему оформлению. Идиомы, в отличие от пословиц и поговорок, характеризуются ограниченным составом входящих в них компонентов, тогда как пословицы и поговорки «в синтаксическом отношении могут обраться не только членами предложения, но и самими предложениями, и представлять собою сложный оборот (сложные предложения) в речи»¹⁶. Очевидно, количественная сторона (протяженность языковой единицы) определенным образом отражается в различиях семантики пословично-поговорочных выражений и идиоматических сочетаний. Однако, на наш взгляд, смысловое своеобразие сопоставляемых единиц языка прежде всего вскрывается не в количестве компонентов, содержащихся в них, а в глубоких качественных преобразованиях лексико-семантических отношений между компонентами в идиомах, с одной стороны, и в пословицах и поговорках — с другой.

В целом С. К. Кенесбаеву удалось глубоко раскрыть содержание двух типов фразеологических единиц — пословиц и поговорок и идиоматических сочетаний слов.

Итак, по мнению С. К. Кенесбаева, фразеологические единицы по своим структурно-семантическим особенностям представляют собой неоднородное явление, все их типы объединяются в один класс единиц языка свойством воспроизводимости.

В исследованиях ученого основное внимание уделяется выяснению, путем сопоставления, особенностей структуры и семантики отдельных типов фразеологических единиц.

После появления указанных выше работ, в которых нашла четкое выражение мысль о том, что объектом фразеологии является устойчивое сочетание слов, выступающее в качестве раздельнооформленной единицы, следовало ожидать, что в последующем будут раскрыты и уточнены сущности понятий «устойчивое сочетание» и «устойчивость». Но этого не произошло. В интерпретации отдельных лингвистов термин «устойчивое сочетание» приобрел неправомочно широкое значение¹⁷.

С. Н. Муратов к устойчивым словосочетаниям относит следующие языковые единицы: 1) различные типы сложных слов, 2) лексикализованные словосочетания, 3) грамматикализованные словосочетания и 4) фразеологические выражения¹⁸. Все типы сложных слов (в известной степени грамматикализованные и лексикализованные сочетания слов), по его мнению, являются фактами словосложения. Устойчивые сочетания слов, не являющиеся результатом словосложения, и составляют, по мнению С. Н. Муратова, фразеологический материал тюркских языков. Следовательно, с точки зрения автора, фразеологические единицы являются одним из типов устойчивых сочетаний. «В тюркских языках, — пишет он, — всякая фразеологическая единица — это устойчивое словосочетание, но не всякое устойчивое словосочетание — фразеологическая единица»¹⁹.

С. Н. Муратов в своей монографии попытался выяснить сходства и различия, существующие между единицами фразеологии и словами (яв-

¹⁵ С. К. Кенесбаев. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке, стр. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ С. Н. Муратов. Указ. раб.; И. Т. Сайфуллин. Указ. раб.

¹⁸ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 23.

¹⁹ Там же, стр. 115.

ление словосложения), с одной стороны, и фразеологическими единицами и свободными словосочетаниями — с другой: «Словосложение — это объединение слов с целью образовать новую лексическую единицу, или модифицировать значение существующих лексических единиц, или выразить грамматическое значение (форму или функцию)... Фразеологические единицы — это или «омертвевшие», потерявшие образность метафоры (идиомы), или образные выражения, т. е. „живые” метафоры, или устойчивые обороты речи стилистико-вспомогательного характера (вводные выражения, различные речевые формулы и т. п.)»²⁰.

От свободных словосочетаний, по мнению С. Н. Муратова, фразеологические единицы отличает целый комплекс признаков: семантическая сращенность, образность, переносность.

Систематизацию фразеологических единиц тюркских языков С. Н. Муратов производит в соответствии с получившей в свое время распространение теорией эквивалентности фразеологической единицы слову. В зависимости от того, обладают или не обладают фразеологические единицы тюркских языков конкретным лексическим значением, он делит их на две группы: 1) идиомы лексико-фразеологического типа (фразеологические единицы, обладающие конкретным лексическим значением) и 2) идиомы собственно фразеологического типа (фразеологические единицы, не обладающие конкретным лексическим значением).

Идиомы лексико-фразеологического типа, по классификации С. Н. Муратова, состоят из двух подгрупп. В одну из них входят устойчивые словосочетания, представляющие собой лексикализованные и отчасти терминологизованные сочетания слов (например: *шайтан таяғы* 'чертополох', 'татарник', *булк.* 'посох дьявола'; *Яңы Ер* 'Новая земля'). В другую группу идиом лексико-фразеологического типа входят словосочетания, первый компонент которых не имеет самостоятельного значения и употребляется лишь в данном фразеологическом контексте [например: *шим бал* 'мед' (очищенный от воска)].

К идиомам собственно фразеологического типа С. Н. Муратов относит образные устойчивые сочетания слов. Сюда примыкают пословицы и поговорки, загадки и все разновидности необразных выражений, употребляющихся с переносным значением. Основное назначение фразеологических единиц этой группы, по мнению исследователя, — служить средством усиления выразительности и изобразительности речи.

Кроме двух названных групп фразеологических единиц С. Н. Муратов выделяет еще третью — устойчивые фразеологические речевые формулы или фразеологические штампы (вводные выражения, междометные выражения, различные формулы благих пожеланий, проклятий и т. п.).

Как мы видим, С. Н. Муратов в состав фразеологических единиц включил главным образом сочетания слов, употребляющиеся в речи как сложившиеся устойчивые единицы языка. Таким образом, он разделяет точку зрения лингвистов, широко толкующих фразеологию. Стремление объединить общим признаком воспроизводимости всю совокупность устойчивых словесных комплексов возражений не вызывает. Однако, если рассматривать выделенные группы фразеологических единиц в плане их соответствия выдвинутому самим исследователем дифференциальным признакам (семантическая сращенность, образность, переносность), то обнаруживается ряд несоответствий. Так, например, к фразеологическим единицам (ко второй группе идиом лексико-фразеологического типа) С. Н. Муратов относит такие сочетания слов, как *шим бал* 'мед' (очи-

²⁰ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 23.

щенный от воска), *үкһез етем* 'круглый сирота', *тибан энә* 'штопальная игла'. Эти словосочетания, на наш взгляд, являются свободными. То, что первые компоненты их строго «прикреплены» к определенным словам, объясняется не тем, что они, как полагает С. Н. Муратов, не имеют самостоятельного значения, а узостью их семантики, опирающейся на ограниченный круг предметно-логических отношений²¹. По существу, первые компоненты в указанных словосочетаниях по своей значимости ничем не отличаются от первых компонентов словосочетаний типа *койма ямғыр* 'проливной дождь', *шығырым тулы* 'полный до отказа, набитый битком', в которых, по мнению С. Н. Муратова, первые компоненты «могут быть сопоставлены с отдельными словами, имеющими самостоятельное употребление»²².

Как было отмечено выше, С. Н. Муратов к идиомам собственно фразеологического типа относит пословично-поговорочные выражения и все разновидности необычных выражений, имеющих иносказательный смысл. По его утверждению, все эти типы устойчивых сочетаний слов по своей семантике являются переносными²³. Однако, если признать общим определяющим признаком устойчивых сочетаний слов их воспроизводимость (такая идея проходит через все разделы книги, посвященные фразеологическим единицам), то пословицы и поговорки, образованные в результате переосмысления значения свободных сочетаний слов, составят лишь часть пословично-поговорочного фонда определенного языка. Причем в большинстве случаев о семантической сращенности компонентов этой группы устойчивых сочетаний слов, тем более устойчивых речевых формул, говорить не приходится, несмотря на то, что они строго «пригнаны» друг к другу благодаря вхождению в состав воспроизводимых единиц языка.

Противоречия в классификации фразеологических единиц С. Н. Муратова объясняются, на наш взгляд, тем, что автор опирается на второстепенные признаки, характерные лишь для части фразеологического материала, тогда как глобальный признак всей массы устойчивых сочетаний слов (то есть то, что фразеологические единицы являются прежде всего единицами языка) оказался отодвинутым на второй план. В интерпретации исследователя нет также четкого разграничения раздельно оформленных и цельнооформленных единиц языка. Говоря о последних, С. Н. Муратов как раз преувеличивает значимость признака воспроизводимости, не учитывая того, что составляющие элементы фразеологических единиц являются отдельными словами.

В целом фразеологическая теория С. Н. Муратова, изложенная им в книге «Устойчивые словосочетания в тюркских языках», сыграла большую роль в развитии тюркской фразеологии и оказала заметное влияние на лингвистов, исследующих вопросы фразеологии отдельных тюркских языков.

В 60-х годах в развитии как тюркской, так и русской фразеологии наметилась тенденция выделять в качестве объекта фразеологии лишь часть устойчивых словесных объединений, а именно — переосмысленные сочетания слов. Одни исследователи именовали такие сочетания слов собственно фразеологизмами, другие — идиоматическими сочетаниями или идиомами.

²¹ См.: Е. А. Толикина. О критерии устойчивости фразеологических объединений. — В сб.: «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе». Вологда, 1967, стр. 231—240.

²² С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 124.

²³ Там же.

Сужение объема понятия «фразеологическая единица» было в то время связано с усилением внимания ученых к той части устойчивых сочетаний, которые образовались в языке в результате переосмысления исходного значения сочетаний слов. Такой подход, естественно, привел некоторых исследователей к выводу, что единственно верной является интерпретация единицы фразеологии в узком ее значении. Так, Ш. У. Рахматуллаев писал: «После глубокого и всестороннего изучения богатейшего фразеологического материала стала очевидной правильность узкого понимания объема фразеологии»²⁴. По его утверждению, фразеологизм — это воспроизводимая готовая единица. «Фразеологическая единица и свободное сочетание слов, — справедливо подчеркивал он, — относятся к различным ярусам: первая является единицей языка, а второе — единицей речи»²⁵. Однако невозможно одновременно признавать воспроизводимость в качестве основного признака фразеологических единиц и толковать фразеологию в ее узком смысле, ибо признак воспроизводимости обязательно предполагает включение в состав фразеологических единиц как устойчивых сочетаний, названных В. В. Виноградовым фразеологическими сочетаниями, так и пословиц и поговорок, которые Ш. У. Рахматуллаев не считает объектом фразеологии²⁶.

Идею узкого понимания объекта фразеологии развивает на материале азербайджанского языка Г. А. Байрамов. По его мнению, словосочетание может иметь прямое и переносное значение²⁷. Словосочетания с прямым, номинативным, значением являются объектом синтаксиса, с переносным — объектом фразеологии. К числу фразеологических единиц Г. А. Байрамов относит также и сочетания слов, «именные компоненты которых сохраняют свое номинативное значение, а глагольный компонент имеет фразеологически зависимые значения»²⁸. Таким образом, Г. А. Байрамов в состав фразеологических единиц азербайджанского языка наряду с фразеологическими сращениями и единствами включил и сочетания слов, именуемые обычно фразеологическими сочетаниями. Но эту группу фразеологических единиц исследователь почему-то ограничил лишь сочетаниями слов, которые «сформировались в основном путем присоединения имени существительного арабского или фарсидского происхождения к тюркским глаголам»²⁹.

К последовательным сторонникам узкого толкования предмета фразеологии относится А. А. Юлдашев, особо подчеркивающий, что при узком понимании объекта фразеологии «более или менее четко вырисовывается сам объект исследования, из которого справедливо исключается все, кроме неделимых лексических единиц, в том числе поговорки, пословицы, речения и крылатые выражения, структурно организованные и бытующие как синтаксические единицы»³⁰.

Чтобы иметь конкретное представление о том, какое содержание вкладывается исследователем в понятие «фразеологическая единица», необходимо выяснить, как сопоставляются им фразеологические единицы со свободными сочетаниями, с одной стороны, и с другой — с лексическими единицами, то есть сложными словами. А. А. Юлдашев справедливо утверждает, что единицы фразеологии связаны с синтаксическими единицами, структурно сходными с ними лишь по происхождению. Как ука-

²⁴ Ш. У. Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 10.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 6.

²⁷ Г. А. Байрамов. Указ. раб., стр. 20—23.

²⁸ Там же, стр. 23.

²⁹ Там же.

³⁰ А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, стр. 214.

зывает автор, «фразеологическая единица логически немыслима как конкретное словосочетание и в корне отличается от него, словосочетания, прежде всего, по признакам»³¹, характерным для сложных слов.

В интерпретации А. А. Юлдашева сложные слова получили в целом глубокую характеристику³². Действительно, сочетания, рассматриваемые исследователем как собственно фразеологизмы (причем они могут быть не только двух- или трехкомпонентными, но и многокомпонентными), некоторыми своими чертами сближаются с лексическими единицами, в том числе и со сложными словами. По мнению ученого, различие между единицами лексики и единицами фразеологии не структурное, а семантико-функциональное, точнее, стилистическое. «При всей близости. — пишет он, — фразеология и сложные слова существенно отличаются друг от друга по характеру лексического значения и назначению. В этом плане фразеология противопоставлена не только сложным словам, но и остальной лексике как экстраординарная единица ординарной»³³.

Как утверждает А. А. Юлдашев, функциональное своеобразие фразеологической единицы, отличающее ее от ординарных слов, включая сложные, заключается в том, что «фразеология и замещает ординарные слова, и более емко и образно передает их содержание, она практически употребляется только в особых случаях, исключительно как изобразительный стилистический прием...»³⁴. Аналогичная мысль в свое время была высказана и С. Н. Муратовым³⁵. Однако факты языка показывают, что в качестве стилистико-изобразительного средства могут выступать не только фразеологические единицы, но и отдельные слова, причем нередко лексические единицы замещают стилистически нейтральные слова.

Различие семантической структуры фразеологических единиц и сложных слов, по мнению А. А. Юлдашева, состоит еще в том, что у сложного слова лексическое значение выражается не через образ, а непосредственно, тогда как во фразеологической единице оно находит косвенное выражение через иносказание, опирающееся на прямые значения компонентов³⁶. Таким образом, характеризуя внутреннюю сущность фразеологической единицы, автор выдвигает на первый план ее образность. «Значительно важнее (в плане лексикографическом), — пишет А. А. Юлдашев, — установить, является ли выделяемое образование лексической единицей, удовлетворяет ли оно... критериям выделения сложных слов, от которых фразеологизм в принципе мало чем отличается, исключая его содержание, а точнее сказать, образное выражение этого содержания»³⁷. Однако в любом языке известны случаи, когда в основе многих слов, в том числе и сложных, лежит образное представление того или иного понятия. Образными средствами являются и пословично-поговорочные выражения, выведенные А. А. Юлдашевым за пределы объекта фразеологии³⁸. Следовательно, признак образности нельзя считать надежным критерием для разграничения фразеологических единиц и сложных слов.

В целом же предложенное А. А. Юлдашевым сопоставление особенностей фразеологической единицы и сложного слова имеет важное значение

³¹ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 216.

³² Там же, стр. 216—217.

³³ Там же, стр. 218.

³⁴ Там же.

³⁵ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 23—24, 124.

³⁶ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 220.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 222.

ние для раскрытия сущности фразеологизма применительно к языкам тюркской семьи.

Точку зрения лингвистов, трактующих объект фразеологии в узком его понимании, разделяет и З. Г. Ураксин. В его интерпретации фразеологические единицы выступают как часть устойчивых сочетаний слов, характерными признаками которых являются «воспроизводимость в готовом виде, устойчивость связи компонентов, целостность значения»³⁹. По утверждению исследователя, критерием для отграничения фразеологизмов от других типов устойчивых сочетаний служит признак образности. «В слове, — отмечает он, — доминирующим является прямое (номинативное) значение, а в фразеологизме — образно-номинативное, слово в основном обозначает, а фразеологизм всегда изображает. Образное значение в фразеологизме глобально...»⁴⁰. Разумеется, номинативное значение слова является основным, однако это не дает основания утверждать, что оно господствующее: в любом языке имеется огромное количество слов, совмещающих в себе функцию называния и оценочно-эмоциональную. Да и среди фразеологических единиц можно найти немало таких, основной функцией которых является функция обозначения (например, башк. *куғарсен кузе* 'незабудка', чув. *кавакарчӑн куҫӑ* 'незабудка').

З. Г. Ураксин выделил в башкирском языке, исходя из различной степени связанности значения целого со значениями составляющих компонентов, следующие типы фразеологизмов: 1) фразеологические единицы, смысловое содержание которых не имеет связи со значениями их компонентов, 2) фразеологические единицы, «значение которых имеет мотивированность» и 3) фразеологические единицы, значение которых «соотносится с семантикой их составляющих, т. е. совпадает с переносными значениями всех или нескольких компонентов»⁴¹. Как видно из классификации, состав фразеологических единиц башкирского языка представлен в целом теми, для которых характерна образность. Но в число фразеологизмов включены и необразные единицы языка (вторая группа первого типа). Если под образностью понимать возможность мотивировки значения фразеологической единицы (так понимает ее З. Г. Ураксин), то следует признать, что этого признака лишены фразеологические единицы первого типа. По существу, не обладают образностью и фразеологизмы-термины, образованные в результате переосмысления исходного значения сочетаний слов. Вот почему З. Г. Ураксин справедливо считает, что образность присуща не всей совокупности фразеологических единиц, а только их подавляющему большинству⁴².

Изучение единиц фразеологии на основе узкого подхода к пониманию их сущности привело к возникновению учения об идиоматических сочетаниях — идиоматике, которую одни тюркологи считают частью фразеологии, другие — самостоятельным разделом языкознания.

Известен ряд ценных работ, посвященных изучению идиом тюркских языков⁴³.

Большой интерес представляет, по нашему мнению, например, докторская диссертация Г. Х. Ахунзянова⁴⁴, являющаяся результатом мно-

³⁹ З. Г. Ураксин. Указ. раб., стр. 8.

⁴⁰ Там же, стр. 6.

⁴¹ Там же, стр. 9—13.

⁴² Там же, стр. 9.

⁴³ Более подробно история изучения фразеологических единиц тюркских языков рассматривается нами в работе: «Изучение фразеологических единиц в тюркологии» (см. сб.: «Чувашский язык и литература». Труды ЧНИИ, вып. 59. Чебоксары, 1975).

⁴⁴ Г. Х. Ахунзянов считает термин «фразеология» неудачным ввиду его многозначности и предлагает заменить его термином «идиоматика» или «идиомология». См.: Г. Х. Ахунзянов. Идиомы (исследование на материале татарского языка). Казань, 1974, стр. 11.

голетнего синхронного изучения татарского языка на основе богатого фактического материала.

Г. Х. Ахунзянов считает учение об идиомах самостоятельным разделом языкознания. По его мнению, идиоматика — это дисциплина, соотносящаяся с лексикологией: «... Соотносительность и соположенность лексикологии и идиоматики, — утверждает он, — заключается в том, что слово, т. е. лексическая единица, является элементом лексической системы языка и предметом лексикологии, а идиома входит в идиоматическую систему того же языка и представляет собой объект идиоматики, или идиомологии (идиомоведения)»⁴⁵. Определяющими признаками идиомы, по утверждению автора, являются: 1) воспроизводимость (идиома — это «выражение, являющееся единицей языка»); 2) многокомпонентность (идиома — это «выражение, а не отдельное слово»; 3) специфичность семантики (она проявляется в своеобразном отношении, складывающемся между значением идиомы в целом и значениями составляющих компонентов); 4) идиома является объектом лексикографирования. На основе этого четко выделенного комплекса признаков Г. Х. Ахунзянов дает следующую дефиницию идиомы: «...Идиома есть воспроизводимое выражение, образованное минимум из двух слов и (или условно приравняемых к ним звуковых комплексов) отличающееся специфичностью своего значения, а иногда и грамматической выраженностью одновременно, и являющееся объектом лексикографирования»⁴⁶.

Объектом идиоматики современного татарского языка, по мнению Г. Х. Ахунзянова, являются следующие разряды идиоматических сочетаний: 1) поговорки («поговорка как самый распространенный разряд идиом»); 2) пословицы («пословица как афористическая идиома»); 3) идиомы, представляющие собой промежуточный разряд между поговоркой и пословицей; 4) идиомы с конечным компонентом в форме *-ган* (например, *этын урлаткан сараен биклеген* 'тот, у которого украли коня, запер свой сарай'); 5) аналитические идиомы (например, *кызыл юл* 'красная строка', *ак олимпиада* 'белая олимпиада'); 6) лексико-грамматическая идиома [например, *ир уртасы* (в значении *урта ишьләрдаге ир*) 'мужчина средних лет' букв. 'средний мужчина']; 7) идиомы в форме несинтаксического словосочетания (например, *баш чаклы* 'крупный, большой', *адым саен* 'на каждом шагу', *егәр дә мәгәр* 'если'); 8) двуглагольная бинарная идиома (например, *сатын алу* 'купить'); 9) кинетическая идиома (например, *кул чобу* 'рукоплескать, аплодировать'); 10) крылатое выражение; 11) идиомы-термины; 12) необразная идиома (идиома, «не обладающая виртуально-экспрессивным значением») ⁴⁷.

Г. Х. Ахунзяновым систематизирован огромный материал идиоматики татарского языка, большинство разрядов сочетаний слов совершенно справедливо отнесены им к единицам идиоматики.

Тем не менее при внимательном рассмотрении выясняется, что в составе идиом, приведенных Г. Х. Ахунзяновым, оказался неоднородный в структурно-семантическом отношении материал, не все разряды идиоматических сочетаний, по-видимому, согласуются с дефиницией идиомы, данной исследователем. Так, например, выделение так называемых аналитических идиом противоречит утверждению Г. Х. Ахунзянова о том, что компоненты идиом не могут быть квалифицированы как слова в лексикологическом смысле⁴⁸. В сочетаниях *кызыл юл*, *ак олимпиада*, *шар ачу* все компоненты полностью сохраняют категориальные признаки

⁴⁵ Г. Х. Ахунзянов. Указ. раб., стр. 6.

⁴⁶ Там же, стр. 9.

⁴⁷ Там же, стр. 13—26.

⁴⁸ Там же, стр. 9—10, 24.

слов, семантика их совершенно прозрачна, хотя реализация значений первых компонентов контекстуально обусловлена. В русской лингвистической литературе сочетания слов, в которых один компонент имеет свободное значение, а другой — связанное, именуются фразеологическими сочетаниями. Однако Г. Х. Ахунзянов фразеологические сочетания в идиоматику не включает, считая, что это «не объект идиоматической и ромбовой части общих словарей»⁴⁹. Тем не менее все же часть так называемых фразеологических сочетаний у него оказалась в составе идиом.

Г. Х. Ахунзянов делит идиомы на два типа: цельнозначные и аналитические. Идиомам первого типа, по его мнению, свойственна раздельно-оформленность выражения при целостности содержания. Идиомы второго типа (к ним прежде всего относятся аналитические идиомы) отличаются тем, что их значение имеет аналитический характер. Выделение двух типов идиом привело исследователя к необходимости уточнить дефиницию идиомы и определить каждый ее тип в отдельности⁵⁰.

Цельнозначные идиомы в свою очередь делятся автором на идиомы-словосочетания и идиомы-предложения. По мнению Г. Х. Ахунзянова, значения семантически цельнозначной идиомы-словосочетания имеют форму понятия, а для цельнозначной идиомы-предложения (а именно, пословицы или поговорки) характерно значение, соотносимое с логическим суждением. Однако, несмотря на признание качественных структурно-семантических различий, существующих между идиомами-словосочетаниями и идиомами-предложениями, Г. Х. Ахунзянов рассматривает их в одном ряду. На примере пословицы *А диган кеше Б — не да ай-шергэ тиеш* 'Кто сказал А, тот должен сказать Б' он доказывает, что субъект и предикат идиомы-суждения выражаются так же условно, как условно, например, разложение и покомпонентное толкование оборотов типа «делать из мухи слона», причисляемых исследователем к типичным образцам семантически целостных единиц. Но приведенный пример наглядно показывает, что семантическая расчлененность пословиц — явление не условное, а реально возможное, ибо в них каждый компонент обладает самостоятельным, вполне определенным значением, выражаемым лишь в окружении слов, составляющих данную пословицу.

Таким образом, у Г. Х. Ахунзянова в составе идиоматики оказался широкий круг разнородного по своей семантике и структуре материала: аналитические идиомы (часть традиционных фразеологических сочетаний; Н. Н. Амосова называет эти сочетания слов «фразами»⁵¹), цельнозначные идиомы — фразеологические сращения, фразеологические единства, пословицы и поговорки с переосмысленным значением. Пословицы и поговорки, употребляющиеся в буквальном смысле, Г. Х. Ахунзянов называет «мнимыми идиомами» и в состав идиом не включает, хотя они, на наш взгляд, также характеризуются признаками сочетания слов, названных автором идиоматическими. По существу границы идиоматики, определенные исследователем, оказались несколько шире границ фразеологии в узком ее значении. В общем, такое расширенное толкование понятия идиомы, кажется, не противоречит ее дефиниции, данной Г. Х. Ахунзяновым. Большинство сочетаний, квалифицируемых им как идиомы, отличается специфичностью значения. Однако остается не совсем ясным, какое содержание вкладывается Г. Х. Ахунзяновым в понятие «специфичность значения». Сущность данного признака, по нашему мнению, осталась нераскрытой.

⁴⁹ Г. Х. Ахунзянов. Указ. раб., стр. 8.

⁵⁰ Там же, стр. 41, 47.

⁵¹ Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 59.

В целом же работа Г. Х. Ахунзянова «Идиомы» отличается многоплановостью, глубиной содержания и представляет собой значительный вклад в изучение тюркской фразеологии.

Как показывает рассмотренный материал, в тюркологии все еще нет единого определения сущности предмета фразеологии.

Для определения фразеологической единицы лингвисты выдвигают не один какой-нибудь признак в качестве дифференцирующего, а, как правило, целый комплекс признаков, количество которых колеблется от двух (минимум) до восьми (максимум). Исследователи часто не объясняют до конца, какой смысл вкладывается ими в тот или иной выдвигаемый ими признак, не указывают, какой из выделенных признаков является определяющим, основным для дефиниции фразеологической единицы. В зависимости от выбранных признаков по-разному определяется объем фразеологии, который то предельно расширяется, то максимально сужается.

Такое многообразие взглядов на предмет фразеологии объясняется, во-первых, сложностью ее проблем, во-вторых, тем, что изучение тюркской фразеологии началось сравнительно недавно. Но в то же время это многообразие точек зрения отражает ведущиеся упорные поиски путей установления точных границ объекта фразеологии и четких критериев определения фразеологической единицы.

Д. М. НАСИЛОВ

В. В. РАДЛОВ И ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ*

(К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

В плеяде востоковедов конца XIX и начала XX века особое место принадлежит академику В. В. Радлову, крупнейшему исследователю тюркских языков и диалектов, неутомимому собирателю новых лингвистических материалов по языкам Сибири и первому их интерпретатору, большому знатоку тюркских древностей. В. В. Радлов — выходец из Германии, и начало его пути в науке связано с немецкой лингвистической школой того времени¹. Он был учеником известного немецкого ученого В. Шотта, побудившего его заняться исследованием урало-алтайских языков.

Когда говорят об отношении В. В. Радлова к алтайской проблеме, обычно ссылаются на слова Л. Я. Штернберга, отмечавшего, что В. В. Радлов в целом скептически относился к вопросу о родстве алтайских языков, хотя в последние годы своей жизни склонялся к точке зрения, развитой в работах М. А. Кастрена². Такая оценка справедлива лишь в том смысле, что В. В. Радлов специально не занимался алтаистическими проблемами. Действительно, «он был тюркологом и только им»³: изучение тюркских наречий, собирание и публикация материала, работа над письменными памятниками, издание памятников рунической письменности и древнеуйгурского языка, лексикографические исследования полностью захватили его. Однако Радлов был прямым учеником В. Шотта, много занимался маньчжурistikой⁴, мечтая восполнить пробелы в изучении тунгусо-маньчжурских языков (В. Шотт неоднократно в своих работах высказывал сожаление о скудности этого ценного для алтаистики материала); в Германии В. В. Радлов слушал также лекции Потта, Боппа, Штейнталя, а в России он всегда находился в контакте с ведущими лингвистами. Поэтому было бы неправильным считать, что алтаисти-

* «Из истории алтаистики». Статья вторая; см. также: «Тюркологический сборник. 1974». М., 1978, стр. 90—108; «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 77—93.

¹ Э. Р. Тенишев. В. В. Радлов — фонетист и грамматист. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972, стр. 32—41; см. также: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». Под ред. А. Н. Кононова. М., 1974, стр. 241—245.

² Л. Я. Штернберг. Кастрен — алтаист и этнограф. — В кн.: «Памяти М. А. Кастрена». Л., 1927, стр. 47.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, стр. 100. О научной деятельности В. В. Радлова в различных областях тюркологии см. материалы в посвященном его памяти «Тюркологическом сборнике. 1971». М., 1972, в котором приведена и обширная библиография.

⁴ См.: В. В. Бартольд. Памяти В. В. Радлова. 1837—1918. — «Известия Русского географического общества», т. IX, 1918, вып. I. Пг., 1919, стр. 167—168.

ческие проблемы вообще не интересовали ученого. Некоторое представление о его взглядах, по крайней мере в казанский период деятельности, дает «Фонетика северных тюркских языков»⁵, где ряд фонетических явлений в тюркских языках излагается им в сравнении с другими алтайскими языками. Для этого автором широко привлекаются данные монгольского, калмыцкого и бурятского языков (часто в разговорной форме)⁶, а из тунгусо-маньчжурских языков — факты маньчжурского языка, записанные В. В. Радловым у носителя сибирского диалекта, что интересно уже само по себе⁷.

В. В. Радлов также исходил из того, что историческое исследование урало-алтайских языков возможно лишь на базе тщательного изучения их диалектов, и это может в определенной степени компенсировать отсутствие древних письменных памятников. Он рассматривал тюркские языки в качестве членов широко разветвленной семьи урало-алтайских языков, так далеко отстоящих друг от друга в грамматическом и лексическом отношениях, что их ныне трудно считать близкородственными. Опираясь на проявление отдельных фонетических процессов в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языках, В. В. Радлов признавал, что членение урало-алтайской языковой общности было разновременным, а в возникавших в результате этого языковых группах развитие языков также не шло параллельно. Разные этапы такого развития могут быть прослежены даже внутри одной группы, как, например, в тюркских языках. К алтаистическим проблемам В. В. Радлов чаще всего обращался в связи с анализом структуры тюркского корня и звуковых соответствий по языкам, а также при изложении своего понимания сущности гармонии звуков.

В. В. Радлов не высказывался категорично за сведение всех тюркских слов к одним трехбуквенным корням, наоборот, он допускал существование значительного числа ныне неразложимых многосложных корней, хотя и не отрицал, что на уровне дотюркского (*vortürkisch*) периода возможно функционирование, а значит, и сопоставление именно односложных корней. Эта точка зрения определяла его подход к задачам тюркской и общеалтайской этимологии. Цель первой, как, впрочем, и этимологии любой отдельной группы алтайских языков, В. В. Радлов видел в выделении или установлении синхронно неразложимых корней. После такой исчерпывающей обработки слов каждой группы языков возможно сравнение неразложимых корней (при обязательном учете фонетических и семантических закономерностей) в разных группах для выяснения общих первичных корней и путей их развития. Таким образом, высказывалась мысль о хронологически последовательной обработке лексики для выяснения меж- и общеязыковых морфологических структур и их последующей глубинной этимологизации. С этих позиций В. В. Радлов критиковал Г. Вамбери за отсутствие научных принципов и за его тюркские этимологии, игнорировавшие указанные требования и строившиеся на вольных звуковых и семантических соответствиях⁸.

⁵ W. Radloff. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I. — Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1881—1882.

⁶ В Казани Радлов имел возможность обсуждать языковые примеры с известным монголистом А. Бобровниковым, автором «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (Казань, 1849).

⁷ См.: W. Kotwicz. Travaux de W. Radloff relatifs à la langue mandchoue. — «Rocznik Orientalistyczny», 1938, XIV, стр. 103—112. В архиве В. В. Радлова хранятся некоторые его материалы по маньчжурскому языку — см.: Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, 2.

⁸ См.: W. Radloff. Указ. раб., стр. 141—143, 146—151, 197—198 и др.

В. В. Радлов первым применил к тюркскому материалу идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о морфологической значимости фонетических явлений⁹. Связывая гармонию гласных с особенностью агглютинативного строя тюркских языков, В. В. Радлов видел морфологическое значение ее в организующей и цементирующей силе, объединяющей в одно целое морфологические слоги (корни и аффиксы) в каждом тюркском слове, при сохранении самостоятельности и неизменности корня, а также известной стабильности аффиксов, где «нюансируют только гласные, самая подвижная составная часть последних»¹⁰. Сравнение тюркских языков между собой, с одной стороны, и языковых групп внутри урало-алтайской семьи — с другой, выявляет различные ступени гармонии гласных, что свидетельствует, по мнению В. В. Радлова, о неодинаковой интенсивности в этих языках процесса агглютинации. На данной основе возможно расклассифицировать не только тюркские языки, но и группы алтайских языков (такой подход совпадал с положениями И. А. Бодуэна де Куртенэ о классификации языков по неким стабильным структурным признакам)¹¹. По уровню развития гармонии гласных урало-алтайские языки распадаются на три группы: 1) языки, в которых гармония выступает преимущественно как фонетическое явление, без очевидной морфологизации («самоедские языки» — по данным М. А. Кастрена); 2) языки, где вокализация корня и аффиксов явно подчиняется правилам гармонии, хотя и не столь последовательно (тунгусские языки); 3) языки со строгими закономерностями гармонии гласных (финские, монгольские, тюркские — в каждой группе эти закономерности проявляются по-разному). В последней группе языков явление гармонии гласных полностью морфологизировано, гармония стала «господствующим в языке принципом образования» словоформ и слов, в то же время, например, тунгусские языки, показывая иную степень гармонии, представляют собой «более ранний период урало-алтайского языкового развития» (это касается степени и регулярности охвата гармонией комплекса *корень + показатели*), хотя само это явление, как присущее агглютинативному строю, очень древнее¹². Сравнение губной гармонии в алтайских языках также дает основания заключить, что она была уже достаточно развита к моменту членения тюркских, монгольских и тунгусских языков¹³. В вопросе о древности гармонии В. В. Радлов сближался с О. Бётлингом, хотя категорически отрицал объяснение ее особенностями организации органов речи у урало-алтайских народов (Штейнталевская реализация духовной деятельности)¹⁴, при этом возражал Л. Адану, который, основываясь на анализе памятников венгерского языка, считал гармонию поздним явлением. Таким образом, в «Фонетике» В. В. Радлова много

⁹ См.: А. А. Леонтьев. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ. — В кн.: «И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти)». М., 1960, стр. 23—24; В. Н. Топоров. И. А. Бодуэн де Куртенэ и развитие фонологии. — Там же, стр. 33—35; Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969, стр. 123—150.

¹⁰ См.: W. Radloff. *Phonetik*, стр. 50—55; ср.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Подробная программа лекций в 1876—1877 учебном году. — В кн.: «И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию», т. I. М., 1963, стр. 103—104.

¹¹ Интересно, что В. В. Радлов пользовался, как и И. А. Бодуэн де Куртенэ, фонетическими критериями для относительной хронологизации языкового развития; см., например, его периодизацию развития чувашского вокализма, представленную в «Фонетике».

¹² В связи с этим вопросом сводку некоторых позднейших мнений см.: Th. A. Sebeok. The Meaning of «Ural-Altaic». — *Lingua*, vol. II, 2, 1950, стр. 129—137.

¹³ W. Radloff. *Phonetik*, стр. 50—63.

¹⁴ См.: О. Бётлингк. О языке якутов. — «Ученые записки Императорской Академии наук», т. I, вып. 4. СПб., 1853, стр. 409—410.

места было уделено обоснованию на урало-алтайском фоне положения о гармонии гласных в тюркских языках как средства морфологической консолидации слова и средства словоразграничения, что признается ныне большинством тюркологов¹⁵. Были затронуты и некоторые другие частные вопросы, например, о сингармонических вариантах слов, о долгих гласных, о месте чувашского языка среди тюркских и других алтайских языков, о методике анализа заимствований.

Как видно, в «Фонетике» представлена совершенно четкая алтаистическая концепция автора. Значение этой работы для тюркологии трудно переоценить, ибо это было первое исчерпывающее сравнительное исследование фонетики тюркских языков, опирающееся на огромный для того времени фактический, в том числе диалектологический, материал. Кроме того, в книге многое дается в историческом аспекте и делаются первые шаги к пратюркской фонетической реконструкции. Однако, насколько нам известно, целостное рассмотрение всей системы радловских реконструкций еще не производилось, хотя некоторые ее фрагменты и рассматривались критически¹⁶. Алтаистическая значимость этой работы состояла в том, что она представляла собой первый положительный образец конкретных углубленных исследований на материале одной группы языков, отвечая насущным требованиям алтаистики. Результаты этой работы широко использовались позднее в разных областях алтаистики.

К общезыковедческим, а также и к алтаистическим проблемам в широком плане В. В. Радлов позже обратился еще раз в своей статье об изучении тюркской морфологии¹⁷. Говоря о морфологической классификации языков, В. В. Радлов касался соотношения гармонии в алтайских языках, возникновения агглютинации, проблемы генезиса аффиксов и корней, исторического развития последних. Теоретические вопросы, поднятые в этой статье, были критически проанализированы И. А. Бодуэном де Куртенэ в «Заметках на полях сочинения В. В. Радлова», где изложены также взгляды и самого автора на обсуждаемую проблему¹⁸.

В своей статье В. В. Радлов предложил новый — уточненный, по сравнению с его «Фонетикой» — вариант группировки урало-алтайских языков по их родственным связям и с учетом степени использования гармонии гласных как средства морфологической консолидации слова. В западную группу попадали финно-угорские языки («самоедские», «угорские», «финские»), восточную группу составляли тунгусские, монгольские и тюркские языки¹⁹. Последние характеризуются последовательной палатальной гармонией и наличием лабиальной. Агглютинация аффиксов, помимо гармонии, может сопровождаться рядом фонетических изменений межморфемных стыков, которые также служат усилению связей

¹⁵ См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 65—76. О фонологической интерпретации этого явления см.: М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-филологического исследования. М., 1965; В. А. Виноградов. К интерпретации сингармонизма как морфологического явления. — В кн.: «Проблемы структурной лингвистики. 1971». М., 1972, стр. 342—353; Г. П. Мельников. Несколько «почему» из области азербайджанского вокализма. — В кн.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 196—208.

¹⁶ Ср.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков (здесь приводится обширная библиография).

¹⁷ W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — «Записки Императорской Академии наук», VIII сер. По историко-филологическому отделению, т. VII. СПб., 1906, № 7, стр. 3—35.

¹⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова. — «Живая старина», вып. II—III. СПб., 1909, стр. 191—205.

¹⁹ W. Radloff. Einleitende Gedanken..., стр. 21—22.

между морфемами (корневая — словообразовательная — словоизменятельная). Подобные явления В. В. Радлов определил как «гиперагглютинацию». Среди них он указывал, например, выпадение и вставку гласных, возникновение долгот, дифтонгизацию, различные типы ассимиляции согласных звуков. «Гиперагглютинация» дает простор процессам опрощения и переразложения, приводящим, в конечном итоге, к сдвигу границ между морфемными компонентами: между корнем и словообразующим аффиксом, между словообразующим и словоизменятельным аффиксами (особенно внутри подобных аффиксальных групп). Указанные явления, а также действие аналогии способствуют затемнению морфемного состава слов, формальному переразложению основ и аффиксов, возникновению сложных аффиксов²⁰. Рассмотренные и проиллюстрированные на материале агглютинативных языков (именно — тюркских), эти процессы, с точки зрения В. В. Радлова, принципиально мало отличаются от подобных же процессов в языках флективных. Как отметил ученый, распространение корней и развитие грамматических формантов и в тех, и в других языках идут сходными путями, однако в агглютинативных языках эти процессы протекают много медленнее и обязательно в рамках гармонии²¹. Устойчивость «языкового механизма» этих языков В. В. Радлов объяснял их агглютинативной сущностью, предполагающей действие определенных закономерностей в функционировании корневых и служебных морфем: 1) каждый формант («окончание») всегда несет одну и ту же функцию; 2) форманты, несущие разные функции, должны различаться фонетически; 3) исключены любые аномалии формантов; 4) каждый корень, как семантически заверченный, может без формальных показателей выступать в предложении в разных функциях, определяемых его позицией в предложении²².

Интересно также отметить, что В. В. Радлов рассматривал корень слова со словообразовательными аффиксами как единый комплекс («содержательная» часть слова), снабженный необходимыми аффиксами словоизменения («формальная» часть слова). Таким образом, он осознавал разную природу словообразовательных (в широком смысле — деривационных) и словоизменятельных (формальных, реляционных) показателей в тюркских и других алтайских языках. Касаясь этимологии формальных показателей в тюркских языках, В. В. Радлов указывал, что большинство аффиксов (как продуктивных, так и непродуктивных) возникло в ранние эпохи, предшествовавшие появлению древнейших тюркских письменных памятников, частично в периоды нераздельного существования тюркских языков с родственными им другими алтайскими языками. Поэтому попытка выяснить происхождение каждого из этих показателей, аффиксов оказалась бы несостоятельной²³.

Углубленная разработка некоторых вопросов теоретической грамматики алтайских языков, выяснение действия их «языкового механизма», представленные в «Фонетике», «Вводных замечаниях о морфологии» (мысли о фонологической значимости гармонии звуков, фузии аффиксов, устойчивости строя, возникновении аффиксов и т. д.) и в других работах В. В. Радлова, способствовали прогрессу алтаистических исследований.

В связи с изложением взглядов В. В. Радлова уместно обратиться для сравнения еще к двум алтаистическим работам, посвященным фоне-

²⁰ W. Radloff. Einleitende Gedanken., стр. 21—34. Ср: А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, стр. 108—120.

²¹ Там же, стр. 35.

²² Там же, стр. 18.

²³ Там же, стр. 29, 33.

тике. Первая из них²⁴, написанная до выхода в свет радловской «Фонетики» французским лингвистом Люсьеном Адамом (Адамом), затрагивает широкий круг проблем на материале урало-алтайских языков. В пяти главах этой работы последовательно рассмотрены следующие вопросы: схема развития вокализма и соответствий гласных по рядам (глава «Психология»), классификация гласных по шкале Гельмгольца (глава «Акустика»), основы гармонии (деление гласных на сильные — *о, и, а, е*, слабые — *ö, ü, é, i* и нейтральные — *é, i*), проявление гармонии в урало-алтайских языках и ее разновидности (пять типов: бинарная/тринарная, абсолютная/частичная, простая/сложная, полная/частичная, нормальная/ненормальная), соотношение согласных с законами гармонии гласных (распределение *k—g, q—k*), гармония вне урало-алтайских языков (зандский, кельтские, германские, дравидийский); возникновение и функция гармонии. В последнем разделе Л. Адам высказывал мнение о роли гармонии как средства трансформации корня и суффиксов в одно целое, то есть точку зрения, сходную с положением В. В. Радлова, но не столь фонологически направленную. Исходя из первично односложной трехзвучной структуры алтайского корня, Л. Адам рассматривал существующие многосложные слова как результат слияния некогда самостоятельных корней в одно слово при консолидирующей роли гармонии, развившейся на основе фонетических процессов ассимиляции звуков и акцентуальных сдвигов²⁵.

Через четырнадцать лет после радловской «Фонетики» появилась работа австрийского ученого И. Грунцеля о гармонии гласных в алтайских языках, то есть тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских²⁶. Автор использовал новейшие данные по языкам и прежде всего «Фонетику» В. В. Радлова, заслуги которого в данной области он оценил очень высоко. Основываясь на выводах В. В. Радлова, И. Грунцель устанавливает семь закономерностей в реализации гармонии по отдельным алтайским языкам в зависимости от ее полноты и последовательности, степени охвата звуков внутри всего слова. Особое внимание он обращает на проявление гармонии в морфологии: в односложных аффиксах с широкой и узкой гласной, в двусложных аффиксах, а также в случаях сложения слов (см. работы В. Шотта — числительные, слова типа тюрк. *bügün, päñin* и др.). Обзор гласных по алтайским языкам и проявление закона гармонии позволили И. Грунцелю прийти («не перенося индоевропейских реконструкций или точек зрения других алтаистов») к утверждению, что «все гласные восходят к трем праязыковым гласным (Grundvocale) — *a, i, u*» и «что все остальные гласные формации есть результат развития этих основных гласных в ходе совершенствования „механизма языка“»²⁷, охватывающего четыре периода. Первой по времени и основополагающей была палатальная аттракция, а лабиальная — явление относительно позднее; еще позже произошла дивергенция узких *i—y* (ср. якутский язык)²⁸. Возникновение гармонии И. Грунцель был склонен объяснить физиологическими причинами, ибо гармония в алтайских язы-

²⁴ L. Adam. De l'harmonie des voyelles dans les langues Ouralo-altaïques. Paris, 1874.

²⁵ L. Adam. Указ. раб., стр. 60—76.

²⁶ J. Grunzel. Die Vocalharmonie der altaïschen Sprachen. — «Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften zu Wien», phil.-hist. Kl., Bd. CXVII, III. Abt., 1888 (1889), стр. 1—42.

²⁷ Там же, стр. 35.

²⁸ Там же, стр. 35—39. Анализ этой гипотезы см.: J. Krámský. Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaïschen Sprachen. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 106, H. 1 (N. F., Bd. 31). Wiesbaden, 1956, стр. 126 и сл.; М. А. Черкасский. Указ раб., стр. 113—127; А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 138—142.

ках предстает как постепенно увеличивающаяся естественная сила притяжения физиологически родственных звуков, чему особенно способствовала чрезвычайно простая система звуков в данных языках, хотя, возможно, зачатки гармонии имеются и в других языках. На известных этапах допустимо воздействие морфологических факторов, но его не следует считать ведущим, как это делает В. В. Радлов (а, следовательно, и И. А. Бодуэн де Куртенэ); в противном случае, по мнению И. Грунцеля, нельзя объяснить, почему же не все агглютинирующие языки имеют одинаково развитую гармонию²⁹. Правда, здесь И. Грунцель упускал из виду, что В. В. Радлов связывал степень развития гармонии с интенсивностью процесса агглютинации в каждом языке.

Данная работа И. Грунцеля примечательна тем, что в ней впервые в алтаистике была сделана попытка реконструкции праалтайского вокализма и анализа его поэтапного развития. С другой стороны, эта работа показывала, что глубокая алтаистическая реконструкция, не основанная на серии ближних реконструкций по отдельным языкам и семьям языков, оказывается умозрительной, во многом необубедительной и бездоказательной. И не случайно поэтому часть работы, посвященная тюркологии и базировавшаяся на большом конкретном материале и построениях В. В. Радлова, представляется наиболее интересной.

Естественно, В. В. Радлов, занимаясь сравнительной фонетикой тюркских языков, делясь своими мыслями об особенностях их морфологического строя, конечно, не ставил перед собой задачи развивать алтайское языкознание. Но объективно и эти его работы, и другие многочисленные труды по живым и мертвым тюркским языкам сыграли исключительно важную роль в развитии алтаистики. «Образцы народной литературы тюркских племен», «Опыт словаря тюркских наречий», труды по орхон-енисейским и древнеуйгурским памятникам предоставили в распоряжение ученых необозримый и чрезвычайно необходимый материал по самым многочисленным — тюркским — алтайским языкам. В теоретических работах В. В. Радлова были высказаны верные и прогрессивные для того времени идеи о грамматическом строе не только этих, но и вообще всех урало-алтайских языков в целом. И не случайно поэтому имя В. В. Радлова не сходит со страниц алтаистических работ уже многие десятилетия.

²⁹ *J. Grunzel*. Указ. раб., стр. 40—42.

РЕЦЕНЗИИ

А. Н. КОНОНОВ. ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО «НАУКА», ЛЕНИНГРАД, 1976, 120 стр.

Систематическое изучение истории тюркского языкознания советскими языковедами было начато в 1950-х годах. Ведущая роль в этой области тюркологии, несомненно, принадлежит академику А. Н. Кононову: за последние двадцать лет истории тюркских языков им посвящены четыре книги и целый ряд статей, напечатанных в различных сборниках и журналах¹. Внимание научной общественности привлекла и новая работа А. Н. Кононова «Очерк истории изучения турецкого языка».

Как известно, турецкий язык, начиная с XV—XVII веков, стал объектом изучения в европейских странах. А. Н. Кононов в рецензируемом очерке дал краткий обзор истории изучения турецкого языка в Западной Европе, России — СССР, Турции, США, Японии.

Рецензируемая книга включает: предисловие, введение и шесть частей собственно очерка.

Во вводной части книги содержатся краткие сведения о государстве сельджукской династии в Малой Азии. Автор останавливается на истории тюркских племен: *кыныков, кайы, авшаров, баюндуров* и других — предшественников современных турок.

Первая часть «Очерков» содержит обзор истории изучения турецкого языка в Западной Европе и некоторые сведения о турках, их обычаях и языке из наиболее ранних источников.

Как пишет А. Н. Кононов, первые данные о турках, об их нравах и языке были сообщены уроженцем Баварии, неким баварским дворянином Иоганном Шильтбергером (1381—1440). Примечательно, что И. Шильтбергер, плененный войсками султана Баязета 28 октября 1396 года, был первым европейцем, включившим в свои записи образцы турецкого связного текста, записанного им латинскими буквами.

А. Н. Кононов не ограничивается кратким изложением содержания записей средневековых авторов о турецком языке. В возможных случаях он сообщает биографические данные и любопытные факты из жизни авторов этих первых работ. Весьма интересны, например, сведения о судьбе немца — «Мюльбахского студента», воина венгерской армии Бартолея Георгиевича, итальянца Филиппа Ардженти, составившего в 1533 году учебное пособие, ставшее известным под названием «Правила турецкого языка и словарь имен и глаголов» и изданное в Италии в 1938 году.

Привлекает внимание и сообщение о Геннадии Схолярини (умер в 1468 году), авторе известной книги «Изложение христианской веры». Работа Г. Схолярини еще в 1456 году была переведена Ахмедом-эфенди с греческого языка на турецкий.

Француз Гильом Постель (1520—1581), много раз посещавший Турцию, был первым европейцем, составившим грамматику турецкого языка.

¹ А. Н. Кононов. Из истории изучения турецкого языка в России (до XX столетия). — «Тезисы докладов по секции востоковедческих наук научной сессии ЛГУ». Л., 1953; *его же*. Из истории отечественной тюркологии. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVI, 1953; *его же*. Из истории русской тюркологии (до XIX в.). — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели». М.—Л., 1960; *его же*. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. — «XXV международный конгресс востоковедов». М., 1960; *его же*. Тюркология в Ленинграде (1917—1967). — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XXV, 1960; *его же*. Востоковедение (1724—1803; 1803—1917). — «История Академии наук СССР», т. I. М.—Л., 1958; т. II. М.—Л., 1964; *его же*. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968; *его же*. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972; «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» с участием и под редакцией А. Н. Кононова. М., 1974.

Что же касается известной работы немецкого гуманиста, историка и переводчика Иеронима Мегизера «*Institutiones Linguae Turcicae Libriguatuor*» (1612), то она представляет собой первую в истории языкознания печатную грамматику одного из тюркских языков — турецкого.

В первой части грамматики И. Мегизера рассматривается фонетика турецкого языка; вторая часть, названная «Этимологией», посвящена морфологическому строю турецкого языка. Автор подробно анализирует изменение частей речи и средства словообразования в турецком языке.

В третьей части грамматики И. Мегизером приводятся турецкие тексты, среди которых особого внимания заслуживают 220 турецких пословиц, поговорок, христианских молитв, переведенных на турецкий язык. Четвертая часть книги представляет собой латинско-турецкий и турецко-латинский словари, включающие по 2440 слов.

Известная грамматика турецкого языка, написанная французом Андре дю Риё «*Rudimenta Grammatices Linguae Turcicae*», вышедшая в свет в 1630 году в Париже, положила начало изданию в Европе многочисленных учебников и учебных пособий по турецкому языку.

Автор «Очерков» отмечает, что печатные издания грамматик и словарей турецкого языка в средние века выходили в основном в Италии, а также в Париже и Лейпциге. Так, в 1641 году в Венеции вышли из печати итальянско-турецкий и турецко-итальянский лексиконы с приложением к ним краткой грамматики турецкого языка. Монах-капуцин Бернардо да Париджи в 1665 году издал в Риме двухтомный «Итальянско-турецкий словарь, переведенный с гальского языка». В том же году этот словарь был переиздан в Риме в трех томах. Два года спустя, в 1667 году в Париже вышла из печати «Турецкая грамматика», сыгравшая большую роль в подготовке нескольких поколений тюркологов.

Как пишет А. Н. Кононов, интерес к изучению Турции и особенно турецкого языка значительно возрос в начале XVII века, когда могущество Османской империи достигло своего апогея, и она стала играть особенно большую роль в европейских делах. Примечательно, что именно в эти годы возникают своеобразные учебные заведения — первые драгоманские школы в Стамбуле, Риме, Париже, готовившие европейских специалистов по турецкому языку.

Интересны сведения об известном востоковеде-тюркологе XVII века Менинском и его тюркологических работах. Менинский получил известность среди европейских тюркологов как первый составитель наиболее полной грамматики турецкого языка, вышедшей в свет в 1680 году.

Грамматика Менинского основана на латинской лингвистической системе, однако в ней полнее и точнее очерчены границы частей речи, нежели в грамматиках, написанных И. Мегизером, Андре дю Риё и др.

В первой части рецензируемой книги А. Н. Кононов рассматривает историю изучения турецкого языка в Европе в целом и по отдельным странам: во Франции, Польше, Италии, Венгрии, Австрии, Англии, Германской Демократической Республике, Федеративной Республике Германии, Болгарии, Чехословацкой Социалистической Республике, Социалистической Федеративной Республике Югославии, Финляндии, Норвегии, Дании.

Вторая часть книги посвящена истории изучения турецкого языка в России и СССР. Автор устанавливает, что со времени царствования Петра I значительно возрос интерес к изучению турецкого языка. В 1780-х годах в России впервые были изданы грамматики по чувашскому и киргизскому языкам. Грамматика французского тюрколога Холдермана, дважды переведенная на русский язык, была издана в Петербурге (1776) и в Москве (1777). Позднее появляются первые оригинальные пособия по турецкому языку, среди которых выделяется учебное пособие О. И. Сенковского («Карманная книга для русских воинов в турецких походах», содержащая кроме разговорника и словарь, и «Основные правила турецкого разговорного языка»), изданное в Петербурге в 1828—1829 годах и положившее начало фундаментальной разработке грамматики турецкого языка в России.

А. Н. Кононов подчеркивает роль профессора М. Казем-Бека в изучении турецкого языка в России. Его «Грамматика турецко-татарского языка» вышла в свет в 1839 году (второе издание под названием «Общая грамматика турецко-татарского языка» вышло в 1846 году), ознаменовав собой новый этап в истории развития тюркологии не только в России, но и в Западной Европе. По мнению А. Н. Кононова, почти все грамматики турецкого языка, изданные в России во второй половине прошлого века и начале нынешнего столетия, заметно уступают грамматике М. Казем-Бека.

Далее автором рассматривается история изучения старосельджукских и староосманских письменных памятников, в опубликовании и исследовании которых большую роль сыграли видные русские тюркологи — В. В. Радлов, К. Г. Залеман, В. Д. Смирнов, А. О. Мухлинский, П. М. Мелиоранский, В. А. Гордлевский и др.

Что же касается истории развития лексикографических работ по турецкому языку, то автор не оставляет без внимания даже карманные словари турецкого языка, составленные в России. Он отмечает, что наиболее полный турецко-русский словарь, включавший около 30 тысяч слов и выражений, был составлен еще в XVIII веке. По неизвестным причинам этот словарь остался в рукописи.

А. Н. Кононов отмечает ряд словарей турецкого языка, изданных в XVIII—XIX веках Г. Рази, А. Ханджери, М. Казем-Беком, Л. М. Лазаревым, К. Мостром, М. А. Гамазовым, П. П. Цветковым и др.

Большое внимание уделяется в «Очерках» истории изучения турецкого языка в СССР. А. Н. Кононов подчеркивает, что изданные в 20-х годах «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка» А. Н. Самойловича (1925) и «Грамматика турецкого языка» В. А. Гордлевского (1928) сыграли большую роль в подготовке первого поколения советских тюркологов, к числу которых относится и сам автор, создавший первую в истории отечественной тюркологии капитальную грамматику турецкого языка.

За сорок пять лет своей научно-педагогической деятельности А. Н. Кононовым опубликовано множество пособий, статей и научных сообщений по турецкому языку, большинство из которых уже давно стали библиографической редкостью.

В третьей части книги рассматривается история изучения турецкого языка в самой Турции. Сообщаются краткие сведения о формировании в период XI—XIII веков анатолийско-тюркского литературного языка, на базе которого в XV—XVI веках сложился турецкий литературный язык. Автор различает три его функционально-социальных стиля: 1) *Fasih Türkce* — «высокостильный» турецкий язык, насыщенный словами, изафетами, заимствованными из арабского и персидского языков; 2) *Orta Türkce* — средний турецкий язык — язык горожан и служилой интеллигенции; 3) *Kaba Türkce* — «грубый» турецкий язык — язык крестьянских масс и низших слоев городского населения.

А. Н. Кононов упоминает почти все языковедческие работы турецких ученых по турецкому языку, среди которых выделяется известная грамматика турецкого языка «Музассиратул-улум», написанная в 1530 году турецким ученым Бергамалы Кадри на основе принципов классической арабской грамматической школы. Примечательно, что ее автор иногда отходит от канонов арабской грамматической системы, учитывая специфические особенности грамматического строя турецкого языка. Подобно Махмуду Кашгарскому, Бергамалы Кадри стремился раскрыть происхождение отдельных турецких слов.

А. Н. Кононов подробно останавливается на возникновении в турецком обществе движения за демократизацию турецкого языка, за его освобождение от арабских и персидских слов. Первым представителем этого движения был Айдынлы Висали (вторая половина XV века). В XVI веке наиболее видными сторонниками борьбы за «простой турецкий язык» были Татавали Махреми (ум. в 1535 году) и известный турецкий поэт Эдирнели Назми (ум. в 1554 году).

Идеальным языком, по мнению Татавали Махреми, был бы такой турецкий язык, в котором не только весь словарный состав был бы турецким, но «все аллегории и сравнения соответствовали бы вкусам турок и гению турецкого языка».

В XVIII веке движение за освобождение турецкого языка от иноязычных влияний возглавил шейх-уль-ислам Эсад-Мехмед-эфенди, создавший в 1732 году словарь, в котором исконные турецкие слова сопоставлялись с арабскими и персидскими заимствованными словами. Этот словарь переиздавался четыре раза.

Далее А. Н. Кононов пишет, что в борьбе за чистоту турецкого языка в XIX веке активную роль играло литературное общество «Сервет-и фюнун», основанное в 1890 году турецким поэтом Тевфиком Фикретом, издававшее научный журнал под тем же названием.

А. Н. Кононов подробно описывает новый этап борьбы за очищение турецкого языка от иноязычных влияний, в которой победа осталась за крайними пуристами, возглавляемыми Рауфом Мехмед Фуадом, предлагавшим исключить все арабские и персидские заимствования и заменить их турецкими словами, а в случае необходимости, вводить пужные слова из других тюркских языков.

А. Н. Кононов сумел воссоздать яркую картину движения защитников староосманской литературной традиции, противостоявших поборникам «простого турецкого языка». Автор вскрывает глубокие социально-исторические корни этой борьбы.

До середины XIX века турецкий язык в турецкой школе не преподавался. После введения в 1839 году обязательного преподавания турецкого языка в турецкой школе первой грамматикой турецкого языка в Турции стало пособие Ахмеда Джевдет-эфенди и Мехмеда Фуад-эфенди «Правила турецкого языка», вышедшее в свет в 1851 году и переведенное на немецкий язык в 1855 году.

Автор «Очерков» пишет о том, что все грамматики, созданные в Турции до 20-х годов XX века, основаны на принципах арабской грамматической системы, поэтому специфические особенности турецкого языка в большинстве случаев в этих работах остались нераскрытыми.

А. Н. Кононов подробно прослеживает историю возникновения и характерные особенности «солнечной лингвистической теории», несколько затормозившей развитие турецкого языкознания в период 30-х годов.

В книге дан обзор истории развития турецкой лексикографии, изучения фонетического и грамматического строя турецкого языка, истории изучения и публикации тюркоязычных письменных памятников.

История систематического изучения турецкого языка подразделена автором на следующие периоды:

I — с 1851 года до конца XIX века;

II — с конца XIX века по 1928 год (до введения латинского алфавита в Турции);

III — с 1928—1932 годов по настоящее время.

Как утверждает автор, для первого периода характерно безраздельное господство арабской грамматической системы, что-

нередко приводило к выпадению из поля зрения турецких лингвистов ряда особенностей турецкой грамматики, специфических черт ее синтаксиса.

Второй период развития турецкого языкознания характеризуется отходом (первоначально очень робким) от арабской схемы и постепенным переходом на позиции европейской грамматической школы, что явилось переломным моментом в истории изучения турецкого языка.

Третий период турецкого языкознания ознаменовался двумя событиями, имеющими исключительно важное значение: 1) заменой арабского алфавита латинским, 2) созданием Турецкого лингвистического общества, объединившего почти все активные научные силы страны.

В «Очерке» дан лаконичный обзор истории изучения турецкого языка в США и Японии (четвертая часть книги). Автор пишет, что в США изучением турецкого языка начали заниматься лишь в 1930-х годах, главным образом в университетах. Особенного внимания заслуживают исследования профессоров Колумбийского университета Тибора Холаши-Куна и К. Г. Менгеса.

Что же касается изучения турецкого языка в Японии в конце XIX — начале XX столетия, то, по сведениям автора, исследования японских ученых в области турецкого языка служили задаче изучения истории древних тюрков.

За последние полвека в японском языкознании наряду с историческими исследованиями все большее место отводится сравнительному изучению алтайских языков, непосредственно связанному с тюркологическими исследованиями.

Пятая часть книги А. Н. Кононова посвящена истории диалектологии. Автор отмечает, что диалектология — отстающая область турецкого языкознания. Эта часть работы написана более сжато.

В книге представлен перечень монографических и диалектографических работ по турецкому языку, публиковавшихся в России, СССР и за рубежом. Упоминаются исследовательские работы по диалектам турецкого языка польского ученого Т. Ковальского, финского тюрколога М. Рясянена, венгров Я. Куноша, Я. Экмана, Г. Хазай, Ю. Немета, турецких ученых О. Аксоя, З. Коркмаз, советского тюрколога А. Векилова и др.

К «Очерку истории изучения турецкого языка» приложены библиографические материалы, в том числе и список защищенных по турецкому языку диссертаций.

Думается, что «Очерк» А. Н. Кононова, займет достойное место среди изданий, без которых не может обходиться ни один специалист в области турецкого языка.

А. Курбанов, А. Шукторов

Б. ХОЖАЕВ. ТҮРКИ ДИЛЛЕРИҢ ГҮНОРТА-ГҮНБАТАР ТОПАРЫНДА ОРТАК ИШЛИК ФОРМАЛАРЫ

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ. АШГАБАТ, 1977, 244 стр.

Причастия, как известно, относятся к числу основных категорий в грамматической структуре тюркских языков. Образуюсь путем присоединения соответствующих аффиксов к глагольным основам, они выражают разнообразные грамматические значения и выполняют в предложении соответствующую синтаксическую функцию. В каждом отдельно взятом тюркском языке причастия отличаются некоторой спецификой.

Во многих тюркских языках причастия исследованы в синхронном и историческом аспектах. Однако обобщающие работы о причастиях до настоящего времени отсутствовали. Монография Б. Ходжаева в известной мере восполняет этот пробел.

Б. Ходжаев сопоставляет фонетические, морфологические и синтаксические особенности причастий в огузских языках: азербайджанском, туркменском, гагаузском и турецком. Автор подразделяет причастия в

зависимости от выражаемых значений на следующие группы: 1) с суффиксом *-ан/-ен*; 2) с суффиксом *-дык/-дик*; 3) с суффиксом *-мыш/-миш*; 4) с суффиксом *-ан/-йән*; 5) с суффиксом *-жак/-жек*; 6) с суффиксом *-ар/-ер*.

В соответствии с данной классификацией, привлекая большой фактический материал, автор анализирует как в синхронном, так и в диахронном аспектах грамматические и семантические особенности различных причастных форм, выражаемое ими понятие времени, рассматривает процесс их субстантивации, употребление со словообразующими суффиксами и их лексикализацию. Подробно освещаются в работе особенности функционирования причастных форм в литературных языках и диалектах.

Первая глава работы охватывает причастные формы на *-ан/-ен*. Автор приводит все фонетические варианты данного суф-

фикса в тюркских языках, заостряя внимание на формах, употребляющихся в огузских языках. Этимологию формы на *-ан/-ен* Б. Ходжаев связывает с суффиксом *-ган/-ген*, что представляется нам вполне убедительным. В отличие от турецкого, азербайджанского и гагаузского языков данная причастная форма в туркменском языке, в соответствии с небно-губной гармонией, употребляется в четырех вариантах: *-ан/-ен/-он/-өн*.

Формы на *-ан/-ен* в огузских языках автор связывает с выражением следующих временных значений: 1) прошедшего времени (в большей степени присуще туркменскому, в меньшей — другим огузским языкам); 2) настоящего времени (характерно для азербайджанского, турецкого и гагаузского языков); 3) времени вообще (характерно для устного народного творчества), 4) будущего времени (в азербайджанском, туркменском и гагаузском языках).

Автор останавливается на субстантивации различных форм причастий как без соответствующих аффиксов, так и с присоединением аффиксов количественности, принадлежности и падежа.

В монографии всесторонне освещается лексикализация причастных форм. Отметим особую продуктивность этого способа словообразования в истории тюркских языков.

Во второй главе рассматриваются особенности причастий с аффиксами *-дык/-дик*. Б. Ходжаев анализирует временные значения этих форм: 1) выражающих прошедшее время (в азербайджанском, турецком и гагаузском языках употребляются как утвердительная, так и отрицательная формы, в туркменском же преобладает отрицательная форма); 2) выражающих настоящее время (в большей мере это свойственно турецкому и азербайджанскому языкам); 3) иногда выражающих будущее время.

Третья глава посвящена причастной форме на *-мыш/-миш*, известной в древнетюркских письменных памятниках в вариантах *-мыш/-миш/-мыс/-мис*.

В связи с этимологией данного суффикса Б. Ходжаев обобщает высказывания по этому вопросу Н. К. Дмитриева, Г. И. Рамстедта, А. Н. Кононова и Н. З. Гаджиевой.

В четвертой главе особо рассматривается причастная форма на *-ан/-ён*, свойственная только туркменскому литературному языку; устанавливаются ее этимология и семантико-грамматические особенности. Автор отмечает варианты этой формы *-йан/-ён*; *-ын*, *-ин*; *-ён*; *-йан/-ёе/-ён/-ёон/-ёён*, представленные в диалектах туркменского языка.

В последней пятой главе монографии рассмотрены причастные формы на *-жак/-жек* и *-ар/-ер*. Автор справедливо указывает, что ряд слов является результатом лексикализации этих форм: *гана-чаг* 'понятливость, догадливость, вежливость, учтивость', *доланачаг* 'жизнь, существование, источники существования'; *јаначаг* 'топливо, горючее', *ісесек* 'питье, напиток', *оіесек* 'одежда, платье', *уіесек* 'пища, продукты питания', *сесекес* 'рожок (для обуви)', *алажжак* 'долг, задолженность', *донежжек* 'карусель' (стр. 188); *ачар*, *кесер*, *чекер*, *чапар*, *гезер*, *драмаз* (туркм.), *чыхар* 'расход', *кэлир* 'доход', *кэсэр* 'режущее оружие', *ачар* 'ключ' (азерб.), *сикар* 'выгода', *гелір* 'доход', *гидер* 'расход' (тур.) и т. д. (стр. 226).

Б. Ходжаев привлекает материалы всех предшествующих исследований и обобщает ранее приводившиеся наблюдения и факты. Автор не ограничивается изучением только огузских языков, благодаря чему работа приобретает общетюркологическое значение.

По своему теоретическому уровню, богатству рассматриваемых фактов монография Б. Ходжаева может быть расценена как значительное достижение туркменского языкознания. Нет сомнения, что она будет с интересом встречена тюркологами.

Ф. Р. Зейналов, Э. И. Азизов

МИНАЈӘ ЧАВАДОВА. ШАҢ ИСМАЈЫЛ ХӘТАИНИН ЛЕКСИКАСЫ («ДӘННАМӘ» ПОЕМАСЫ ҮЗРӘ)

«ЕЛМ» НӘШРИЈАТЫ. БАҚЫ, 1977, 213 стр.

В истории Азербайджана XVI век — время общественно-политического и культурного подъема. К этому периоду относится деятельность известного полководца, государственного деятеля и поэта Шах Исмаила Хатаи, заслуги которого в развитии

и обогащении родного азербайджанского языка исключительно велики. В его творчестве, явившемся продолжением лучших традиций классической восточной и тюркоязычной поэзии, проявилась также тесная связь с устно-поэтическими произведениями азерб.

байджанского народа, яркая образность общенародного языка.

До настоящего времени языковые особенности произведений Хатаи не были объектом специального изучения, и работа М. Джавадовой в значительной степени восполняет этот пробел.

Монография состоит из трех глав; к ней приложены словарь архаизмов и факсимиле рукописи «Дехнаме» — основного произведения поэта.

Первая глава посвящена истории изучения произведений Хатаи, сравнительному описанию рукописей «Дехнаме», хранящихся в библиотеках Ташкента, Ленинграда, Баку, Афганистана (Мазари-шариф). Автор монографии отмечает, что жизнь и творчество поэта были впервые освещены его сыном Сам Мирзой. В дальнейшем этой теме посвящали свои работы многие востоковеды: Е. А. Крымский, В. Минорский, М. Ф. Кёпрюлю, С. Мумтаз, Б. Чобанзаде, Г. Араслы, Г. Гасанов, А. Мамедов и др. Подход к материалу с новой точки зрения позволяет М. Джавадовой предложить свою методику анализа лексики Хатаи.

Во второй главе автором рассматривается процесс словообразования в произведениях Хатаи, в том числе анализируются лексические единицы, образованные морфологическим и синтаксическим способами. Тщательный анализ этого процесса позволяет автору раздвинуть исторические границы употребления определенных аффиксов. Так, например, согласно сложившейся традиции, наличие словообразовательного аффикса *-cılık* связывалось с литературным языком XVIII века (фиксировался у Вагифа и др.). М. Джавадова отмечает присутствие этого аффикса в языке произведений Хатаи (ср. *asıcılık*).

Автор дифференцирует лексические единицы с аффиксами азербайджанского языка, заимствованные лексические единицы со словообразовательными аффиксами, а также словообразующие и глаголообразующие аффиксы, выделяя их в самостоятельные группы и подвергая исследованию на основе соответствующей методики. Теоретические положения монографии глубоко обоснованы и подтверждаются иллюстративным материалом не только из произведений Хатаи, но и из других тюркоязычных письменных памятников той эпохи. Сравнительно-сопоставительный анализ фактического материала способствует всестороннему изучению языка поэта и объективности выводов автора.

Исследуя сложные лексические единицы, образовавшиеся синтаксическим способом, М. Джавадова наряду с азербайджанскими словами привлекает к изучению и лексику арабо-персидского происхождения, выявляя ее потенциальные семантические возможности в сравнительно-сопоставительном плане. Хатаи использовал лишь те заимствованные слова, которые были органически усвоены азербайджанским языком и подчинялись его общим законам. Естественно, что эти слова по семантике, а иногда и по форме

отличаются от исходного оригинала. Автором scrupulously рассматриваются самые тонкие нюансы их семантики и различия в их графическом отображении.

Не довольствуясь обычным структурным анализом, автор стремится объяснить семантические особенности отдельных лексических единиц, выявить изменение и развитие их семантических параметров.

Подробный структурно-семантический анализ обеспечивает строго научную лингвистическую интерпретацию самых различных особенностей лексики произведений Хатаи.

Третья глава монографии посвящена непосредственно рассмотрению лексического состава и эволюции семантики отдельных слов. Автором тщательно анализируются лексические единицы произведений Хатаи, употребляющиеся и в наше время, а также слова, воспринимаемые в современном азербайджанском языке как архаизмы. Семантические и стилистические особенности этих слов изучаются в их взаимосвязи. Особое внимание уделяется таким стилистическим явлениям языка, как синонимы, омонимы, антонимы. Автор стремится установить частотность их употребления.

Одним из неоспоримых достоинств рецензируемой работы является то, что семантическая эволюция слов прослеживается в ней на материале ряда тюркоязычных памятников, а также диалектов и говоров азербайджанского языка.

В лексике произведений Хатаи автором выделен архаичный пласт. Весьма интересно установить причины исчезновения этих слов из активного лексического фонда современного азербайджанского языка и замены их словами арабо-персидского происхождения. М. Джавадова отмечает, что некоторые из этих лексических единиц сохранились в диалектах и говорах, например: *агу* (лит. *эһар*) 'яд', *битик* (лит. *мәктүб*) 'письмо', *дај* (лит. *иши јашлы ат*) 'двухлетний конь', *даму* (лит. *чаһаннам*) 'ад', *әсан* (лит. *сағ, саламат*) 'здоровый', *сајру* (лит. *хәстә*) 'больной'. В настоящее время весьма трудно обнаружить следы некоторых лексических элементов, широко употреблявшихся Хатаи и другими классиками азербайджанской литературы, таких, например, как: *учмағ* (лит. *чәннәт*) 'рай', *нәснә* (лит. *шей, әшја*) 'вещь', *тапанча* (лит. *силлә*) 'пощечина', *тутун* (лит. *түстү*) 'дым', *ус* (лит. *ағыл*) 'ум', *ун* (лит. *сәс*) 'звук' и др.

Автор с характерным для ее работы широким охватом материала сопоставляет данные близкородственных тюркских памятников, рассматривая их в органической связи с последующим развитием азербайджанского литературного языка, и отмечает одно из интереснейших семантических явлений — полное или частичное изменение смысла некоторых слов в современном языке. Так, например: слово *билиш* у Хатаи встречается в значении «знакомый», в современном же языке оно употребляется только в составе парного слова *таныш-би-*

...лиш. Слово *ар* в древний период развития азербайджанского языка означало «человек, мужчина». В современном языке его семантический объем сузился, и оно встречается лишь в значении «муж».

Как отмечалось выше, автор уделяет особое внимание таким стилистическим явлениям языка, как синонимы, омонимы и антонимы. Их употребление обусловлено не только соответствующими эмоциональными факторами, но и стремлением выделить определенные нюансы данного объекта, то есть всестороннее и глубже его охарактеризовать (гносеологический аспект освещения). В то же время использование поэтом этих особенностей языка позволяет выявить его отношение к языковому материалу.

Антонимы рассмотрены М. Джавадовой в аспекте дихотомии язык/речь и подразделяются на две группы: абсолютные и относительные. К абсолютным антонимам относятся слова с противоположными значениями в плане общего языкового восприятия. Относительные же антонимы связаны с определенным контекстом и являются, таким образом, в какой-то мере плодом индивидуального творчества. Они непосредственно выражают авторскую установку. В языке такого поэта, как Хатаи, взаимозаменяемость и дополняемость абсолютных и относительных антонимов представляет собой интересное стилистическое явление, впервые рассматриваемое автором рецензируемой работы.

Синонимы исследуются в структурном аспекте: определяются синонимические ряды; группируются именные и глагольные синонимы; наряду с синонимическими рядами, компоненты которых заимствованы из

арабского и персидского языков, рассматриваются синонимические ряды, образованные из исконных азербайджанских слов.

Омонимы изучаются в основном с точки зрения их происхождения. Автор выделяет омонимы с заимствованным компонентом и омонимы, образованные на основе лексики самого азербайджанского языка.

Наряду с несомненными достоинствами в рецензируемой работе имеются и некоторые неточности и упущения. Так, на стр. 8 в числе слов исконно тюркского (азербайджанского) происхождения приводится заимствованное арабо-персидское *һәррмхана*. На стр. 72 толкование значения лексической единицы *јабан* 'поле, пустыня, запущенное место' кажется нам неполным. В приведенном из «Книги моего деда Коркута» примере слово *јабан* выступает в значении «сторонка», не отмеченном автором, ср.: *Мәрә чобанлар, бир киши јолда таш булса, јабанә атар*. М. Джавадова допускает неточность при определении происхождения звукоподражательного слова *зар-зар* (*ағ-ламағ*). Она относит это слово к разряду сложных лексических единиц, с обоими персидскими компонентами. Полагаем, что звукоподражательные слова (в данном случае *-зар-зар*) затруднительно относить к определенному языку.

Широкое монографическое исследование лексики Хатаи, безусловно, следует признать ценным вкладом в общую лексикологию азербайджанского языка, полезным как для историков языка, так и для изучающих творчество Хатаи.

З. И. Будагова, К. М. Абдуллаев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«СОВЕТСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛФАВИТОВ И ОРФОГРАФИЙ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР»

26—27 сентября 1977 года в Карачаевске проходила научная конференция «Советский опыт создания и усовершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР», посвященная шестидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. В работе конференции приняли участие ученые Института языкознания Академии наук СССР, академических научных учреждений союзных, автономных республик, автономных областей страны, преподаватели вузов и школ.

Конференцию открыл академик Академии наук Азербайджанской ССР *М. Ш. Ширалиев*.

Выступивший со вступительным словом, секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС *С. Х. Семенов* отметил, что конференция проходит накануне двух знаменательных событий — шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и принятия новой Конституции СССР, в которой нашли всестороннее отражение огромные достижения советского народа во всех областях его жизни.

В 1977 году исполнилось также сорок лет с начала перехода письменностей языков народов СССР на славяно-русскую графическую основу, что позволило устранить алфавитный разрыв в стране, улучшить качество преподавания языков, облегчило овладение многоязычным населением нашей страны грамотой на родном и русском языках. Этот переход способствовал также успешной разработке орфографических и пунктуационных норм, упорядочению правописания заимствованных русизмов и интернационализмов; он сыграл исключительно большую роль в подъеме национальной культуры народов СССР, в деле приобщения их к русской и мировой культуре.

С докладом «Основные достижения в разработке и усовершенствовании алфавитов и орфографий языков народов СССР» выступил *К. М. Мусаев*. Одним из основных достижений советского языкознания, отметил докладчик, является создание письменности для целого ряда бесписьменных язы-

ков народов СССР и переход некоторых языков от усложненных архаических к прогрессивным демократическим системам письма, а это во многом способствовало осуществлению советским обществом в кратчайшие сроки культурной революции, ликвидации тяжелого наследия прошлого — массовой неграмотности, ускоренному строительству социализма в СССР.

В развитии письменностей народов нашей страны можно выделить три главных этапа. Первый этап, охватывающий в основном 1918—1926 годы, характеризуется усовершенствованием существовавшего у каждого народа письма. Второй этап (1926—1936 годы) — это латинизация имеющихся письменностей и создание новых письменностей для бесписьменных языков народов СССР. Третий этап (1937—1941 годы) ознаменован переходом национальных алфавитов на славяно-русскую графическую основу. Этот переход ускорил выбор единого межнационального средства общения народов СССР, каким стал русский язык. Докладчик подчеркнул, что переход на русский алфавит в свое время проходил при отсутствии координирующего центра, что привело к разному в обозначении одинаковых звуков-фонем и не только в близкородственных языках. В связи с этим *К. М. Мусаев* считает, что на современном этапе национальные алфавиты, созданные на основе русской графики, должны отвечать следующим требованиям: 1) полнее отражать специфику строя национального языка с учетом происходящих ныне изменений, помочь усвоению в короткие сроки грамоты на родном языке; 2) быть максимально унифицированными с учетом общих черт фонетического строя; 3) облегчить усвоение русского языка представителями каждой национальности.

К. М. Мусаев подчеркнул также основные требования, предъявляемые к орфографии: максимальная простота, общедоступность и легкость усвоения, стандартность написаний, экономное и полное отражение в письме особенностей языка, унификация написаний интернациональных слов. Орфография

должна также способствовать усвоению русского языка, не перегружаться правилами.

В качестве ведущего принципа правописания для языков народов СССР докладчик выдвинул фонематический принцип.

В своем докладе «Алфавиты и орфографии языков народов Карачаево-Черкесии» М. А. Хабицев отметил, что языки народов Карачаево-Черкесии являются младописьменными. В прошлом эти народы пользовались различными системами письма: в древнейший период — клинописью с руникой (Гилячское письмо) и письмом, напоминающим шумерское (Каракептское письмо); в древний период — протобулгарской руникой; в средние века — руникой, латиницей, куфическим шрифтом, кириллицей.

В послереволюционный период для языков народов Карачаево-Черкесии последовательно разрабатывались алфавиты на основе арабской графики, латиницы и славяно-русской графики. Наиболее подходящей для звукового строя карачаевского, черкесского, абазинского и ногойского языков оказалась славяно-русская графика. Однако и составленный на ее основе алфавит требует своего дальнейшего усовершенствования. В карачаевском алфавите усовершенствованию подлежат двузначные буквы *дж, кэ, гь, нэ*, в особом обозначении нуждаются гласные *э* [ə], *ю* [y]; в ногойском целесообразно унифицировать *ав, ов, уб, нэ*, а также гласный *и*, согласный *в*, для передачи на письме которых используются по две разных буквы. В черкесском алфавите требуют дальнейшего усовершенствования 19 двойных, 5 тройных и одна четырехзначная буква, а в абазинском — 28 двойных и 12 трехбуквенных знаков.

Обозначение одной и той же фонемы разными русскими буквами, передача фонем сложными буквенными сочетаниями, а также отсутствие специальных знаков для обозначения на письме отдельных фонем — объясняется не одновременным переходом алфавитов языков народов СССР на русскую графическую основу, отсутствием координирующего центра. На очереди — разработка научных основ орфографий. Орфографические правила, основанные на фонетическом принципе, не отражают реальной картины процессов, происходящих в языках. Недостаточно изучены еще фонематический, морфологический и фонетико-морфологический, а также этимологический и дифференцирующий принципы. Не разработаны основы пунктуации.

В докладе «Достижения и проблемы в усовершенствовании алфавитов и орфографий современных тюркских языков» Н. А. Баскаков говорил о том, что разработка письменности для тюркских языков народов СССР была тесно связана со становлением и развитием литературных языков, изменением их диалектной основы у старописьменных языков и сближением норм литературных языков с нормами общенародных разговорных языков, а также с об-

разованием новых литературных языков у народов ранее бесписьменных. Характеризуя этапы усовершенствования алфавитов тюркских языков, докладчик особо подчеркнул тот факт, что современные алфавиты тюркских языков на территории СССР на русской основе успешно функционируют и должным образом обеспечивают отражение их основных фонетических особенностей. Однако развитие языков, усложнение их общественных функций, растущие потребности межнационального общения народов вызывают необходимость дальнейшего совершенствования и межъязыковой унификации алфавитов близких по языку народов СССР. Унификацию алфавитов не следует понимать как установление какого-то одного общего алфавита для всех тюркских языков. Унификация — это прежде всего приведение всех алфавитов в одну единую систему, в которой для каждого звука, общего для всех тюркских языков, а также и для специфического особого звука какого-либо конкретного языка должны быть установлены определенные, закрепленные за данным звуковым значением единые буквы-знаки, то есть общие знаки для общих звуков и специфические знаки для специфических звуков в том или ином языке. В связи с этим в докладе был выдвинут ряд основных положений, которым должны отвечать совершенствуемые алфавиты. Особое внимание докладчик уделил правописанию сложных слов, а также русских заимствований.

Коллективный доклад Б. С. Асимовой и М. И. Исаева «Состояние алфавитов и орфографий иранских языков народов СССР» был посвящен обстоятельному анализу развития таджикского, осетинского, курдского алфавитов и орфографий за шестьдесят лет Советской власти. Расцвет и продолжающийся прогресс литературных языков ставит перед учеными-иранистами новые задачи по усовершенствованию график и орфографий. Особое внимание было уделено принципам правописания, орфографированию заимствованных слов, терминологическим вопросам.

В докладе А. А. Дарбеевой и Г. Ц. Пюрбеева «О графике и орфографии монгольских языков народов СССР» говорилось о том, что формирование национальных литературных языков бурят и калмыков стало возможным лишь после установления Советской власти. Вслед за принятием и окончательной стабилизацией национальных алфавитов на базе русской графики в Бурятии и Калмыкии велась активная работа по составлению свода орфографических правил, установлению основных принципов правописания, изданию справочников и словарей. Орфографии современных литературных языков бурят и калмыков, несмотря на известное единство их алфавитных систем и наличие общих фонетических закономерностей, обнаруживают значительное расхождение в отражении на письме ряда явлений и фактов. Выражается это, напри-

мер, в оформлении долгих и редуцированных гласных, в разном написании слов с гласными *я, ю, е, ё*, в неодинаковом орфографировании однотипных по структуре и семантике компонентов и т. д. Авторы доклада проанализировали такие актуальные проблемы бурятского и калмыцкого языков, как графическая унификация сходных звуков, орфографирование и графическая реализация редуцированных гласных в калмыцком языке, установление единообразия в написании некоторых заимствований из русского языка. В докладе были предложены рекомендации по дальнейшему усовершенствованию графики и орфографии монгольских языков народов СССР.

С докладом «О состоянии алфавитов и орфографий младописьменных иберийско-кавказских языков» выступил *М. А. Кумахов*. Он отметил, что в советский период большинство младописьменных языков прошло три этапа развития графической системы. Алфавиты, построенные на арабской (первый этап) и на латинской (второй этап) графиках, страдали серьезными недостатками. Перевод письменности на русскую графику (третий этап) был закономерным с точки зрения развития данных языков. В разработке алфавитов на основе русской графики к настоящему времени достигнуты значительные успехи. Главным из них является более адекватное отражение фонологических систем, что содействовало развитию двуязычия и имеет уже не только лингвистическое, но и широкое социально-историческое значение. Докладчик остановился на вопросах дальнейшего усовершенствования алфавитов и орфографий изучаемых языков, в частности, на трудностях в передаче фонем графическими средствами, так как в некоторых из этих языков различается более 70 фонем. *М. А. Кумахов* отметил различные принципы правописания, легшие в основу орфографии разных иберийско-кавказских языков, закономерные случаи колебания и вариантности в орфографии, связанные с расхождениями между устной и письменной формами реализации языка, говорил об орфографировании заимствованных слов.

Доклад «Об алфавитах и орфографии финно-угорских языков» (волжская и пермская группы) сделал *Г. И. Ермушкин*. В основе современных алфавитов восточнофинских языков лежит славяно-русский алфавит, в который введены дополнительные графемы для передачи специфических звуков в каждом языке. Было отмечено, что алфавиты мордовского, марийского, коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков требуют своего дальнейшего усовершенствования, так как встречаются факты, когда одни и те же звуки передаются в этих языках разными буквами, одной графемой обозначаются неодинаковые фонемы, отсутствуют специальные графемы для передачи отдельных фонем, одна фонема передается двумя или тремя графемами и т. д. Отметив достижения в области орфо-

графии восточнофинских языков, докладчик сосредоточил внимание на актуальных вопросах орфографии: слитном и раздельном написании слов и морфем, правописании заимствованных слов.

По докладам развернулись широкие прения.

В своем выступлении *М. Ш. Ширалиев* (Баку) отметил, что современный азербайджанский алфавит, построенный на основе славяно-русской графики, вполне соответствует фонематической системе современного азербайджанского литературного языка. На основе этого алфавита созданы наиболее совершенные орфографические правила, выпущены орфографические словари. Главным принципом правописания является фонетико-морфологический. *М. Ш. Ширалиев* предложил изъять орфографию от апострофа и лишнего *j*, встречающихся в старых заимствованиях из арабского языка, унифицировать правописание слов, имеющих аффиксы с начальным *j*, и упорядочить разноречие в написании сложных слов.

М. Р. Судник (Минск) остановился на особенностях алфавита и орфографической системы белорусского литературного языка. Шестидесятилетний опыт Советского государства в области создания и совершенствования алфавитов и орфографий языков народов нашей страны является жизненным подтверждением исторической роли Великой Октябрьской социалистической революции в духовном возрождении наций и народностей, в равноправном и свободном развитии их культур и языков. Этот опыт уже сейчас осознается передовыми учеными зарубежных стран как исторически проверенный научный вклад XX века в мировую теорию и практику языкового строительства, к которому и в будущем, следуя ленинским интернациональным принципам решения языковых проблем в многонациональных государствах, будут обращаться многие народы мира. Затем докладчик в сравнительно-историческом плане осветил историю развития и становления белорусского алфавита и белорусской орфографии, начиная с XIV века и до настоящего времени. Им было также отмечено, что при всех своих достоинствах алфавит и орфография белорусского языка нуждаются в дальнейшем улучшении. Прежде всего это касается правописания сложных слов, употребления прописных букв, слитных, полуслитных и раздельных написаний, правописания наречных выражений.

Ю. Д. Дешериев (Москва) обратил особое внимание на то, что за шестьдесят лет после победы Великого Октября, благодаря расцвету и сближению культур всех наций и народностей нашей страны, получили развитие старописьменные и младописьменные языки. Все народы СССР достигли высокого уровня духовного развития, приобщаясь к богатствам современной науки и культуры, главным образом с помощью русского языка, и создав письменность на русской графической основе. Благодаря дальнейше-

му сближению наций, народностей и их культур, усилению всестороннего межнационального сотрудничества во всех областях материальной и духовной жизни — все более глубокими становятся процессы интернационализации жизненного уклада и языков народов СССР.

А. Я. Блинкена (Рига) в своем выступлении охарактеризовала развитие и становление графики, орфографии и пунктуации латышского языка. Дальнейшего усовершенствования, по мнению выступавшей, требуют: правописание иноязычных собственных имен и названий, обозначение долготы гласных в заимствованных интернациональных словах, слитное и раздельное написание сложных слов, а в области пунктуации — знаки препинания в различных сравнительных конструкциях. А. Я. Блинкена полагает, что усовершенствование латышской пунктуации должно проходить на основе семантического и структурного принципов.

К. М. Ульвидас (Вильнюс) остановился на некоторых вопросах литовской орфографии и пунктуации. Современная литовская графика — это не копия латинской или польской график, а результат более чем четырехсотлетнего развития литовской письменности, в ней нашли отражение специфические национальные элементы. Основные принципы литовской орфографии — фонетический и морфологический. Наиболее сложным является вопрос о правописании имен собственных. Еще нет твердо установившихся и общепринятых правил по их орфографированию. В уточнении нуждаются слитные и раздельные написания. Дальнейшего усовершенствования требует и пунктуация литовского языка, так как она представляет собой сложную систему употребления пунктуационных знаков, которая трудно усваивается в процессе школьного обучения.

М. Б. Балакаев (Алма-Ата) в своем выступлении подчеркнул, что задача улучшения и усовершенствования казахской письменности является актуальной. Это касается вопросов написания дублетных, слитных и заимствованных слов. Особенно остро стоит проблема усовершенствования орфографических правил слитного или раздельного написания сложных слов. М. Б. Балакаев высказал ряд соображений, которые могут быть полезными при дальнейшей работе над усовершенствованием казахской орфографии.

Л. П. Сергеев (Чебоксары) посвятил свое выступление опыту усовершенствования орфографии и литературного произношения чувашского языка.

Б. Ч. Чарьяров и Т. Т. Тачмурадов (Ашхабад) говорили о большой работе, проделанной учеными по разработке и стабилизации алфавита, орфографии и пунктуации туркменского языка. По их мнению, дальнейшего усовершенствования требуют: обозначение долготы гласных на письме, правописание *е, ё, ю, я* и заимствованных сложных слов.

Об опыте создания и усовершенствования алфавита и орфографии языка советских уйгуров говорил Г. С. Садвакасов (Алма-Ата). Советские уйгуры перешли на русскую графику позже других тюркоязычных народов СССР (1947 г.). Поэтому при разработке алфавита уйгурского языка был использован богатый опыт почти всех других тюркоязычных народов СССР. В уйгурском алфавите нет такой буквы, которая отсутствовала бы в сводном алфавите тюркоязычных народов СССР. Уйгурский алфавит на русской графике вполне может быть использован другими тюркоязычными народами для усовершенствования своих алфавитов. Неунифицированным моментом в уйгурской графике докладчик считает употребление букв *я, ю, е, ё*. Правила уйгурской орфографии широко охватывают орфографические явления и научно обоснованы. Однако дальнейшего усовершенствования, как и во многих других тюркских языках, требует написание сложных и заимствованных слов.

А. М. Дырул (Кишинев), поделившись опытом совершенствования алфавита и орфографии молдавского языка, внес ряд предложений по устранению отдельных недостатков орфографии.

Дальнейшая работа конференции проходила по двум секциям: 1) индоевропейских, иберийско-кавказских и угро-финских языков и 2) тюркских и монгольских языков.

В секции индоевропейских, иберийско-кавказских и угро-финских языков было заслушано 18 докладов.

Остановившись на богатом опыте создания и усовершенствования алфавитов и орфографий дагестанских языков, Г. Б. Муркелинский (Махачкала) высказал мнение о необходимости унификации двух-, трех- и четырехзначных графем, сближения алфавитов дагестанских языков между собой и с русским алфавитом, а в области орфографии — о необходимости упорядочения правописания сложных, заимствованных слов и диалектизмов.

А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону) сосредоточил внимание на советском опыте усовершенствования алфавита и орфографии русского языка и на его положительном влиянии на разработку алфавитов и орфографий языков народов СССР.

К. З. Чокаев (Грозный) остановился на опыте создания графики и орфографии чеченского литературного языка. Докладчик высказался за дальнейшее усовершенствование чеченского алфавита в рамках славяно-русской графики путем использования *й* и введения двойных гласных. Одним из нерешенных вопросов чеченской орфографии является также правописание сложных и заимствованных слов.

В. И. Михальченко (Москва) подвергла научному анализу принципы правописания слов в балтийских языках.

Б. С. Асимова (Ленинабад) остановилась на актуальных проблемах алфавита и орфо-

графии таджикского языка. В условиях усиления межнациональных контактов особое внимание должно быть, по ее мнению, уделено правописанию заимствованных слов.

О состоянии и задачах усовершенствования алфавита и орфографии курдского языка говорил Ч. Х. Бакаев (Москва). Создание письменности для курдов, проживающих в СССР, и организация обучения на их родном языке явились событиями огромного значения для всего курдского народа. В сообщении был высказан ряд ценных замечаний по дальнейшему усовершенствованию алфавита и орфографии курдов, проживающих на территории Советского Союза.

О достижениях и дальнейшей разработке проблем алфавита и орфографии осетинского языка информировал Н. Х. Калоев (Орджоникидзе).

Выступивший с сообщением «Из советского опыта развития и совершенствования алфавита и орфографии удмуртского языка», В. М. Вахрушев (Ижевск) подчеркнул, что удмуртский алфавит вполне отражает фонематическую систему современного удмуртского языка, а правила его орфографии в основном отвечают требованиям письменности удмуртской социалистической нации.

Выступление Н. И. Исанбаева (Йошкар-Ола) было посвящено разработке и усовершенствованию алфавита и орфографии марийского языка.

Н. Слижене (Вильнюс) поделилась опытом работы по улучшению орфографии литовского языка.

П. М. Багов (Нальчик) говорил о достижениях и наиболее актуальных вопросах кабардино-черкесской письменности. Он полагает, что переход на однозначную систему передачи фонем является прогрессивным актом, способствующим расширению функций кабардино-черкесского языка. Основным принципом правописания кабардино-черкесских слов, по мнению П. М. Багова, должен стать фонетико-фонематический.

Н. Я. Сакиев (Армавир) охарактеризовал принципы однобуквенного обозначения фонем кабардино-черкесского языка. Этой проблеме посвятил свое выступление «Некоторые вопросы унификации алфавитов адыгских языков» и Ю. А. Тхаркахо (Майкоп).

На орфографировании иноязычных заимствований в адыгейском языке остановился З. У. Блягоз (Майкоп). По его мнению, правописание заимствованных слов связано со временем их проникновения и характером их адаптации в языке.

А. А. Шаов (Майкоп) говорил об узловых вопросах адыгейской орфографии: правописании сложных слов, гласной *ы*, иноязычных заимствований.

Р. Н. Клычев (Карачаевск) указал на трудности передачи однобуквенными начертаниями абхазо-адыгских фонем, число которых превышает 70. Следует привести в соответствие в абхазо-адыгских алфавитах буквенные обозначения лабиализованных,

смычных согласных, аффрикат, абруптивов и некоторых спонантов.

В. Н. Меремкулов (Черкесск) коснулся частных вопросов алфавитов и орфографий абхазо-адыгских языков, высказал ряд пожеланий по их усовершенствованию.

В секции тюркских и монгольских языков было заслушано 20 докладов.

З. И. Будагова (Баку) на основе критического анализа расстановки знаков препинания в произведениях азербайджанских писателей и в периодической печати пришла к заключению, что неправильная расстановка знаков препинания мешает правильному смысловому восприятию устной и письменной речи в их единстве.

Э. А. Абдулдаев (Фрунзе) посвятил свое выступление правописанию сложных слов в тюркских языках. Проанализировав разное написание сложных слов в различных тюркских языках, докладчик предложил установить единые, приемлемые для всех современных тюркских языков, орфографические принципы.

В своем выступлении Ф. А. Ганиев (Казань) также остановился на вопросе орфографирования сложных слов в тюркских языках. По его мнению, в основе правописания сложных слов должны лежать не субъективные представления, а вполне конкретные научные языковые критерии. Лингвистической основой орфографии сложных слов может быть лишь характер взаимоотношения компонентов. Этот принцип общедоступен и является материально выраженным, а следовательно, мотивированным.

В. Х. Хаков (Казань) в выступлении «Развитие орфографии татарского языка после Октябрьской революции» остановился на вопросах разработки алфавита и орфографических правил; взаимосвязи между нормами языка и орфографией; принципах историзма в орфографии.

Д. С. Насыров (Нукус) сообщил о современных проблемах усовершенствования орфографии каракалпакского языка.

И. В. Кормушин (Москва) остановился на достижениях и вопросах дальнейшего усовершенствования алфавитов языков народов Советского Севера.

С сообщением «Современная чувашская орфография и ее проблемы» выступил Н. П. Петров (Чебоксары).

А. Г. Бишев (Уфа) указал на то, что многие буквы башкирского алфавита имеют по два значения, а иногда одна и та же фонема обозначается разными буквами. Этим нарушается фонематический принцип, положенный в основу башкирского алфавита. Автор высказался за организацию координирующего центра по усовершенствованию алфавитов. Как и во многих языках, в башкирском языке правописание сложных и заимствованных слов требует своей унификации.

Д. А. Монгуш (Кызыл) остановился на достижениях графики и орфографии тувинского языка. Алфавит и орфография совре-

менного тувинского языка, отметил он, в основном успешно выполняют свои функции.

По мнению *Н. М. Маматова* (Ташкент), отсутствие в узбекском алфавите букв *ж, ң, Һ* затрудняет освоение орфографии и орфоэпических норм. Неработанность твердых правил орфографирования сложных слов в узбекском языке, по его мнению, приводит к тому, что одни и те же сложные слова в различных источниках пишутся по-разному.

Ж. М. Гузев (Нальчик) проанализировал отражение сингармонизма в орфографии карачаево-балкарского языка и в связи с этим указал на недопустимость вариантных написаний.

А. А. Жаппуев (Нальчик) обосновал необходимость введения в карачаево-балкарский алфавит, по примеру других тюркских языков, букв *ө, ү, й, қ, ғ, ң, ж* вместо *ё, ю, у, къ, ғъ, ңъ, дж*.

Сообщение *Н. Н. Суразаковой, А. Г. Тыбыковой, М. Ч. Чумакаевой* (Горно-Алтайск) было посвящено опыту создания и дальнейшему упорядочению и усовершенствованию алфавита, орфографии, орфоэпии и пунктуации современного алтайского языка.

С. Х. Калмыкова (Черкесск) говорила главным образом о нерешенных проблемах алфавита и орфографии ногайского языка.

Собравшихся ознакомили с основным содержанием подготовленных выступлений отсутствовавших *Э. И. Фазылова* (Ташкент),

Х. Д. Даниярова (Сырдарья), *Х. Р. Курбатова* (Казань).

И. К. Илишкин (Элиста) отметил, что в советское время графика и орфография калмыцкого языка были значительно улучшены и упрощены. Орфография, основанная на фонетико-морфологическом принципе, позволила усовершенствовать нормы литературного языка. Вместе с тем следует учесть и некоторые ее недостатки, чтобы, упорядочив правописание редуцированных гласных, разрядить скопление согласных (доходящих до 6—8) в некоторых словах.

Л. Д. Шагдаров (Улан-Удэ) подчеркнул, что современная графика и орфография вполне удовлетворительно отражают особенности бурятского языка и не нуждаются в изменениях.

П. Ц. Биткеев (Элиста) отметил, что недостатки графики и орфографии объясняются несоответствиями между устной и письменной формами языка. Из 10.815 изученных калмыцких слов в устной речи 9.413 слов (87,03%) произносятся с неясными гласными, не имеющими в алфавите графического отображения. Следовательно, письменная форма 87,03% калмыцких слов не соответствует их устной форме, что приводит к расхождению между двумя формами языка и порождает ряд практических трудностей и осложнений.

В заключение конференция приняла Рекомендации.

М. А. Хабицев

РЕКОМЕНДАЦИИ

НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОВЕТСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛФАВИТОВ И ОРФОГРАФИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР»

Карачаевск.

27 сентября 1977 года.

26—27 сентября 1977 года в г. Карачаевске проходила научная конференция «Советский опыт создания и усовершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР», посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В работе конференции приняли участие ученые из 11 союзных, 14 автономных республик, 3 автономных областей, учителя школ, преподаватели вузов.

Участники конференции, собравшиеся в период всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР, единодушно отмечают, что наша многонациональная страна достигла громадных успехов в неуклонном осуществлении ленинской национальной политики, подлинной демократии, полного равноправия свободно развивающихся наций, народностей, их культур и языков. К числу величайших достижений Страны Советов относится создание письменностей для 50 ранее бесписьменных языков, повышение роли родных языков в подьеме общеобразовательного и культурного уровня их носителей, издание многочисленных и разнообразных учебников и словарей. Советский опыт решения национально-языковых проблем представляет огромный международный интерес, он широко используется в зарубежных странах.

В Советском Союзе усовершенствование письменности, направленное на ее демократизацию, началось с реформы русского алфавита в 1918 году по предложению В. И. Ленина. Следуя ленинским принципам решения языковых проблем в многонациональном государстве, директивные органы национальных республик, областей, округов

и в настоящее время обращают внимание на необходимость проведения соответствующей работы по дальнейшему усовершенствованию алфавитов и орфографий литературных языков народов СССР, учитывая жизненные интересы и потребности широких масс трудящихся.

Значительным событием в общественно-политической и научной жизни страны явился переход подавляющего большинства языков народов СССР на славяно-русскую графическую основу. Он стал важным этапом не только в развитии письменности, но и в развитии национальных языков, сыграл выдающуюся роль в подъеме культуры советских наций и народностей, дав им возможность быстрее приобщиться к культуре русского народа, содействуя сближению культур народов СССР, улучшению преподавания и распространения русского языка как языка межнационального общения. Переход на славяно-русскую графику позволил упростить и улучшить издательское дело, открыв возможность печатать в одной типографии книги на разных языках, обеспечить устранение алфавитного разноречия в огромном большинстве национальных школ, улучшение преподавания, овладение грамотой на двух языках — родном и русском, облегчил усвоение народами СССР русского языка и представителями русского народа — языков других национальностей, позволил развить дальше разработку орфографических норм, создание и правописание общественно-политических, научно-технических терминов, в большинстве своем заимствованных из русского языка.

Следует особо подчеркнуть большую работу, проведенную центральными и местными научными учреждениями по разработке и дальнейшему повышению качества алфавитов и орфографических норм. Никогда в истории развития литературных языков народов мира не проводилась научно-организационная и научно-исследовательская работа по созданию и усовершенствованию алфавитов и орфографий в таких широких масштабах, в каких она была осуществлена за 60 лет существования Советской власти.

Существующие алфавиты и орфографии в основном удовлетворяют потребности народов СССР.

Поддерживая решения ряда конференций, координационных совещаний по различным проблемам языков народов СССР, выступления ученых в печати и на данном форуме, участники конференции констатируют, что следует продолжить работу по усовершенствованию алфавитов и орфографий.

В свое время переход на славяно-русский алфавит проходил при отсутствии координирующего центра, который должен был заниматься унификацией алфавитов. Это привело к разноречию при обозначении одинаковых звуков как в масштабе языков народов СССР, так и в масштабе алфавитов близкородственных языков.

Недостатки имеют и орфографии. Так, во многих орфографиях нечетко определены основные принципы правописания. Нет единства в правописании заимствованных (особенно из русского языка) слов там, где это целесообразно и необходимо. Нередко одно и то же слово на уроках родного и русского языков пишется по-разному, что создает трудности в овладении грамотой на двух языках и т. д.

Среди актуальных проблем совершенствования алфавитов и орфографий немало вопросов, наиболее целесообразное решение которых будет способствовать созданию максимально благоприятных условий для успешного овладения русским языком — как общим языком межнационального общения — всем населением СССР.

Участники конференции считают, что на современном этапе развития языковой жизни советского общества орфографии, алфавиты, базирующиеся на славяно-русской графике, должны отвечать в первую очередь следующим требованиям:

1) полнее отражать специфику звукового строя родного языка с учетом изменений, которые произошли и происходят в процессе взаимообогащения языков, и обеспечивать успешное усвоение грамоты на родном языке;

2) максимально способствовать унификации алфавитов и орфографий языков, пользующихся общей графической основой, во всех тех случаях, где это необходимо и целесообразно;

3) максимально способствовать успешному овладению русским языком представителями нерусских национальностей;

4) создавать все условия для унификации графического (буквенного) выражения и орфографирования основ слов, относящихся к общему, быстро развивающемуся лексическому (терминологическому) фонду языков народов СССР, там, где это необходимо и целесообразно. Этого требуют жизненно важные потребности развития зрелого социалистического общества, интенсивно происходящие процессы сближения наций, народностей и их культур, а также развертывание научно-технической революции.

Конференция рекомендует:

1. Продолжить и в дальнейшем исследовательскую работу по усовершенствованию алфавитов и орфографий языков народов СССР. Проводить региональные конференции, посвященные конкретным вопросам усовершенствования и унификации орфографий и алфавитов, базирующихся на славяно-русской графике.

2. Просить дирекцию Института русского языка АН СССР обратить внимание орфографической комиссии на научно-практические вопросы, связанные с соблюдением норм

русского литературного языка в периодической печати и изданиях, публикуемых в союзных, автономных республиках, автономных областях и округах, особенно в области орфографирования многочисленных заимствований, проникающих в русский язык из местных языков. Различные орфографические и орфоэпические варианты таких слов не способствуют унификации терминологии, повышению культуры русской речи у нерусских. Вместе с тем подобные факты создают питательную почву для возникновения местных вариантов русского литературного языка, с которыми нужно вести борьбу как с любыми нарушениями норм литературного языка.

3. Усилить работу по исследованию теоретических проблем письменности, обратив внимание на наиболее сложные вопросы — правописание сложных слов, аналитические и синтетические обозначения *йа, йу* — *я, ю*, а также орфографирование заимствованных слов. Просить дирекцию Института языкознания АН СССР подготовить труд, посвященный актуальным теоретическим вопросам алфавитов и орфографий.

4. Совместными усилиями центральных и местных научных учреждений создать труд, посвященный анализу современного состояния орфографирования основ слов, входящих в общий лексический фонд языков народов СССР с подготовкой соответствующих научно-практических рекомендаций.

5. Рекомендовать местным лингвистическим учреждениям создать двуязычные русско-национальные орфографические словари наиболее употребительных русских и интернациональных заимствований в национальных языках в помощь средней школе.

6. Просить Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» усилить работу по координации деятельности, связанной с усовершенствованием алфавитов и орфографий языков народов СССР, а также по организации совещаний, конференций, симпозиумов по этим проблемам.

7. Считать необходимым издание материалов данной конференции.

PERSONALIA

ШИГАП АЛИМОВИЧ РАМАЗАНОВ

(К девяностолетию со дня рождения)

Видный ученый, специалист в области татарского советского языкознания, педагог и общественный деятель Шигап Алимович Рамазанов всю свою сознательную жизнь посвятил развитию татарского языкознания, трудной и благородной задаче — обучению и воспитанию молодого поколения.

Ш. А. Рамазанов родился 20 декабря 1887 года в бывшей Саратовской губернии (ныне с. Ст. Карлыган Лопатинского района Пензенской области) в семье крестьянина-середняка.

Упорно занимаясь самообразованием, Ш. А. Рамазанов приобрел обширные знания в области лингвистики и уже с 1903 года начал свою педагогическую деятельность.

После победы Октября он активно занимается журналистикой, выступая со статья-

ми и фельетонами, посвященными актуальным проблемам просвещения и культурного строительства.

В 1924—1925 годах Ш. А. Рамазанов — преподаватель татарского отделения Саратовского педтехникума. Он многое сделал для того, чтобы это отделение позднее было реорганизовано в татарский педагогический техникум.

В 1928 году широкая татарская общественность отмечала двадцатипятилетие педагогической деятельности Ш. А. Рамазанова. В связи с этим ему было присвоено звание «Народный учитель», а школа в родном селе названа его именем.

В 1930—1931 годах Ш. А. Рамазанов — преподаватель Астраханского педтехникума.

После окончания в 1934 году аспирантуры Казанского государственного педагогического института по специальности татарское языкознание Ш. А. Рамазанов преподавал в этом же институте, а в годы Великой Отечественной войны — в Казанском государственном университете.

С конца 20-х годов Ш. А. Рамазанов начинает заниматься научно-исследовательской работой в области татарского языкознания. Он прилагает много сил и энергии, подготавливая издания новых учебников и программ для начальных и средних школ.

Научная деятельность Ш. А. Рамазанова многогранна: он занимался разработкой проблем терминологии и лексикологии татарского языка, участвовал в создании нового татарского алфавита и орфографии (на основе русской графики), постоянно следил за развитием татарского литературного языка, интересовался вопросами культуры речи. В годы учебы в аспирантуре Казанского государственного педагогического института он руководил экспедициями, изучавшими языковые особенности речи колхозников и рабочих. Результаты наблюдений экспедиций были опубликованы Ш. А. Рамазановым в журналах «Советская литература» и «Магариф» (1935).

С 1942 по 1948 год (он скончался 25 октября 1948 года) Ш. А. Рамазанов работал старшим научным сотрудником в секторе языка Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИ КФ АН СССР).

За плодотворную работу в области татарского языкознания Ученым советом Казанского госуниверситета Ш. А. Рамазанову была присвоена ученая степень кандидата филологических наук по совокупности научных трудов без защиты диссертации.

В 1943 году, давая высокую оценку его работам, выдающийся советский тюрколог Н. К. Дмитриев писал: «Ш. А. Рамазанов — один из старейших языковедов Татарии. Его смело можно назвать руководителем татарских лингвистов. Он и организатор первых в Татарии диалектологических экспедиций, он и инструктор по капитальной обработке собранного материала, он и основной работник по вопросам алфавита и орфографии, он и один из виднейших представителей татарской грамматической мысли вообще. Ш. А. Рамазанов (как и покойный проф. Курбангалеев) являлся неслучайным представителем татарского языкознания на всех научных съездах и конференциях не только в Казани, но и в Москве. Наконец, Ш. А. Рамазанов оказал большие услуги Татнаркомпросу, работая по методике преподавания татарского языка и принимая участие в составлении стабильных учебников».

Н. К. Дмитриев говорил о трезвом критическом уме ученого, его способности зорко подмечать характерные явления языка и анализировать их, не отрываясь от общей системы языкового развития. Далее Н. К. Дмитриев писал: «Своим примером он учит молодых татарских языковедов не увлекаться фантастикой и мимолетными впечатлениями, а хладнокровно и последовательно закладывать основы прочного знания. Большим достоинством Рамазанова является то, что всеми своими знаниями он, по существу, обязан только самому себе. Упорная работа по самообразованию в соединении с ясным критическим умом принесла свои богатые плоды, и в настоящее время Ш. А. Рамазанов едва ли не самый зрелый из специалистов по татарскому языку. Среди научных трудов Рамазанова особенно

интересны статьи о законах семантики в татарском языке, об образовании и развитии татарских глаголов, об экспедиционном изучении татарского языка. Все эти исследования построены на первоисточниках и строго оригинальны. Большой интерес представляют также работы Рамазанова по татарской терминологии и языку татарской прессы. Занимается Рамазанов также историей науки: он изучает наследие крупнейших татароведов и, в частности, покойного языковеда-мыслителя Г. Алпарова».

Ш. А. Рамазанов, хорошо знавший арабский и персидский языки, текстологию древних литературных памятников, внес определенный вклад в изучение истории языкознания, а также проблем общего языкознания и языка ряда писателей. При непосредственном участии Ш. А. Рамазанова были изданы «Избранные труды» профессора Г. Х. Алпарова, работы о деятельности лексикографа Гимада Нугайбека, сборники, посвященные юбилеям К. Насыри, Г. Тукая, академическое издание произведений Г. Тукая, терминологический словарь по языкознанию и др. В 1933 году коллегия Татнаркомпроса с целью увековечения памяти А. В. Луначарского принимает решение поручить Ш. А. Рамазанову перевод его избранных произведений на татарский язык.

Ш. А. Рамазанов уделял огромное внимание малоизученным проблемам татарского языкознания. Одной из таких его работ является «Образование глаголов в татарском языке».

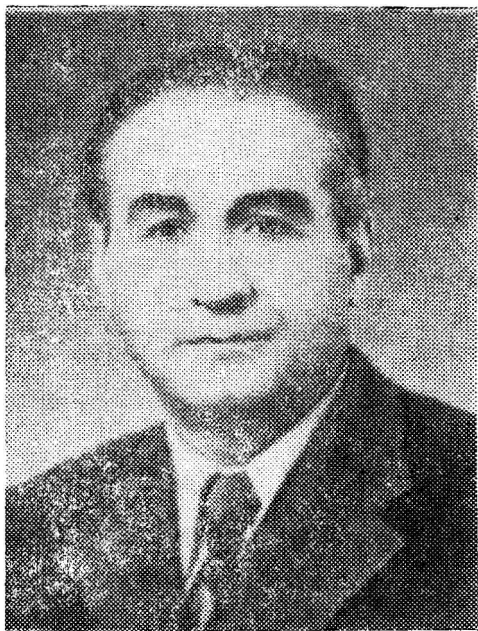
«Очерки по татарскому языкознанию» Ш. А. Рамазанова, изданные посмертно в 1954 году, стали в настоящее время библиографической редкостью. В научном архиве ИЯЛИ КФ АН СССР хранятся многочисленные рукописные работы Ш. А. Рамазанова, ждущие серьезного и вдумчивого анализа и классификации. Эти ценнейшие исследования покойного ученого должны сыграть свою роль в изучении самых разнообразных проблем татарского языкознания.

Память о замечательном ученом, талантливом педагоге, коммунисте, кристально честном человеке — Ш. А. Рамазанове, навсегда осталась в сердцах тех, кто его знал и общался с ним.

Г. Якупова

ХАДЫ ИСМАИЛ ОГЛЫ МИРЗАЗАДЕ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения ныне покойного профессора, доктора филологических наук Хады Исмаил оглы Мирзазаде — одного из видных представителей азербайджанского советского языкознания, замечательного педагога и талантливого ученого.

Х. И. Мирзазаде внес большой вклад в развитие азербайджанского советского языкознания, в дело воспитания молодого поколения языковедов и преподавательских кадров высших учебных заведений и средних школ республики.

Хады Исмаил оглы Мирзазаде родился 29 февраля 1908 года в Баку. Окончив среднюю школу, Х. И. Мирзазаде до 1928 года работал в различных учреждениях и на предприятиях города. В 1925 году он поступает на восточный факультет Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ле-

нина и в 1929-м успешно его заканчивает. Проработав два года в педагогических училищах Шемахи и Нахичевани, Х. И. Мирзазаде начинает преподавать в вузах Баку.

В 1932—1933 учебном году Х. И. Мирзазаде преподает на рабфаке, с 1935 по 1940 год — на заочном отделении Азербайджанского педагогического института, а с 1936 года — в Азгосуниверситете им. С. М. Кирова.

В годы Великой Отечественной войны Х. И. Мирзазаде служил в рядах Советской Армии. В ноябре 1942 года он был демобилирован в связи с болезнью.

В 1943—1944 учебном году Х. И. Мирзазаде работает в Казахском педагогическом институте старшим преподавателем литературного факультета, затем заведующим кафедрой, а позднее — деканом факультета. С 1944 по 1956 год он — сотрудник кафедры языка и литературы республиканской Высшей партийной школы при ЦК КП Азербайджана, сперва в должности преподавателя, а затем — заведующего этой кафедрой.

Х. И. Мирзазаде, отдавший тридцать лет своей жизни коммунистическому воспитанию молодого поколения азербайджанской гуманитарной интеллигенции, одновременно вел большую и неутомимую научную работу в области азербайджанского языкознания, в частности исследования различных периодов развития азербайджанского литературного языка.

Успешно защитив в 1947 году кандидатскую диссертацию «Язык азербайджанской прозы XIX века», Х. И. Мирзазаде с 1950 по 1961 год занимал должность доцента кафедры общего языкознания Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, где снискал глубокое уважение и высокий авторитет у профессорско-преподавательского состава и студенческого коллектива.

По приглашению правительства Народной Республики Болгарии Х. И. Мирзазаде с 1953 по 1955 год читает лекции в Софийском университете.

По возвращении из Болгарии он продолжает преподавательскую деятельность в Азгосуниверситете им. С. М. Кирова, пишет

и публикует многочисленные статьи по истории азербайджанского языка, лексикологии, языку писателей, по методике преподавания азербайджанского языка в средней школе, несомненно, сыгравшие свою роль в развитии и обогащении азербайджанского языкознания.

Начиная с 1950 года, Х. И. Мирзаде наряду с ведением курса «История азербайджанского языка» на филологическом и восточном факультетах Азербайджанского государственного университета продолжает свои исследования и в области истории азербайджанского языка. Результатом многолетнего труда явилась его докторская диссертация «Историческая морфология азербайджанского языка», успешно защищенная им в 1960 году.

В этой работе впервые применен сравнительно-исторический метод исследования фонетической системы и морфологического строя азербайджанского языка. Основываясь на теоретических принципах советской лингвистики, автором были сделаны обобщающие выводы о фонетических и морфологических закономерностях развития азербайджанского языка.

В 1961 году Х. И. Мирзаде избирается профессором кафедры общего языкознания и до конца своей жизни работает в этой должности. Талантливый ученый скончался от тяжелого недуга в 1965 году.

Перу Х. И. Мирзаде принадлежит целый ряд ценных работ в области азербайджанского языкознания: «Материалы по исторической грамматике азербайджанского языка» (1953), «Заметки по исторической грамматике азербайджанского языка» (1956),

«Заметки по исторической фонетике азербайджанского языка» (1958), «Историческая грамматика азербайджанского языка» (1959), «Историческая морфология азербайджанского языка» (1962), «Язык М. Физули» (1965), «Исторический синтаксис азербайджанского языка» (1968), а также десятки статей, напечатанных в различных периодических изданиях Академии наук Азербайджанской ССР, Азгосуниверситета и других республиканских изданиях.

Во всех этих работах рассматриваются кардинальные проблемы азербайджанского исторического языкознания. Анализируя и сопоставляя факты азербайджанского и других тюркских языков (а также диалектов и говоров) и письменных памятников, Х. И. Мирзаде прослеживает основные этапы истории развития азербайджанского языка.

Вся научно-педагогическая и общественная деятельность покойного ученого была связана с филологическим факультетом Азгосуниверситета им. С. М. Кирова.

Книги Х. И. Мирзаде являются незаменимым пособием для студентов филологических факультетов вузов республики.

В настоящее время в высших учебных заведениях, в научно-исследовательских институтах и различных государственных и партийных учреждениях, а также общеобразовательных средних школах Азербайджана работают тысячи бывших студентов, воспитанников профессора Хады Мирзаде, сохранивших благодарную память о своем учителе, человеке большого сердца и неутомимом ученом-исследователе.

А. Багиров

ХРОНИКА

«ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ АРЕАЛОВ»

С 8-го по 10-е февраля 1978 года в Ленинграде в рамках IV расширенного рабочего симпозиума «Ареальные исследования в этнографии и языкознании» на тему «Языковые ареалы и этнические территории», организованного Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Ленинградским отделением Института языкознания Академии наук СССР, в соответствии с планом совместных работ Советского комитета тюркологов и академий союзных республик на 1978 год*, работала секция «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов». Работа секции, организованная при содействии Комиссии лингвостранографии Географического общества СССР (председатель Комиссии — академик А. Н. Кононов, заместитель председателя — д-р филол. наук, профессор М. А. Бородина), была в основном посвящена вопросам составления «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ). В работе секции приняло участие около 60 человек (из них 37 тюркологов) из городов: Абакан, Алма-Ата, Ашхабад, Баку, Горно-Алтайск, Казань, Карачаевск, Кемерово, Кызыл, Ленинград, Новокузнецк, Новосибирск, Нукус, Саратов, Ташкент, Уфа, Фрунзе, Чебоксары.

8-го февраля участники секции присутствовали на заседании Комиссии лингвостранографии Географического общества СССР. Председатель Комиссии, председатель Советского комитета тюркологов А. Н. Кононов ознакомил участников заседания с программой работы. В прочитанном на заседании Комиссии докладе «Способы определения стран света у древних тюрков» А. Н. Кононов показал отражение в тюркской географической терминологии сложного процесса языкового и культурного развития тюркоязычных народов, а также мотивированность географических терминов четырьмя основными способами пространственной ориентации,

характерными для различных тюркских народов. После доклада А. Н. Кононова участникам секции был показан документальный фильм Л. А. Покровской «Гагаузы Советской Молдавии», снятый в 1950 году во время экспедиции на юг Молдавии, организованной кафедрой тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета. Фильм содержит ценный материал по этнографии гагаузов. Перед демонстрацией фильма Л. А. Покровская рассказала о его создании.

На заседании 9-го февраля представители четырех зон ДАТЯ (зона А — Кавказ, зона В — Поволжье, зона С — Средняя Азия и Казахстан, зона Д — Сибирь) информировали участников секции о ходе работы над атласом по своим зонам.

Руководитель зоны А М. И. Исламов (Баку) сообщил, что все материалы по зоне для атласа собраны и теперь остается обобщить их в сводных таблицах. К сожалению, участники работы по гагаузскому, кумыкскому и ногайскому языкам на симпозиуме отсутствовали, а соответствующий материал ими не был представлен.

Руководитель зоны В Л. Т. Махмутова (Казань) сообщила, что необходимый материал по зоне собран, однако его еще предстоит свести в таблицы и завершить транскрибирование на основе латинской графики.

Ш. Ш. Шаабдурахманов (Ташкент) информировал собравшихся, что по зоне С сбор материалов по всем пунктам завершен: казахский язык — 9 пунктов (1 дополнительный), узбекский язык — 14 пунктов (4 дополнительных), туркменский язык — 7 пунктов, каракалпакский язык — 5 пунктов, киргизский — 6 пунктов. На местах составлены пробные карты.

Представитель зоны Д Н. Н. Широкова (Новосибирск) сообщила, что в соответствии с решением Семинара по тюркской лингвистической географии (февраль 1977) материал собран по всем намеченным 42 пунктам и сведен в таблицы.

На заседании обсуждались также вопросы транскрипции (выступили Ш. Ш. Шаабду-

* См. также Резолюцию Семинара по тюркской лингвистической географии (февраль 1977). — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 98.

рахманов, Ш. Ш. Сарыбаев, Л. Т. Махмутова, С. Омарбеков) и условных обозначений для карт (Г. Б. Бакинова).

Под руководством Л. Т. Махмутовой были проведены практические занятия по сведению собранных по зонам материалов в разработанные ею таблицы и выработке условных знаков для картографирования явлений по разделу «Лексика», ранее изданного «Вопросника Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (М., 1969). Условные знаки были приняты для вопросов: № 3 — «Заяц», № 4 — «Сам», № 17 — «Старый», № 18 — «Запрягать» и дополнительно включенного вопроса «Мать» (при включении последнего вопроса имелось в виду, что картографирование терминов родства дает ценный материал в лингвоэтнографическом отношении). По разделу «Фонетика» условные знаки были разработаны для вопросов №№ 80—83, 114—115, 129, 141—144, 148—154. Были составлены зональные карты по лексике с комментариями к ним. В. М. Наделяев дал ряд консультаций по вопросам перевода материалов на Международный фонетический алфавит (МФА).

Участники секции заслушали доклады по теоретическим вопросам ареального членения языковых зон, прочитанные сотрудниками Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР: И. О. Гецадзе «Ареальное членение кавказских языков», С. В. Смирницкой «Горизонтальное и вертикальное изоглосное (диалектное) членение контактной романо-германской зоны».

Подводя итоги работы секции, А. Н. Кононов подчеркнул важность сделанного и отметил основные задачи дальнейшей работы по подготовке «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». А. Н. Кононов выразил от имени собравшихся благодарность М. А. Бородиной за постоянное внимание к вопросам работы над атласом и организацию секции и Л. Т. Махмутовой за умелое руководство практической работой по составлению карт.

Участники секции приняли резолюцию.

*М. А. Бородина, А. А. Кручинина,
М. Ч. Чумакаева, Н. Н. Широбокова*

РЕЗОЛЮЦИЯ

СЕКЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ АРЕАЛОВ» ПРИ IV РАСШИРЕННОМ РАБОЧЕМ СИМПОЗИУМЕ «АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭТНОГРАФИИ И ЯЗЫКОЗНАНИИ»

Ленинград.

10 февраля 1978 г.

1. На IV расширенном рабочем симпозиуме «Ареальные исследования в этнографии и языкознании» на тему «Языковые ареалы и этнические территории» работала секция «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов». Работа секции была в основном посвящена «Диалектологическому атласу тюркских языков СССР». В течение 8—10-го февраля тюркологи принимали участие в симпозиуме, в работе Комиссии лингвоэтногеографии Географического общества СССР (доклад академика А. Н. Кононова «Способы определения стран света у древних тюрков», демонстрация фильма Л. А. Покровской «Гагаузы Советской Молдавии», практические занятия по составлению сводных таблиц, выработке системы условных знаков и картографированию).

2. Были заслушаны сообщения представителей четырех зон ДАТЯ. За минувший год исполнителями темы проделана следующая работа:

а) подготовлен материал по установленным на Семинаре 1977 года для начального этапа картографирования пунктам «Вопросника». Отсутствие материалов по кумыкскому, ногайскому и гагаузскому языкам весьма затруднило работу секции и не позволило полностью закончить составление сводных таблиц, карт зон;

б) уточнен окончательный вариант сетки согласно решению Семинара по тюркской лингвистической географии 1977 г.;

в) собранные материалы переведены на МФА (в переработке Л. В. Щербы с добавлениями В. М. Наделяева). В. М. Наделяев провел консультации по переходу на транскрипцию для составителей ДАТЯ всех четырех зон. Консультации будут продолжены;

г) конкретизирована и усовершенствована методика работы (составление сводных таблиц, разработанных Л. Т. Махмутовой, выбор системы условных знаков и нанесение их на карту).

3. Участниками секции создана система языка карты по пяти вопросам раздела «Лексика» и двенадцати вопросам раздела «Фонетика», выделенным для отработки на семинаре 1977 г. Все эти явления нанесены на карты по зонам.

4. Заседания V Конференции «Ареальные исследования в этнографии и языкознании» решено посвятить ареальным вопросам, связанным с подготовкой ДАТЯ (1981 г.).

5. Для подготовки квалифицированных лингвогеографов-тюркологов в течение 1979—1980 гг. рекомендовано провести следующие мероприятия:

а) организовать поездки лингвогеографов для чтения лекций и проведения консультаций в тюркологических центрах (Ашхабад, Баку, Казань, Новосибирск и др.);

б) просить Институт языкознания Академии наук СССР включить секцию тюркской диалектологии в «Школу лингвогеографии» (1980 г.).

Оба эти мероприятия предложить провести под руководством М. А. Бородинной.

6. Просить М. А. Бородину по мере необходимости консультировать составителей ДАТЯ по теоретическим вопросам лингвогеографической и ареальной обработки карт.

7. Для обеспечения составления сводных таблиц по зонам до сентября-октября 1978 года (то есть до совещания руководителей зон в Ташкенте) подготовить материалы по следующим пунктам «Вопросника Диалектологического атласа тюркских языков СССР»: «Фонетика» — 124—134, «Морфология» — аффикс обладания -лы/-лу... ~ -лик/-лук..., «Лексика» — все вопросы лексики, кроме дополнительно включенных на Кишиневском совещании («нёбо», пахтать», «перепел», «дерево»).

8. Для выработки единой системы условных знаков на картах ДАТЯ проводить совещания руководителей четырех зон с периодичностью два раза в год. Предложить координировать эти совещания руководителю работы по ДАТЯ академику Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиеву. На каждое из этих совещаний должны представляться сводные таблицы по зонам (а не по отдельным языкам), охватывающие материалы по заранее заданным пунктам «Вопросника». Эти совещания проводить в центрах зон (Ташкент, Новосибирск, Баку, Казань) с участием руководителей зон или ответственных за зоны, а также отдельных исполнителей.

Предложить провести первое совещание осенью 1978 года в Ташкенте, второе — весной 1979 года в Новосибирске, третье — в Казани.

9. Просить Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР. Историко-этнографический институт географического факультета Ленинградского государственного университета и Географическое общество СССР содействовать подготовке окончательного, переработанного варианта карты-основы ДАТЯ и изданию ее тиражом 200.000 экземпляров через ГУГК.

10. Первый вариант ДАТЯ должен быть представлен на обсуждение секции диалектологии и лингвогеографии II Всесоюзной тюркологической конференции (1980 г.).

11. Поручить составление научного отчета о работе секции для журнала «Советская тюркология» представителям Сибирской зоны М. Ч. Чумакаевой и Н. Н. Широбоковой. В связи с этим руководителям зон представить материалы по разработанным на совещании вопросам («Фонетика» — № 12 и «Лексика» — № 5) к середине марта в Новосибирск (Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, отдел филологии).

12. Общую карту, комментарии к ней и объяснительный текст составить после изготовления нового шаблона.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. Серебренников (Москва). Два этюда из истории тюркских языков	3
Г. Ф. Благова (Москва). Об ареальных системно-тематических исследованиях по грамматике тюркских языков	8
Н. Абдуллаева (Баку). Синтаксические параллели	29

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Дж. С. Сетаров (Шяуляй, Литовская ССР). Тюркизмы в русских названиях домашних животных	38
--	----

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. Урманчиев (Елабуга). Сказание «Йир Тюшлюк» у тюркоязычных народов	55
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

И. Н. Шервашидзе (Тбилиси). Аналитические формы глагола в языке тюркских рунических надписей	64
К. Т. Рамазанов (Баку). Парные слова в тюркских языках юго-западной группы	68
М. Рачева (София). К этимологии слова <i>бисер</i>	78
М. Ф. Чернов (Чебоксары). Изучение тюркской фразеологии в работах советских тюркологов	85
Д. М. Насилов (Ленинград). В. В. Радлов и проблемы алтаистики	96

РЕЦЕНЗИИ

А. Курбанов, А. Шюкуров (Баку). А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка	103
Ф. Р. Зейналов, Э. И. Азизов (Баку). Б. Хожаев. Түрки диллерин гүнорта-гүнбатар топарында ортак ишлик формалары	106
З. И. Будагова, К. М. Абдуллаев (Баку). Миннаж Чавадова. Шаһ Исмајыл Хәтаинин лексикасы	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. А. Хабицев (Карачаевск). «Советский опыт создания и усовершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР»	110
---	-----

PERSONALIA

Г. Якупова (Казань). Шигал Алимович Рамазанов	118
А. Багиров (Баку). Хады Исмаил оглы Мирзазаде	120

ХРОНИКА

М. А. Бородина, А. А. Кручинина (Ленинград), М. Ч. Чумакаева, Н. Н. Широкова (Новосибирск). «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов»	122
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). Two sketches from the history of the Turkic languages	3
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). On areal systemic-thematic researches on grammar of the Turkic languages	8
<i>N. Abdullajeva</i> (Baku). Syntactic parallels	29

LANGUAGES IN CONTACT

<i>Dzh. S. Setarov</i> (Shauljai, the Lithuanian SSR). Turkisms in the Russian names of domestic animals	38
--	----

PROBLEMS OF FOLK-LINGUISTICS

<i>F. Urmancheev</i> (Velabuga). The Legend «Vir Tushlyuk» of Turk-linguistic peoples	55
---	----

REPORTS, SURVEYS

<i>I. N. Shervashidze</i> (Tbilisi). Analytical forms of a verb in the language of the Turkic runic inscriptions	64
<i>K. T. Ramazanov</i> (Baku). Alliterating words in the Turkic languages of South-Western group	68
<i>M. Racheva</i> (Sofia). Towards the etymology of the word «biser»	78
<i>M. F. Chernov</i> (Cheboksari). Study of the Turkic phraseology in the Soviet turkologists' works	85
<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). V. V. Radlov and the problems of altaistics	96

REVIEWS

<i>A. Kurbanov, A. Shukjurov</i> (Baku). A. H. Қононов. Очерк истории изучения турецкого языка	103
<i>F. R. Zeinalov, E. I. Azizov</i> (Baku). Б. Хожаев. Түрки диллерин гүворт-гүнбатар топарында ортак ишлик формалары	106
<i>Z. I. Budagova, K. M. Abdullajev</i> (Baku). Мипаја Чавадова. Шах Исмајил Хатинин лексикасы	107

SCIENTIFIC LIFE

<i>M. A. Khabichev</i> (Karachaevsk). «The Soviet methods of foundation and improvement of alphabets and orthographies of languages of the peoples of the USSR»	110
---	-----

PERSONALIA

<i>G. Yakupova</i> (Kazan). Shigap Alimovich Ramazanov	118
<i>A. Bagirov</i> (Baku). Hady Ismail ogly Mirzazade	120

CHRONICLE

<i>M. A. Borodina, A. A. Kruchinina</i> (Leningrad), <i>M. Ch. Chumakajeva, N. N. Shirobova</i> (Novosibirsk). «The problems of research of the Turk-linguistic areas»	122
--	-----

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректор *Ф. М. Джавадова*

Сдано в набор 27.I.1978 г. Подписано к печати 15.VI.1978 г. ФГ 08879. Формат бумаги.
70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,5. Уч. изд. л. 10,4. Заказ 545.
Тираж 3055. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
У у — ы
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
V v — в
G g — г
G' g' — к (گ)
Y y — г (غ)
D d — д
Ž ž — ж
Ž ž — ч, дж (چ)
Z z — з
Δ δ — з (ذ)
J j — ј
Q q — ка (ق)
K k — ке (ك)
L l — л
M m — м

N n — н
η — н
ng — н (نگ)
P p — п
R r — р
S s — с
T t — т
F f — ф
X x — х (خ)
H h — h, x (ه, ه)
C c — ц
Č č — ч (چ)
θ φ — ç (ث)
S š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
◌ краткость
~ носовой
' мягкость